

КОСТЁР

4 АПРЕЛЬ 1988

КОСТЁР

4

АПРЕЛЬ

1988

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

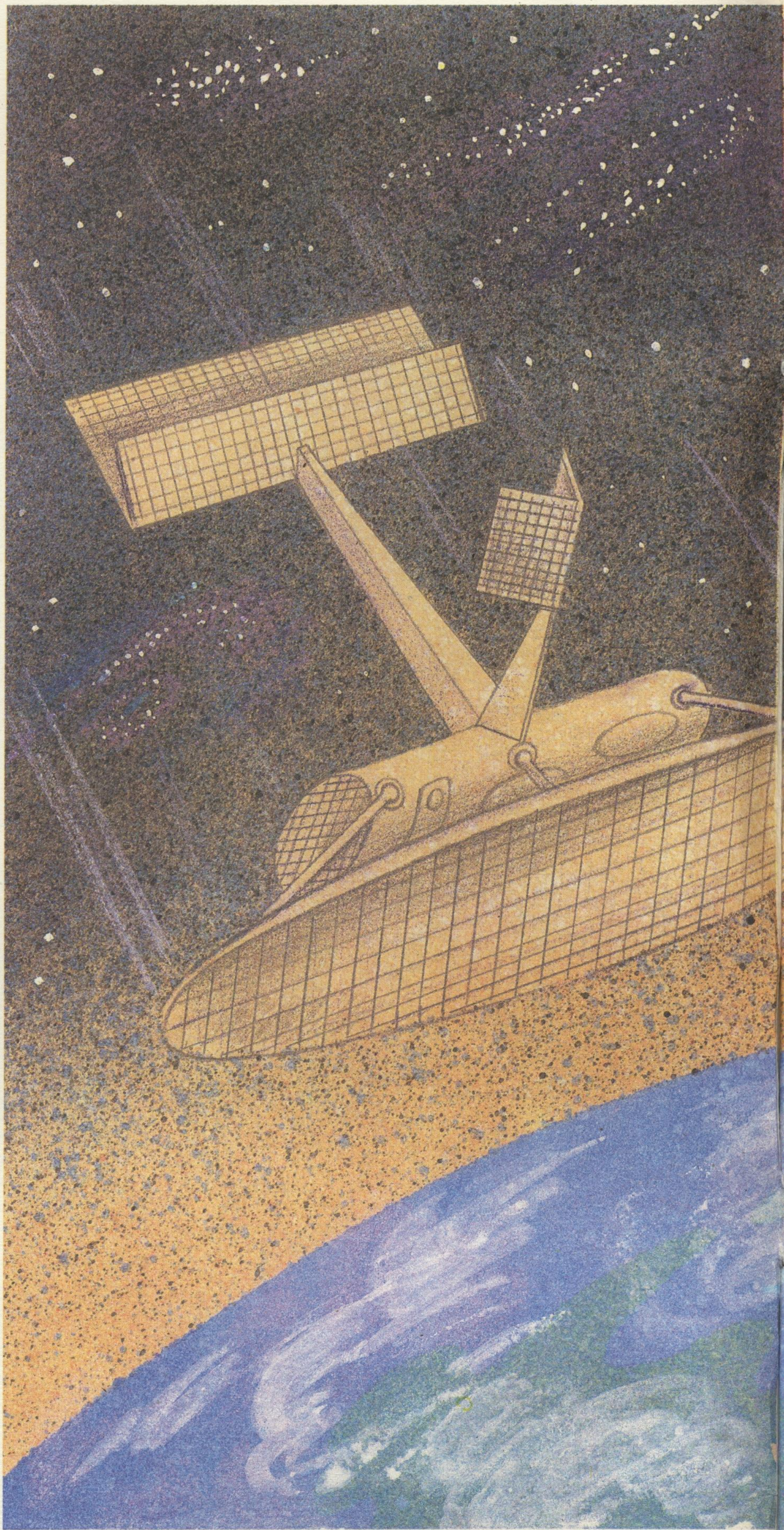
Издается с 1936 года

© «Костер», 1988 г.

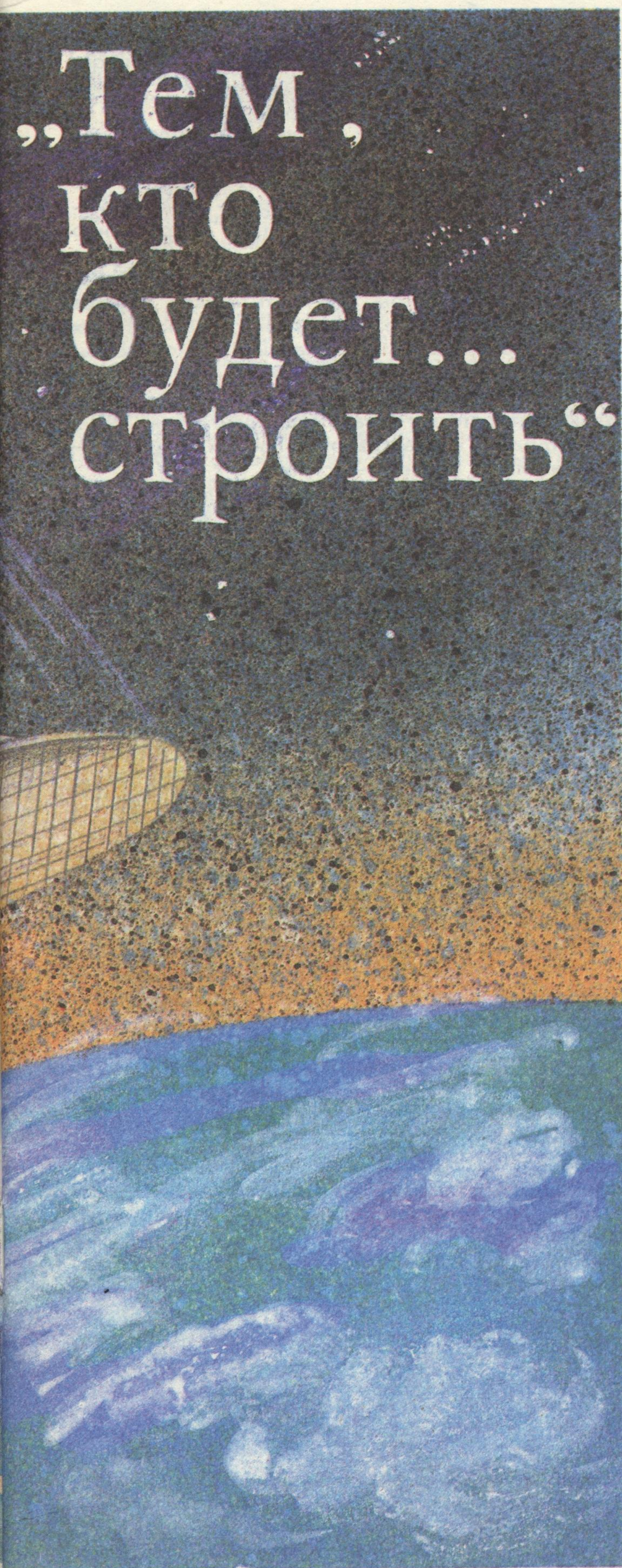
ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Тем, кто будет строить очерк Г. Черненко	1
Счастливая трудная зима отрывки из повести В. Бахревского	4
Стихи твоих ровесников	9
Барaban	10
Дневник Маши Чабуриной	14
Стихи Ескена Елубаева	17
Маленькая пролетарка очерк А. Кубарева	18
Мальчик в красной рубашке рассказ Н. Федорова	20
«Когда войны не будут люди знать» стихи В. Берестова	25
Наш дом	26
Землетрясение рассказ В. Вартан	28
Памятники отечества	30
Между «Эльфom» и «Сайгоном» очерк С. Ивановой	33
Белая дача очерк К. Васильева	37
Арчебек	39
Мальчик и тигр сказка	40
Зеленые страницы	42
Веселый звонок	44
Морская газета	46

На обложке рисунок Н. Лямина

„Тем, кто будет... строить“

«Кондратюк занимает следующее место после Циолковского...»

Академик В. П. Глушко

До запуска первого искусственного спутника Земли оставалось еще более сорока лет, а Юрий Кондратюк видел космические полеты удивительно отчетливо, в деталях и поразительно точно предсказывал все этапы завоевания межпланетного пространства.

Кондратюка называли и называют гениальным инженером, а между тем инженерного диплома Юрий Васильевич не имел.

Он родился в украинском городе Полтаве 9 июня (по старому стилю) 1897 года. Еще в школьные годы стало ясно, что человек он необычный и талантливый. Когда сверстники Юрия постигали азы элементарной алгебры, он уже знал высшую математику. Когда в гимназии проходили начала физики, он читал серьезные книги по механике и термодинамике.

Забыв обо всем, часами сидел гимназист Кондратюк, что-то вычерчивая и рассчитывая.

Идей у Кондратюка было много. Он был изобретателем по природе, от рождения.

Юрий Васильевич сам рассказывал, что в жизни его произошел решительный поворот, когда старшеклассником он прочел фантастический роман немецкого писателя Бернгарда Келлермана «Туннель». Что стоят его изобретения? В романе шла речь о строительстве подводного туннеля, соединившего берега двух континентов — Америки и Европы.

«Впечатление от келлермановского «Туннеля», — вспоминал много лет спустя Юрий Васильевич, — было таково, что немедленно вслед за его прочтением я принялся обрабатывать, насколько позволяли мои силы, почти одновременно две темы: пробивка глубокой шахты для исследования недр Земли и утилизации теплоты ядра и полет за пределы Земли».

Тема о сверхглубокой шахте была вскоре оставлена, но вторая, космическая, захватила его на всю жизнь.

Закончив гимназию, Юрий Кондратюк уехал из Полтавы в Петроград. Шел 1916 год, продолжалась первая мировая война. Едва он успел поступить на механический факультет Петроградского политехнического института, как был уже призван на военную службу. В институте Кондратюк проучился всего два месяца.

Война империалистическая, Турецкий фронт, две революции, потом гражданская война. Казалось бы, тут не до исследований по космонавтике, но Юрий Васильевич упорно работал, используя каждую свободную минуту. Ни книг, ни технических справочников под рукой не было. Не было даже чернил и писчей бумаги. Писал карандашом в обычных школьных тетрадках.

О трудах Циолковского, Цандера, зарубежных ученых он тогда ничего не слышал и разрабатывал теорию полета космической ракеты совершенно самостоятельно.

От чего зависит скорость ракеты? Как должен быть устроен космический снаряд? Как будет влиять сопротивление атмосферы на полет? Как управлять межпланетным кораблем? Кондратюк старается ответить на все главные вопросы, предусмотреть все неожиданности и препятствия, которые могут повстречаться в космосе.

Первая рукопись — четыре тетради, сшитые вместе. Прошло два-три года, и появляется второй вариант работы. Юрий Васильевич дал ей замечательное название: «Тем, кто будет читать, чтобы строить». Он словно обращался к ученым, инженерам, рабочим, которым выпадет счастье практически осуществить смелый проект, первыми преодолеть земное тяготение.

Точным расчетом Кондратюк доказывает, что ракета, не сбрасывающая своих опорожненных топливных баков или не сжигающая их (Юрий Васильевич предлагал использовать в качестве горючего ставшие ненужными металлические части ракеты), вылететь за пределы тяготения Земли не сможет. Другими словами, космическая ракета должна быть многоступенчатой. Так четко и ясно об этом никто до него не сказал.

Но как, по какой траектории целесообразнее всего лететь в космическое пространство? Кондратюк тщательно исследует этот вопрос. Оказывается, совсем не безразлично, будет ли ракета подниматься вертикально или по дуге. Второй путь значительно выгоднее, здесь потребуется меньше топлива.

Определение этой невыгоднейшей «кривой улета» было первым важным открытием Кондратюка. Вторым открытием стала теория промежуточных баз.

Более того, Юрий Васильевич предлагал создать на орбите вокруг Луны постоянную космическую базу. Автоматические грузовые ракеты

доставляли бы сюда топливо и всевозможные грузы. Межпланетные корабли будут пришвартовываться к этой базе, наполнять свои баки топливом, запасаться всем необходимым и лететь дальше: к Марсу, Венере, Меркурию...

Он первым рассчитал, что именно окологрунтовая промежуточная база (а не околоземная, как полагали другие ученые) — самая выгодная при межпланетных перелетах. «Базы, — писал Кондратюк, — вообще могли бы дать несравненно большую свободу действий».

Заглядывая в отдаленное будущее, Юрий Васильевич писал о том, что, быть может, удастся использовать для отдачи вместо раскаленных газов заряженные и разогнанные до колоссальной скорости (близкой к скорости света) частицы — катодные лучи, и предлагал схему такого электростатического ракетного двигателя.

Кондратюк не фантазирует. Рассуждения его — убедительны, расчеты — строги.

«Достигнув в 1917 году первых положительных результатов, — вспоминал Кондратюк, — и не подзревая в то время, что я не являюсь первым и единственным исследователем в этой области, я на некоторое время как бы «почил на лаврах» в ожидании возможности приступить к экспериментам».

Свои расчеты и записи он держал в глубокой тайне, наивно полагая, что достаточно опубликовать их, как может найтись богатый злоумышленник, который осуществит межпланетный полет во вред человечеству.

В 1918 году случайно в одном из старых номеров журнала «Нива» Кондратюк нашел заметку о ракете К. Э. Циолковского. Потом ему попались газетные заметки об исследованиях зарубежных ракетчиков. Кондратюк понял, что он отнюдь не одинок, что проблема космических полетов интересует и других ученых.

Кондратюку захотелось довести свою работу до уровня инженерного проекта, пусть еще не детализированного, но уже с конкретными цифрами, «осуществление которого вполне возможно».

Еще семь лет было отдано любимой теме. Когда работа уже подходила к концу, Юрию Васильевичу удалось, наконец, разыскать журнал «Вестник воздухоплавания» за 1911 год, те самые номера, в которых была опубликована знаменитая статья К. Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Он читал ее и сожалел, что не попала она ему лет на десять раньше: не пришлось бы открывать открытое. «В то же время, — вспоминал Кондратюк, — я с удовольствием увидел, что не только повторил предыдущее исследование, хотя и другими методами, но сделал также и новые важные вклады в теорию полета».

Летом 1925 года рукопись своего труда о межпланетных полетах он послал на отзыв ученику Н. Е. Жуковского, выдающемуся ученому Владимиру Петровичу Ветчинкину, который, Кондратюк это знал, тоже весьма интересовался ракетной техникой. И вот долгожданный отзыв получен. Юрий Васильевич рассказывал, что высо-

кая оценка известным ученым, профессором, исследований самоучки буквально ошеломила его. Ветчинкин советовал немного доработать рукопись, употребить общепринятые обозначения и напечатать труд в виде отдельной книги.

Кондратюк зарекомендовал себя как умелый и опытный механик-изобретатель. Его пригласили на работу в Западную Сибирь проектировать и строить элеваторы. Весной 1927 года Юрий Васильевич переезжает в Новосибирск.

Работает по-прежнему много. Уборщицы, приходившие в трест раньше всех, часто заставляли Юрия Васильевича спать на стульях. На укоры друзей он обычно отвечал:

— Понимаете, увлекся одной задачкой и не заметил даже, что ночь наступила. А будить квартирных хозяев неудобно как-то. Но я хорошо отдохнул и на стульях. Честное слово!

Вообще он был очень неприхотливым и щедрым человеком, бесребреником. Нередко заработанные деньги отдавал тем, кто, по его мнению, нуждался в них больше, чем он сам. Довольствовался малым. Жил в небольшой комнатке, которую снимал в деревянном домишке на тихой Нерчинской улице. Зимой ходил в недорогом черном тулупе (служившем ему также одеялом), а летом носил простую рабочую спецовку.

Долго не гас свет в окнах его комнаты: Кондратюк готовил к печати главный труд своей жизни — книгу о теории космических полетов. Она вышла в Новосибирске зимой 1929 года под названием «Завоевание межпланетных пространств» — тоненькая книжка в мягкой обложке. Историческая книжка!

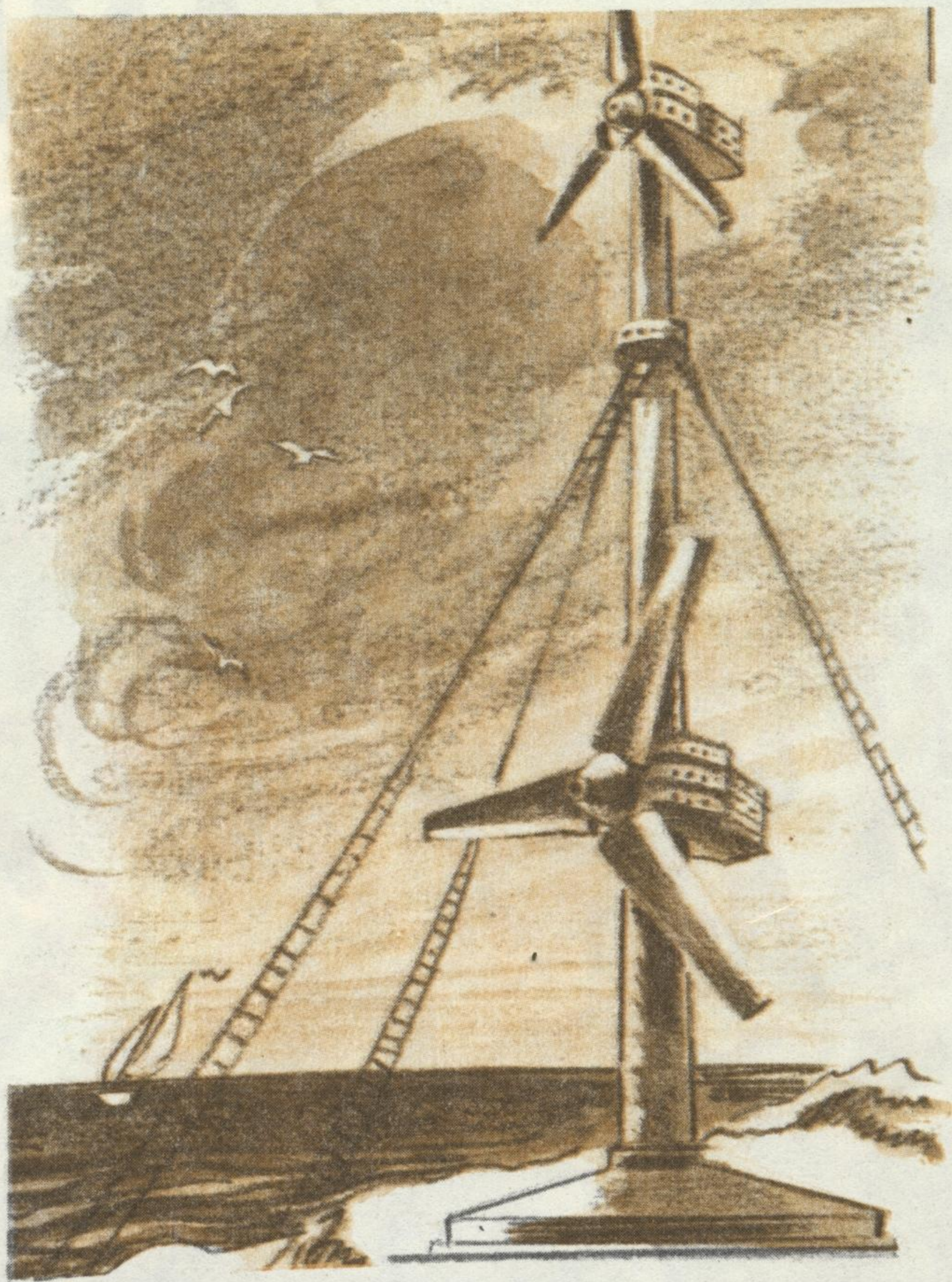
О значении и месте ее среди других «космических» работ тех лет хорошо сказал в предисловии профессор Ветчинкин. «Предлагаемая книжка Ю. В. Кондратюка,— писал он,— несомненно, представляет наиболее полное исследование по межпланетным путешествиям из всех писавшихся в русской и иностранной литературе до последнего времени».

Он давал интереснейшую схему космического корабля с крылом и хвостовым оперением — космического планера. Для защиты корабля от сильного нагрева при возвращении на Землю Кондратюк предлагал «наглухо покрыть его черепицей из какого-нибудь вещества максимальной огнеупорности».

Он предсказывал, что при первом перелете, например, Земля — Луна, экипаж космического корабля будет состоять из трех человек, двое из которых опустятся на лунную поверхность. «Когда ранним мартовским утром 1968 года,— писал американский ученый Джон Хуболт,— с взволнованно бьющимся сердцем я следил на мысе Кеннеди за стартом ракеты, уносившей корабль «Аполлон-9» по направлению к Луне, я думал в этот момент о русском — Юрии Кондратюке, разработавшем ту самую трассу, по которой предстояло лететь трем нашим астронавтам...»

Поразительно, Кондратюк не ошибся даже в численности экипажа лунной экспедиции!

Одним из первых, кому Юрий Васильевич по-

слал книгу, был Циолковский. Между ними завязалась переписка.

Великая Отечественная война застала Юрия Васильевича в Москве. При его знаниях и опыте в разработке сложных инженерных сооружений он мог остаться в столице, но Кондратюк рвался на фронт. «Мое место там, где должен быть каждый, кто способен держать в руках винтовку!» — говорил Юрий Васильевич.

Летом 1941 года он вместе с товарищами по работе вступил в коммунистический батальон дивизии народного ополчения Киевского района Москвы. Стал бойцом-связистом.

В начале октября на участок фронта, где занимала оборону дивизия Кондратюка, гитлеровцы обрушили мощный удар. Дивизия приняла бой. Однополчане Юрия Васильевича рассказывали, что в этом бою он под сильным огнем врага бросился устранять обрыв телефонной связи и был убит.

Юрий Васильевич Кондратюк погиб молодым, в возрасте сорока четырех лет. Сколько бы еще он мог сделать, создать, изобрести. Доживи Кондратюк до начала космической эры, он, наверное, стал бы активным участником завоевания межпланетных просторов. А он мечтал отправиться в полет на космической ракете своей конструкции.

Его именем названы улицы в Москве и Киеве. Имя Кондратюка носит один из кратеров на обратной стороне Луны.

Г. ЧЕРНЕНКО

Для рисунков посадочного планера и ветроэлектростанции использованы проекты Ю. В. Кондратюка.

СЧАСТЛИВАЯ

Мы проводили в Ялте пароход, ушедший в далекие страны, и поехали в нашу Евпаторию.

Шел холодный осенний дождь. Море сделалось совсем никакое, словно его залили асфальтом. Горы и вовсе пропали. Серый туман висел так низко, что на шляпы садился.

— Оказывается, и Крым бывает тоскливым, — сказал я сыну, но запотевшее автобусное окошко все-таки протер.

Дорога сразу круто пошла вверх.

Самолет пробивает тучи, когда опускается, а мы их пробили, поднимаясь.

Пробили и очутились в какой-то древней небывалой стране. Вся она, от неба до моря, — была из червонного, дорогого и очень тяжелого золота.

И я увидел! Мы петляли среди овечьей отары. Это были овцы самого Полифема. Я все смотрел, где же он, одноглазый. И наверное бы увидел — дождь помешал.

— Нет! — сказал я сыну. — Крым и в непогоду Крым.

Только я сказал это, море, которое было далеко внизу, из никакого стало серебряным. И такой это

был ясный, такой тихий свет, что даже сердце в груди затаилось.

— Посмотри! — шепнул Женя. — Видишь?

— Вижу.

Свету все прибывало. Горы засверкали, и мы то и дело теребили друг друга:

— Смотри! Да куда же ты смотришь?!

— Женя!

— Папа!

Мы даже обрадовались, когда дорога, одолев горы, пошла по селам, а потом уж и по Симферополю. Удивляться устали.

Автобус отдохнул на автостанции и побежал дальше: чудо-Крым остался позади.

Так я подумал. Про себя.

Дорога наша выкатила в степь.

Спокойные прямые линии косогоров поднимались над горизонтом. Торжественно стояли посреди земли и неба высокие стройные деревья.

И такое было на этих косогорах, и на этих равнинах, и на тоненьких ветвях этих одиноких деревьев спокойствие, так здесь было просторно, что невольно я вздохнул, а потом услышал, что и Женя вздохнул.

ТРУДНАЯ ЗИМА

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

В. БАХРЕВСКИЙ

Рисунок А. Ивашенцовой

— Хорошая степь, — сказал он.
— Хорошая.

И никакой охоты не было сравнивать, что лучше: горы или степь. Так мы ехали, задумчиво глядя в окошко, где степь, расстилая ковер за ковром, вела нас к морю и привела.

Было уже темно, но наше море светилось. Без солнца, без луны, само светилось, а вместо звезд сверкал из вечернего сумрака огонь маяка.

НАШЕ МОРЕ

У морей и океанов тоже есть свой век. Каспийское море давно на пенсии. Отгородилось от морских дел пустынями, горами, полями, садами.

Ледовитый океан — юноша. То возьмется горы ледяные строить, а то крушит их, ломает: не понравились. Спит подолгу, как молодые спят, а проснется, раздвинет льды, улыбка — хоть в кино снимай. Красавец!

Наше евпаторийское море — пестун. У медведей это те мишки, которые за медвежатами приглядывают.

Оно у нас ласковое, теплое. Уж издали зовет,

сияет — скорее, скорее! Заждалось! Давайте-ка поиграем в нырялки, брызгалки, бултыхалки!

Дети обмирают по нашему морю. Но море поиграет-поиграет, а потом шлеп малышу, шлеп! А ну, ступай на песочек, погрейся! А ну, неслух! Слышишь, мама зовет!

ГОРЧИЦА

От цветущего золотого поля шел густой медовый дух, словно из улья достали полные соты. Да и само поле было как улей. Гудело радостно, дружно, басом.

Цвела горчица.

ЧУДО НЕБЕСНОЕ

Среди тихих гор в синем небе — белоснежные купола.

Здесь день-деньской и ночь напролет смотрят на небо звездочеты. Называют их теперь астрономами. Может, потому, что они уже не звезды считают, а галактики.

Выйдите из дома в безлунную ясную ночь. Это

звезды нашей Галактики горят над нами. Это наш звездный дом.

Вон сколько у нас домов-то, оказывается! Тот, где папа и мама, — один. А второй — Земля. А третий — солнышко с планетами: солнечная система. Солнце — дает жизнь. Земля — жизнь питает, мама с папой — любят нас. А четвертый дом — Галактика. Но таких галактик великое множество — как звезд! Вот и смотрят на них астрономы, тайны выведывают, разгадывают. Галактики тоже не вразброс, не сами по себе — они пятый наш дом: Вселенная.

Прочитали вы и подумали: ну, хорошо, на звезды, конечно, надо ночью смотреть, а что же днем-то увидишь?

Днем крымские астрономы смотрят на Солнце. Такие телескопы тоже есть. Дали и мне разочек глянуть.

Смотрю — вон оно, солнышко, хоть рукой потрогай! А уж беспокойное-то! Вихрь кольца вьет, а вокруг диска фонтанчики. Будто каша до того раскипелась, что всплескивает.

На другой день я опять попросил на Солнце поглядеть. Времени было побольше. Смотрю и не могу наглядеться. Про кашу позабыл.

Вихрь — только замерший! И всплески, они по-ученому называются протуберанцами, тоже не шелохнутся. Да это ведь — яблони! И яблочки уже поспели! Вот уж наливные-то, вот уж золотые. Одним словом — чудо небесное.

ТАРХАНКУТ

За зиму Тарханкут отвыкает от людей. Все здесь дико, сурово и прекрасно.

Стены бухты отвесные, гладкие. Небо начинается сразу за травянистыми степными кочками. Тут рассеянным быть нельзя, небо вот оно, а синезеленая бездна моря так далеко внизу, что голова кружится. Бухта для Одиссея.

Слева от бухты нагромождение черных скал и камней. Слово чудище какое-то в ярости разворотило каменное нутро земли. Ветер над морем гудит, волны ходят, покачивая белыми гривами. Расшибаются о скалы с присказкой: «А-аах!» Слово артельщики «бабу» забивают.

Стоишь на твердой земле, а под ногами — эхо. Море промыло потаенные гроты. Корабль можно спрятать под землей. Одиссеев, конечно.

Спустился ближе к морю. И вдруг попал в заповедник тишины. За каменными утесами каменная чаша. Налита морем. Таким светлым, словно снизу лампа горит. Ни волн, ни струй — умиротворение.

И вся эта чаша от поверхности до самого дна наполнена медузами. Крошечными — с пяточок и чуть побольше — с ладошку. Вода где-то внизу соединяется с морем и чуть-чуть покачивается, как люлька. Море малышом своих баюкает.

Замираю, чтоб услышать слова колыбельной, но сердце стучит, стучит. И я не слышу ни рева волн за крепкими утесами, ни тихой колыбельной.

Вода покачивается, медузы, как лампочки, вдруг начинают наливать светом, ярче, ярче, и меркнут.

Над нами чайка. Летит на ветер грудью, прошибает его и кричит. То ли от напряжения, то ли от восторга. Я слышу в ее крике явственное человеческое слово: «Тархан-кууут!».

ЛОВ КЕФАЛИ

Ковыли и те не шелохнутся. Ни облачка, ни дуновения. Пахнет горячей полынью.

Степь. Небо. Море. И еще вечность. Народы приходили сюда и уходили, но оставались степь, небо, море.

Жарко. Море чуть пришепывает волной о берег. И сверху, с кручи, оно похоже на спящего. Спит, а ресницы вздрагивают — сон снится.

На берегу сбитый из досок сарай. В море, метрах в ста, две вышки. На вышках — что-то похожее на шалаш сторожа с бахчи.

И сторож тоже есть.

А что он сторожит? Синие волны? Отраженные морем звезды?

И волны, и звезды, и еще кефаль.

Кефаль рыба умная. Впереди косяка идут самые опытные и глазастые лобаны. Чуть что, развернутся — и в море. Потому и на вышках рыбаки сидят самые терпеливые, самые зоркие. Они-то и закрывают кошель невода, который до поры до времени опущен ко дну.

Лов этот придумал, может, сам хитроумный Одиссей.

Вышки стоят на путях кефали. Она веками не меняет свои дороги из глубин моря в лиманы и заливы, где много корма.

Кефаль рыба красивая. Чешуя на ней горит голубым серебром.

В сарае дремлют рыбаки. Лодка у них наготове, и сами они хоть и посапывают, но слышат всякий звук.

Они ждут призывного:

— Иса-а-а!

Так закричит с вышки сторож, захлопывая кошель невода.

Никто уже не знает, почему надо кричать «Иса» и что означает это слово. Но так кричали деды и деды дедов. Значит, так надо. Деды знали, что делали.

— Иса-а! — раздастся с вышки.

И сразу ветер. Может, оттого, что так быстры рыбаки, весла посвистывают, уключины поскрипывают, и вот уже хлопнуло, взрыгнуло море, отдавая дань людям.

Сверкнул голубым, светлым, как жар, полный рыбы притон невода.

Ловись, рыбка, большая да маленькая! Ловись, но плодись, чтоб и деткам хватило, и внукам, чтоб не было тебе переводу, серебряная красавица кефаль — рыбацья радость. Пусть и впредь летит над жаркой степью призывный, радостный, никому уже не понятный крик:

— Иса-а-а!

ЗИМНЕЕ МОРЕ

Серое небо, серебряно-серый тополь и море. Море серым не умеет быть. Оно тоже все притума-

ненное, но зеленое. Зеленая эта тихая-тихая, ушедшая вся на дно. Со дна и посвечивает. Нежно, грустно. Словно сказку говорит. О весне.

СЧАСТЛИВАЯ ТРУДНАЯ ЗИМА

В декабре в Крыму цветут розы. В иное утро проснешься — за окном бело: зима. «Ах, бедные! — подумаешь о розах. — Розы вянут от мороза!» Но зимы хватает до обеда. Подует ветер с моря — небо заголубеет, теплынь — весна да и только!

Случаются, однако, и в Крыму студеные зимы. Морозы друг перед дружкой возьмутся теплое море замораживать, да где им! А вот лиманы льдом заковать у них силы хватает. Тогда беда! Птицам беда. Птицам не холод страшен — бескормица, кормят их лиманы.

Зимуют в лиманах утки всякие-превсякие: кряквы, лысухи, нырки, чомги красавицы и кулички тут, бакланы, лебеди...

Лебедей в лиманах многие тысячи. Посмотришь издали — голубая вода и белое облако над голубым, лебединое.

И вот редеть стало облако. Люди, как могли, помогали — корм на вертолетах привозили. Но зимы не убывало. И тогда птицы сами прилетели к людям.

Стало в нашем евпаторийском море тесно. Возле берегов словно уткоферма. Только птица вся разномастная. Лебеди тоже прилетели.

Обрадовались евпаторийцы переселенцам. На улице у всех разговор об одном:

— Птиц идете кормить?

— Да ведь трудно им.

— Трудно. Мы поутру сбегали, до работы. Теперь уж на ночь глядя сходим.

Вот когда можно было всласть насмотреться на прекрасных лебедей. Какая же удивительная это птица! Подошли мы к морю. А море все в ледяном крошеве. Крошево густое, как разбрякшая рисовая каша. Лебедь и лебедушка оказались перед нами. Бросаем хлеб и ему, и ей. Лебедушка ест жадно, за кусками и шею тянет, и по крошеву ползет. А лебедь не шелохнется. Под самую грудь ему бросали кусочки — поведет головой, словно показывает лебедушке, где еще можно взять, и все. Только тогда сам хлеба отведал, когда его подруга насытилась. Ей ведь по весне лебедей выводить.

Ах, как ожил в те дни наш заснувший на зиму город! Разве это не событие — птицы доверились нам, людям, от которых всякий зверь бежит сломя голову.

Сны, и то всем хорошие снились, с полетами, с синим небом. От многих слышал.

Одни чайки были недовольны. Курортники их балуют. Вот они и завистничали. Бросишь утке кусочек, а чайка сверху налетит, лапами утку макнет в море — хватать хлеб, и в небо. Разбойницы!

БОКАЛЬСКАЯ КОСА

Бокальская коса уходит в море километра на три. Шириною коса где шагов в сорок, а где в добрых две-три сотни. На широких местах своя

жизнь. Тут озера, камыши, шумные птичьи деревни.

Бури выбрасывают на берег камку. Морскую траву, которая не горит. Когда-то ее собирали. Очищенная от песка и ракушек, высушенная, она шла на набивку матрасов.

Потом производство заглохло. Никому не нужная камка громоздится на побережье, похожая издали на старые крепостные валы. Сообразительные купальщики устраивают в камке гнезда и нежатся на солнце в затишье. Ветры тут бывают резкие, дуют по несколько дней кряду.

Птицы, море, запах камки — и очень мало людей. В эти месяцы южный берег Крыма кипит от многолюдья. Там дворцы толпой у моря, кипарисы, огненные краски цветников, музыка, сияющие по ночам пароходы, вереницы автомобилей, иностранная речь — курорт.

А здесь — небо, птицы, море, и на всей косе ты один, как Робинзон Крузо.

Мы приехали на Бокальскую косу в полдень. Было безветренно, жарко. И вот ведь — сказка наяву: с одной стороны море бушевало, а с другой, в двадцати метрах всего, ни единой морщинки и вода ледяная. Купались в волнах. Волны были на удивление теплые.

Северный Крым.

Проходит лето, улетают птицы, а те, которые не улетают, умолкают, начинается долгая непогода. Земля расползается от дождей или затвердевает, как камень, под сухими, обдирающими лицо ветрами.

Странное ты существо, человек! Гниющие водоросли, сыпучий песок, пронизывающие тело ветры, но в памяти остается другое. Одного хрустального дня хватает, чтобы добром поминать край.

МИЛЛИОНЕРЫ

Был я на поле миллионеров.

В Крыму мало своей воды. Тучи и в этом году загулялись за морем — за полгода с неба хоть бы капля упала.

А здесь поле, как изумруд, горит на солнце зеленым огнем жизни.

На поле никого. А вот над полями — железные «птеродактили». От горизонта до горизонта похаживают, а с их тощих крыльев — проливной дождь льется. «Птеродактиль» этот на заводе сделан. Называется — поливная машина «Кубань».

Потому и миллионеры, что всегда здесь с хлебом.

Приехал на свиноферму, дали белый халат. Чистота! У каждой свиньи своя комната, а рядом комнатка. В комнатке под сильной теплой лампой поросята греются. Поспят-поспят и к маме бегут, молочка попить. Молочка попьют, и под лампу — в тепле спать да расти скорее.

Потому и миллионеры, что всегда с мясом.

Приехал в коровник, а там тоже людей мало. Одни машины стойла чистят, другие еду коровам подают... В комнате отдыха для доярок цветы, ковры, кресла. Как в санатории.

Потому и миллионеры, что всегда с молоком. Поехали в сад. Вот они где, люди. Яблоки собирают, «симиренку». Эта всю зиму будет зеленая, сочная, ароматная.

Ящики огромные, стоят густо, полнехоньки!

Потому и миллионеры, что всегда с фруктами.

— А сколько же у вас миллионов? — спросил я у председателя колхоза.

— Да побольше ста будет, а если точно, на нынешний день, — сто тридцать два.

Вот откуда они — школа искусств, дворец спорта, картинная галерея, светомузыка над площадью... Как сказал поэт: «Землю попахнут — попишут стихи».

ЕЩЕ ОДНО ЧУДО

Мы видели с Леной, как чайки небо в море носили. Солнцу пора было на покой, но и оно загляделось.

Чайки каруселью летали над самой кромкой земли и воды. От воды к небу, с неба к воде. Их белые хвостики, белые каемки крыльев, белая грудь были совершенно голубые. И такая эта голубизна была тоненькая, такая чуть-чуть, что светилась!

Стояли мы, озаренные чудом, и говорили друг другу:

— Ты видишь? Чайки голубые! Никогда такого не было.

Не было, да совершилось.

БАХЧИСАРАЙ

У каждого мальчика, попавшего сюда, глаза разбегаются от восторга. У девочек душа замирает. Вот они где, сады Черномора.

Скалы, каменные глыбы, каньоны, пещеры. Если хорошо поискать, можно найти каменный топор доисторического охотника.

Кельи средневековых отшельников, ханский дворец, следы минувшей войны...

Скалолазы штурмуют отвесные скалы. В небе орлы, в кудрявом и колючем можжевелевом лесу — дрозды, белки, удивительные синие жужелицы.

Куда ни посмотри — загадки и тайны времен. Как тут мальчишескому сердцу не запылать отвагой и надеждой.

А какие улочки! Все вверх, вверх, по кручам. А на самой круче три каменных исполина. У одного круглая голова, широкие плечи, рука вдоль тела, ладонь вытянута, другая рука согнута в локте, в камень ушла. Рядом с круглоголовым — царь древних волосатых людей. Лоб низкий, нос широкий, надбровные дуги выпирают, глаза запали. А на голове — круглая каменная тубетейка. Такая же тубетейка на макушке третьего исполина. Это — рыба-кит. Глаза круглые, поставлены близко. На закат смотрят.

Кто сотворил исполинов? Море?

Здесь когда-то бушевали волны. На вершинах окаменелые раковины, отпечатки моллюсков.

А может быть, ветер? Он зимою по ущельям летает с посвистом.

Но как знать, не приложил ли к этим исполинам свою руку человек в шкурах? А уж жертвенные костры наверняка здесь возносили к небу дразнящие аппетитные дымы.

Однажды мы приехали сюда в неласковую погоду. Шел дождь. Мы, конечно, огорчились: ничего не увидим. Но, погорчавшись, надели на себя всю одежду, какая была, и пошли по тропке. Тропа подняла нас над городом, над каменными исполинами.

Какие же мы были молодцы, что не испугались дождя!

Дождь трепало ветром, как полотнище. Мы жмурились, горбились да и замерли вдруг! Над ущельем, как драгоценный мост, сверкала радуга. И не только мы поражены были чудом. Дождь и тот замер на лету. Да так и не упал больше на землю, околдованный.

Ночью посреди синего-синего неба сверкала полная безупречная луна.

Под такой луной стыдно спать — столько красоты проглядишь. Но, найдясь по мокрому, скользким горам, мы не долго противились сну.

Проснулись — виноватые... Но тотчас и позабыли о своей вине. Нас ожидало солнце и чудо. Все ущелье вспенилось благоуханными цветами. После дождя, после лунной ночи, в ласковом тепле утра — сирень зацвела от края и до края. И ущелья уже не видно было — все цветы, цветы и пение ликующих птиц.

— Потому и Бахчисарай, — сделали мы открытие.

И, уезжая, все повторяли это чудесное слово: «Бахчисарай». И улыбались. И про себя, и друг другу, словно были связаны прекрасной тайной.

ПАРУС

Под Керчью есть памятник. Огромный бетонный парус над морем. Место здесь высокое.

Слева неподалеку — развороченные немецкие доты. Еще чуть дальше — остатки священного алтаря древнегреческого города Нимфеи.

Сколько людей здесь были счастливы! Одно море над головой, благоуханное, прогретое солнцем, настоящее на степных травах, другое — по всему горизонту, синее, радостное, рыбное.

Потому и шли сюда когортами, ордами, бронированными дивизиями, чтоб отнять эту землю, это море, это небо.

Последними пришельцами были фашисты. Вот она — память о них: развороченный бетон, ржавые прутья железа.

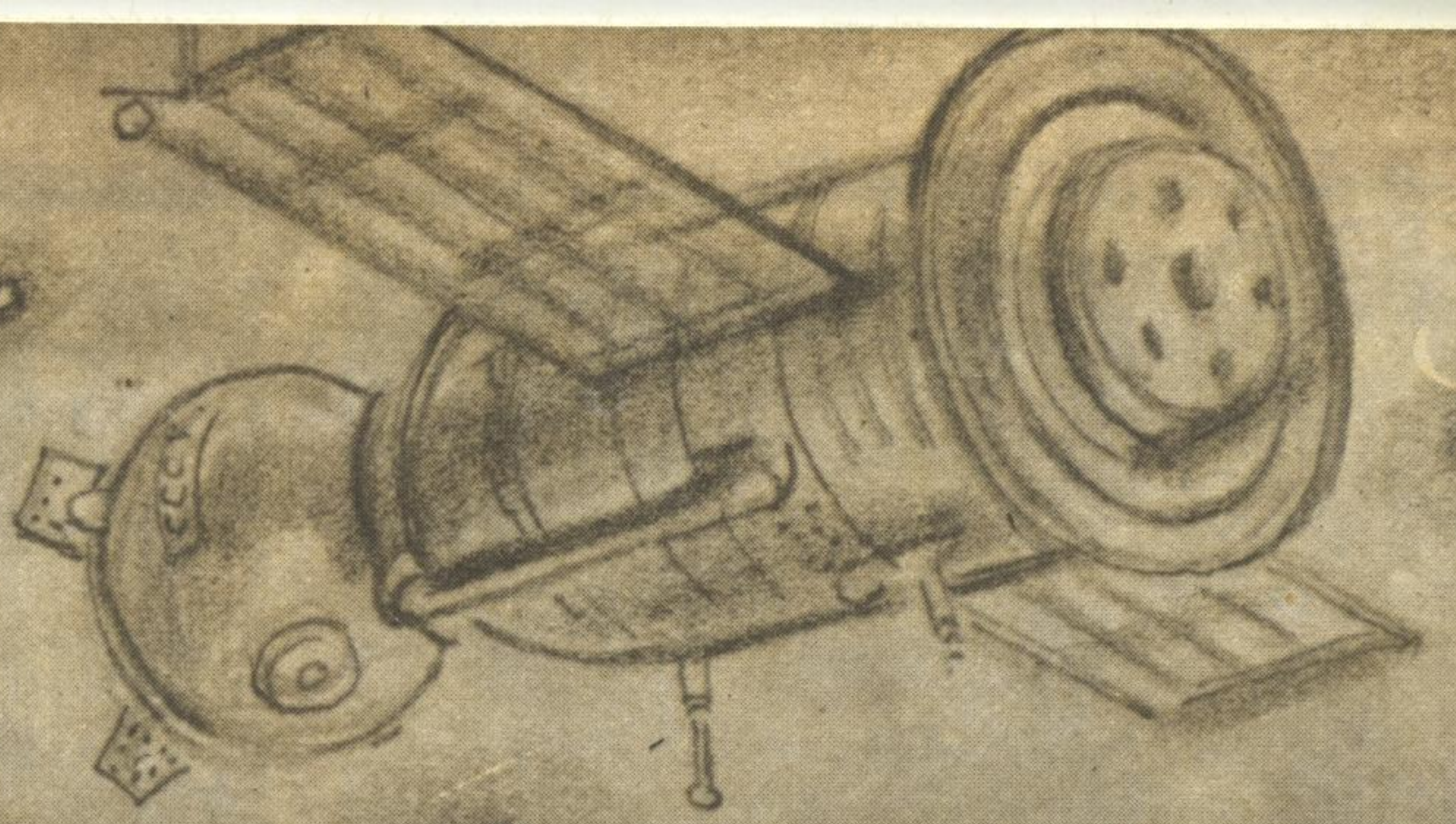
Парус — в честь наших героев. Они штурмовали эту гору. Гора извергала огонь и смерть. И многие, многие пали, не дойдя до вершины. Дошли другие. Добыли покой прекрасной земле.

Тишина.

Море, степь, небо, люди, занятые работой.

Мир.

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ПЕРВЫЙ КОСМОНАВТ

И вот настал тот миг,
Когда возник
Первый в мире звездолет,
И человек отправился в полет,
Чтобы узнать красоту Вселенной
И нашей планеты необыкновенной.
Он сказал: «Надо землю беречь,
От войн ее стеречь,
Ведь она так мала,
Наша планета — Земля».

Аня Жабина,
Тула

СОЛНЫШКО

Солнышко, солнышко,
рано ты встаешь,
до нашего окошка
лучами достаешь.
Солнышко, солнышко,
всходи поскорей,
замерзла я немножко,
а ты меня согрей!

Лиля Дементьева,
Черкассы

МОРЕ

Море плещется волной,
Подгоняет корабли.
Море, море, ты постой,
Ты с собой меня возьми!
Быть хочу я капитаном,
В разных странах побывать,
Любоваться океаном
И свой дом не забывать.

Алена Беспалова,
село Киевское, Краснодарский край

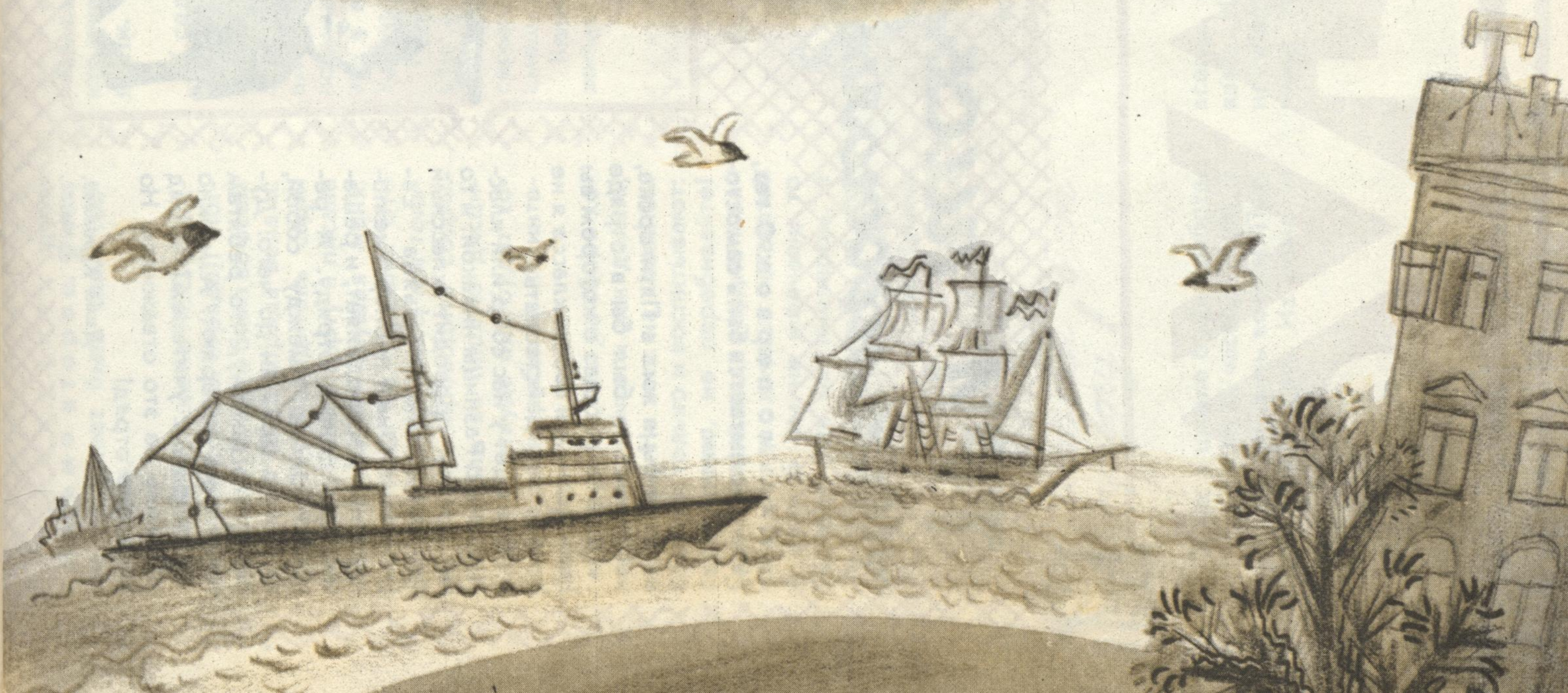
ПРО ЧУДАКА

А я смотреть люблю, как самолеты
Взлетают с ревом в океан небес.
А я люблю смотреть, как кто-то
Вдруг просто так уходит в лес.
Быть может, мне и не поверят:
«Чудак! Какая ерунда!»
А я люблю, люблю я людям верить.
Чудак? Да жизнь — не жизнь без чудака!
Ведь кроме планов, знаний и труда,
Нужна еще и шутка иногда.

Инна Саракчук,
Ленинград

Рисунок Н. Куликовой

МАРАФАДА

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТЯЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ.

ТРИ ПИСЬМА о самостоятельности

Письмо первое. О тех,
кто и не пытается быть самостоя-
тельными.

Если бы я жил в Пятигорске,
обязательно был бы в отряде
«Пламя», рассказ о котором вы
печатали. А в своем классе я не
знаю, как действовать.

Вот идет у нас сбор или клас-
сный час. Разницы никакой: и то
и другое проводит классный
руководитель, Татьяна Ев-
геньевна. Она и пионерские по-
ручения распределяет, и реша-
ет, что делать отряду. А ре-
бята болтают между собой,
и нет им дела ни до чего. Ду-
маю, это потому, что ребятам
ничего не доверяют. А можно
ли спорить с учителем? Отряд
«Пламя» на это отважился. Но
ведь это отряд!

Дима Куравлев,
7 класс,
Москва

А мы сами

С братом Виталиком и ребя-
тами из нашего отряда почини-
ли и покрасили все самолеты,
качели, песочницы, столики и
лавочки во дворах квартала.
Гвозди, краску и кисти мы вы-
просили в ЖЭКе. Работали це-
лую неделю. Мы довольны,
и малыши рады.

Андрей Левчук,
5 класс, школа № 11,
Умань

Почти каждый день я прихо-
жу с ребятами к старушке Анне
Сергеевне. У нее никого нет:
три сына погибли на фронте.
Мы помогаем ей по дому, а она
рассказывает нам про войну.
Недавно ей исполнилось 80 лет,
и мы испекли ей торт «Наполе-
он». Анна Сергеевна его очень
любит, но сделать уже не мо-
жет.

Ира Хендо,
6 класс, школа № 6,
Ковров

Учитель

У нас была учительница —
Нина Владимировна Бобарева.
Мы долго не знали, что Нина
Владимировна покупает на свои
деньги книги и пересылает их
в детский дом.

Сейчас наша учительница ра-
ботает в сиротском интернате,
и теперь мы пересылаем этим
ребятам книги. Они живут без
родителей, пусть наши книги
отвлекут их от горестных раз-
думий.

Наташа Турлава,
7 класс,
Шостка

Письмо второе. О тех, кто не умеет быть самостоятельными.

Ура! Я больше не ПСО (председатель совета отряда)! Когда я была ПСО, то была во всем виновата. Сбор отряда вела я. Классный руководитель садилась на заднюю парту и писала что-нибудь, не слушая меня. Ребята тоже не слушали. Это был четвертый класс, мы только учились проводить сборы. Нас ругали за плохую дисциплину. А откуда она будет хорошей, если ребятам не интересно?

Получается так: на сборе хозяева мы, а что и как делать, не знаем. Но зато на классном часе нас только и воспитывают: сидите тихо, не перебивайте! Слушайте! А ведь трудно молчать, когда хочешь сказать! А если б мы не молчали, то Беликов был бы пионером, а Земница не остался бы на второй год.

Лена Губина,
6 класс,
г. Арсеньев

„Барабан“ бьет тревогу!

У нас в школе буфет работает только до 15 часов, а занятия кончатся в семь вечера. Приходится голодать. Из дома не

Письмо третье. О тех, кто уже не хочет самостоятельности.

К седьмому классу мы забыли, что мы отряд. Отсидим уроки и бегом домой! Что-нибудь сделать для школы? Или просто вместе посидеть, поговорить, подумать, как мы живем? На это у нас времени не хватает. У каждого — свои дела.

Когда-то наш отряд был совсем другим. А теперь — равнодушные. На все попытки серьезно поговорить — одни смешки.

Какими же мы войдем в жизнь?

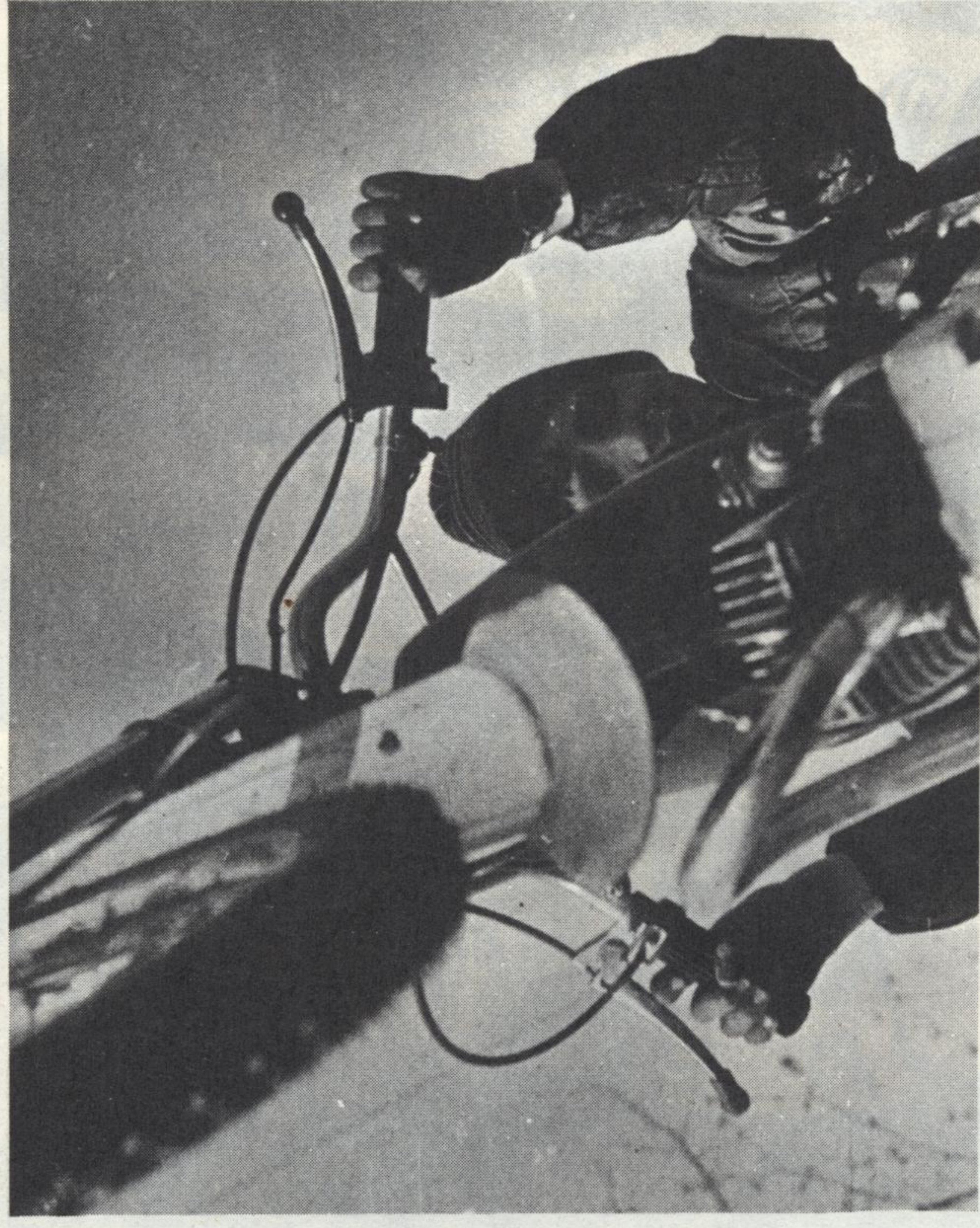
Наташа Пугичева,
7 класс,
г. Арсеньев

всегда успеваешь что-нибудь взять. На пятом-шестом уроке начинает болеть голова, а медпункт тоже не работает.

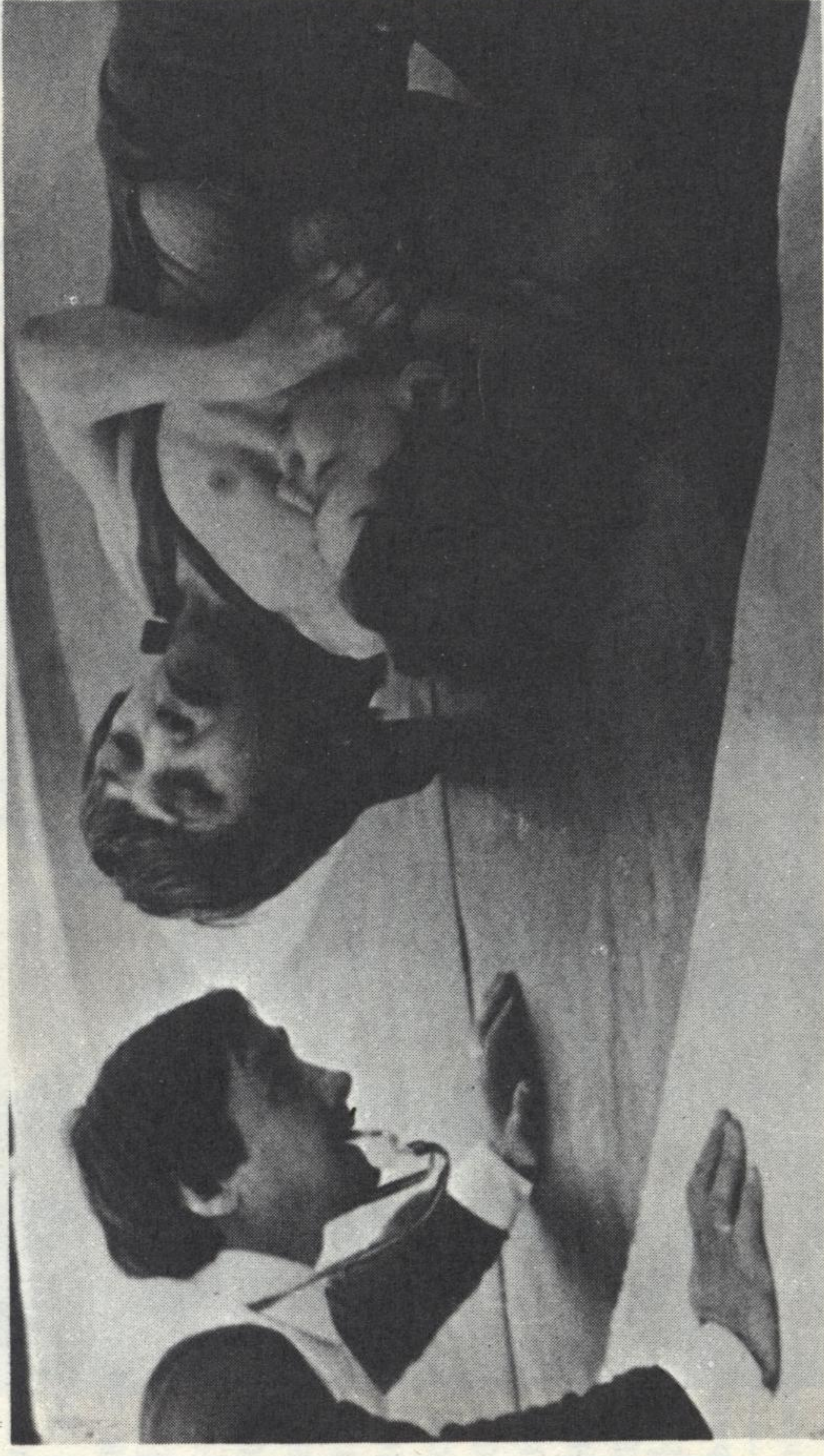
Дима Варшавский,
5-6 класс, школа № 97,
Харьков

ФОТО КОНКУРС

УКРОЩЕНИЕ МОТОРА

Женя Агеев, Ленинград

ЗАХВАТ

Игорь Пушкарев, Пермская обл.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Лена Кулакова, пос. Крестцы, Новгородская обл.

КОСМОНАВТ

Лера Бабичева

Мы пишем

Ищу ответ

Получив очередной номер журнала, отложила его в сторону. Когда стало совсем скучно, все-таки взяла и начала читать. Из всего журнала понравился только один рассказ. Все остальное мне не интересно. Я ищу ответ на вопрос: как вытаскивать своего друга из плохой компании, отучить его от курения, сделать так, чтобы он ходил на уроки? Но вы пишете о птичках, об идеальном пионерском отряде, о замечательном КИДе, о роботах. А о том, что

многих из нас волнует, не пишете, потому что не знаете, что писать.

Света,
Ленинград

Света, как жаль, что ты не сообщила свой адрес. «Барабан» очень хочет помочь тебе и твоему другу. Позвони в редакцию по телефону: 271-49-91. Наверное, и ребята откликнутся на твое письмо. «Барабан» ждет.

Тде & жибу

Мой город — Голая Прис-тань. В первой половине XVIII столетия здесь, при впадении реки Конки в лиман Черного моря, существовал запорожский Голый перевоз через Днепр. В то время эта местность была пустынной, голой. В начале XIX века рядом с Голым перевозом возникло небольшое село — Голая пристань.

Сегодня это город садов и виноградариков. На восточной окраине расположен санаторий «Гопри». Он славится своими целебными грязями. В 1902 году в Голопристанской грязелечебнице работал Дмитрий Ильич Ульянов. Тогда еще молодой врач, Д. И. Ульянов не только оказывал помощь больным, но и помогал Херсонской организации РСДРП установить тесную связь с ленинской «Искрой».

Война в наш город пришла 13 сентября 1941 г. В первые же месяцы оккупации в городе стали действовать подпольные группы. Много патриотов погибло, так и не дождавшись победы. Один из них — Юрий Игнатченко, именем которого названа наша пионерская дружина.

Юрий Чибирка,
5 класс,
школа № 4

Подруга

Я хочу рассказать о Тане Сарки, с которой дружу. Ее душа была испанец, и Таня свой характер унаследовала от него: горячий, нетерпеливый, стремительный. Таня очень хороший товарищ. Когда я болел, она всегда приносила задания, занималась со мной. Таня отличница, учеба ей дается легко. Большим черным косам может позавидовать любая красавица. Брови вразлет, глаза горят, улыбка — такая она всегда. Мы часто не обращаем внимания на замечательных людей, а она именно такая.

Ребята надо мной смеются, дразнят меня, что мол, влюбился. Но я не обижаясь. Они просто не понимают, что у меня есть настоящий друг.

Саша Ивняк,
6 класс,
Рязань

Литературная страничка

ТАЙНА ПЕРСИКОВОЙ КОСТОЧКИ

Маша Бычкова, Жанна Дорофеева

К полету готовился прекрасный корабль. Экипаж состоял из 14 человек: семь опытных космонавтов и семь ученых, среди них — Алексей. Отец Алексея остался, здоровые не позволяло отправиться в путешествие. Алексей обучил всех членов экипажа языку, на котором им, быть может, придется разговаривать с обитателями другой планеты.

Полет проходил нормально. Через сто три часа они попадают в созвездие Кассиопеи. Ученые высчитали, что только две звезды могут иметь планеты. Эти данные значительно облегчили поиск.

И вот на экране возникло какое-то небесное тело. Друг за работала рация. Все услышали таинственные звуки — они были так красивы, что все сидели в недоумении. Первым опомнился Алексей. Рация передавала слова и звуки того самого языка косточки. Алексей на том же языке передал: «Идем на помощь!»

«На нашей планете живут только талантливые люди, —

так начал свой рассказ один из инопланетян. — Но случилась беда: начали извергаться все вулканы, на равнинах стали появляться горячие источники. Правительство срочно решило эвакуировать людей на другую планету, которая движется по той же орбите, что и наша. Людей посадили на тысячи космических кораблей. Наш корабль был последним в строю. Уже когда мы начали посадку, по рации передал: «Здесь опасность... Ищите помощь. Всех парализовало...» Тут сообщение прервалось. Мы поняли, что люди растворились в воздухе, потому что их слух поразили грубые звуки. Ведь у нас, жителей Ирмы, слух очень тонкий, и при неблагозвучиях мы исчезаем. Мы полетели искать помощь и оказались на вашей прекрасной планете. Мы не знали, как завести знакомство с землянами и решили передать информацию немного необычным способом. Фоторобот помог распространить запись на все персиковые косточки. Остальное вы знаете».

Продолжение. Начало в № 3 1988

Окончание следует

ДНЕВНИК МАШИ ЧАБУРИНОЙ

Ее зовут Маша Чабуринна.

Маша — восьмиклассница, живет в Ленинграде. У нее много друзей и увлечений. Занимается в клубе юных экскурсоводов Дворца пионеров и в школьном драматическом кружке. Она — вице-президент клуба интернациональной дружбы, член совета дружины и редактор газеты, увлекается историей и литературой, любит рисовать и играть на пианино. А еще Маша уже несколько лет ведет дневник. Но это дневник не для себя, а для всех. Читая его, можно многое понять и над многим задуматься.

Несколько страничек из дневника мы решили напечатать.

До отхода поезда — считанные минуты. Входим в вагон и сразу «прилипаем» к окнам. Там, на платформе, наши родители дают нам последние указания.

Поезд уже тронулся, а я все не верю, что через несколько дней буду за границей — в Германской Демократической Республике.

... В Москве я уже не первый раз. И каждый раз мечтала побывать в Мавзолее. Сегодня эта мечта осуществилась. Чем ближе подходим к Мавзолею, тем тише становятся голоса людей, а лица — задумчивей и строже. По гранитным ступеням спускаемся вниз. И вот наконец Траурный Красный зал, звенящая в ушах тишина, почетный караул и Ленин. Шли как во сне, не отрывая от него глаз...

...Утро какое-то нервное, суматошное. Снова в руках сумки и чемоданы. И снова — вокзал, где мы садимся в поезд. В тот самый, что довезет нас до Берлина.

Вечером приехали в Брест.

В каждом купе разговоры о таможенном досмотре. Но что это такое, никто толком не знает. Наверное, будут проверять чемоданы.

Но наши вещи пограничников не заинтересовали. Проверили нас по списку и пошли в другой вагон.

Перед самой границей все толпимся у окон, волнуемся. Вот уже видны четыре большие буквы: СССР. Впереди, за ними, река, мост и территория Польши...

Завтракали в вагоне-ресторане. Кто-то сказал: «Завтрак — в Польше, а обед будет в Берлине». И правда — в два часа дня мы уже были на берлинском вокзале.

По случаю приезда нашего «Поезда дружбы» в Трептов-парке состоялся митинг. С волнением смотрю на знаменитый памятник советскому воину-освободителю. Конечно, я его видела не раз в книгах и на открытках, которые мне присылает Катрин — моя немецкая подруга.

...Проснулась от стука в дверь. Открыла глаза и увидела нашу Кильку (не знаю почему, но это прозвище нашей руководительнице очень даже подходит). «Сколько можно спать? Немедленно вставайте! Это же безобразие!»

Смотрим на нее и ничего не понимаем: у нас в запасе еще уйма времени. Но раз кричит, надо вставать, одеваться. Когда встали, выяснилось: вечером она забыла нас предупредить, что завтрак будет не в восемь, а без пятнадцати семь.

Гостиница, где мы живем, называется «Эгон Шутц», в честь пограничника, погибшего при охране границы с Западным Берлином.

Первая наша встреча с пионерами-тельманцами была во Дворце пионеров. Потом смот-

рели концерт художественной самодеятельности. И, конечно, не догадывались, что пройдет еще несколько минут — и мы сами будем выступать.

Дело было так. После концерта хозяева предложили нам пройти на второй этаж. И когда мы туда пришли, нас встретил какой-то странный косматый человек. Он сразу забегал, засуетился. Затем принес откуда-то ксилофон и предложил одному из нас сыграть на этом инструменте. Когда желающий нашелся, на сцене появились огромный барабан и тарелки. И снова на вопрос: «Кто хочет поиграть?» — быстро нашлись желающие. Короче, не прошло и пяти минут, как у каждого из нас был какой-нибудь неожиданный предмет. У одних — пищалка или колотушка. У других — звонок или трещотка. А у меня в руках оказалась обыкновенная стиральная доска. Играя, мы подняли такой невообразимый шум, что в двери начали заглядывать посторонние.

Наконец наш дирижер (это был руководитель кружка импровизации) поднял руку и попросил тишины: «Все карашо. Очин карашо! Но можна еще лютше». И он стал поочередно играть на каждом из этих инструментов, и каждый из них был по-своему музыкален. Даже «моя» стиральная доска могла быть радостной и печальной, тревожной и задумчивой.

...Сегодня были на смотровой площадке берлинской телебашни. Ее высоту легко запомнить — 365 метров. Столько же, сколько дней в году. Весь город виден как на ладони.

Потом ходили в зоопарк, где кормили травой маленького олененка и никак не могли сосчитать, сколько рыбешек мо-

жет положить в свою «сумку» розовый пеликан. Хорошо, что звери и птицы живут здесь не в тесных клетках, а в просторных вольерах, среди живой природы.

Вечером, во время прогулки по городу, на одной из улиц увидели настоящего зайца. Устав от жары, он принимал у фонтана прохладный душ. Мы подошли совсем близко. Кто-то пошутил: «Ну, заяц, погоди!» Но заяц даже не обратил на нас внимания...

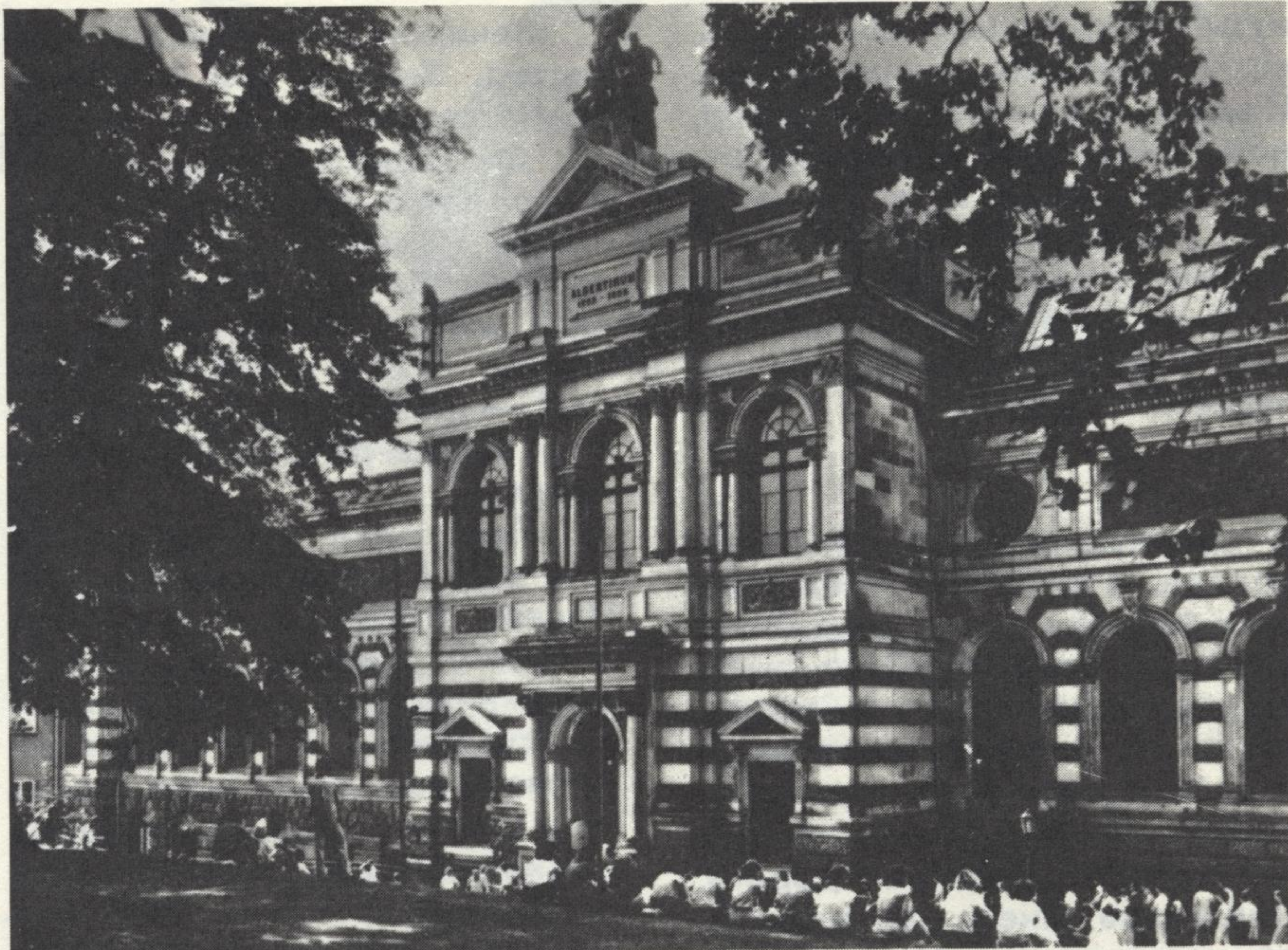
...Еще до поездки в Германскую Демократическую Республику мы знали, что будем жить в пионерском лагере имени Клемента Готвальда. И вот сегодня приехали в этот лагерь. В честь нашего приезда на линейке рядом с флагами Польши, Чехословакии, ФРГ и ГДР был поднят флаг Советского Союза.

После линейки размещаемся по своим домикам. Их здесь называют бунгалами.

...Перед обедом решили пойти купаться. У нас это время считается тихим часом, когда все обязаны лежать в кроватях. А здесь можешь играть в спортивные игры или заниматься чем тебе хочется.

...Ребята из Федеративной Республики Германии пригласили нас к себе на праздник. Когда пришли к их бунгалам, там уже собралось множество гостей. И все толпились возле столика, на котором были разложены краски: синие, зеленые, красные, желтые, черные. Каждый здесь мог стать цветным и даже разноцветным. У одного мальчика руки были черные, как у трубочиста, на лице красовались синие веснушки, а голова была красно-зеленой.

Стать цветными или разноцветными нам не захотелось, и мы пошли к следующему бунгалу, на стене которого красовалась надпись: «Здесь вам сделают новые волосы!» У порога нас встретила маленькая

черноволосая девочка. В руках у нее баночка с деньгами, за новые волосы надо заплатить 20 пфеннигов. Выяснив, что «новые волосы» есть нечто иное, как завивка и укладка, спокойно поворачиваемся и уходим. Отойдя на порядочное расстояние, дружно хохочем. Идя в гости, никто из нас не взял с собой денег. Пришлось искать более доступное развлечение. Нашли — пионерскую «свадьбу». «Жених» и «невеста» сидели за столом. Сперва им было предложено расписаться в большой толстой книге, после чего они обменялись кольцами. Желающих «жениться» или «выйти замуж» было много. И мы тоже стали в очередь. Почему бы не выйти замуж, если на свадьбе можно даже не целоваться? Но когда подошла наша очередь, Лиза сказала, что она передумала и хочет быть «невестой». Волей-неволей мне пришлось стать ее «мужем». На целых пять минут.

После «свадьбы» решили посмотреть еще одну игру. Смысл ее такой. Все встают в круг и поют: «Арам шим-шим. Арам шам-шам». А в это время по кругу с галстуком в руках бегают мальчик. Улучив удобный момент, он должен накинуть свой галстук на приглянувшуюся ему девочку и вытащить ее к себе. Потом они становятся спинами друг к дру-

гу и по команде окружающих поворачивают головы в одну сторону. Тут мальчик и должен «чмокнуть» в щеку свою «пленницу».

...День проходит за днем, а у меня все еще нет настоящей подруги из ГДР. И времени ее искать тоже нет. Все знают, что я прилично владею немецким, и с утра до вечера обращаются за помощью. Вот и получается — помогая знакомиться другим, сама не могу ни с кем познакомиться. У кого же я буду жить, когда кончится лагерная смена?

...Разговоры о любимых писателях и художниках очень часто ставят наших собеседников в тупик. Некоторые мальчишки и девчонки не имеют понятия даже о своих классиках. Спрашиваешь: «Кто автор „Фауста“? „Сикстинской мадонны“?» — «Не знаю». И нам самим приходится рассказывать о творчестве Гейне, Гете, Рафаэля.

...Горы Саксонской Швейцарии — настоящая сказка. Поднимаясь по лестнице, любуемся окрестными пейзажами. Посмотришь в ущелье, а там зеленый лес, словно подводный мир. Кажется, стоит туда шаг-

нуть — и сразу начнешь парить, как эти пылинки в лучах солнца. И здесь, среди живописных гор, есть маленький театр под открытым небом. В этом театре мы смотрели «Винетоу» — спектакль об индейском вожде и его бледнолицем друге, которые борются за свободу и независимость.

...Вернулись из двухдневного похода. По тропе «Красных альпинистов» нам предстояло пройти 23 километра. Я никогда не ходила по горам и не знала, какое это увлекательное занятие. Когда с одной из вершин увидели Эльбу, я подумала, что это какая-то глиняная дорога. Признаков синего цвета не было и в помине. Ночь провели в туристском лагере. Здесь нам рассказывали о красных альпинистах. Эти люди печатали в горах листовки, которые призывали к борьбе с гитлеровским фашизмом.

...Сегодня в лагере праздник — день Советского Союза. На большой поляне состоялся праздничный концерт, проводились различные игры и конкурсы. Я проводила конкурс «По Стране Советов». В нем было десять вопросов. Каждый, кто ответит на вопрос, получает жетон. У кого будет больше жетонов, тот и станет победителем.

Первый вопрос: «Столица СССР» — никаких затруднений у собравшихся не вызвал. Но уже на втором вопросе — «Что произошло в Советском Союзе 12 апреля 1961 года?» — многие начали «спотыкаться»:

— Родился Ленин!

— Образовалась пионерская организация!

— Победила Октябрьская революция!

Наконец один мальчик догадался:

— В этот день Юрий Гагарин полетел в космос!

Праздник продолжался несколько часов. Все были довольны — гости и хозяева. Гостям понравились наши игры и конкурсы. Но больше всего — чай с блинами.

...Вечером был прощальный костер. Зажечь его получили право самые активные пионеры. От нашего отряда мы выбрали Юлю. Без нее не обошлось ни одно лагерное мероприятие. Кроме того, она научила многих ребят играть на гитаре. А я — в который уже раз! — должна была произнести у костра речь на немецком языке.

...Еще одна экскурсия. На этот раз в маленький городок Пусниц. Когда мы подъезжали к этому городку, с ужасом вспомнили, что забыли в лагере сувениры. В Пуснице мы провели весь день: были в школе и детском саду, в старинном замке какого-то князя и на кондитерской фабрике. Она знаменита своими пряниками. Это всевозможные кренделя и разноцветные домики, дамы в роскошных платьях и рыцари в латах. Тесто для некоторых пряников готовят целых два года. Точнее, не готовят, а выдерживают в специальных чанах, где оно пропитывается особыми приправами.

Пряник, на котором написано: «Сладкий привет из Пусниц», я решила привезти в Ленинград.

Когда вернулись с экскурсии, начальник лагеря сообщил нам, что уже несколько часов нас ждут пионеры из соседнего села и наводят в наших бунгалах порядок. Такого мы не ожидали! «Как они могут там хозяйничать?» Прибежали в свои бунгала и увидели, что у каждого на постели сидит «пионер» — небольшая симпатичная кукла.

...Утром мы попрощались с лагерем и приехали в Дрезден.

Девочка, у которой я буду жить, живет в новом районе, в трехкомнатной квартире. Как только Яна привела меня к себе домой, ее мама накрыла праздничный стол и включила магнитофон. После обеда фрау Малис — так зовут Янину маму — показала мне комнату, где я буду спать, и просила меня не быть такой стеснительной. Потом несколько часов гуляли с Яной по городу. Кажет-

ся, я понравилась Яниным родителям. Фрау Малис очень заботлива и гостеприимна. За ужином, когда я намазала на булку тонкий слой масла, фрау Малис встревожилась: «Почему так мало мажешь? У вас, в Ленинграде, наверное, оно дорого стоит». Я рассмеялась: «Нет, не дорого. Просто я его не люблю и стараюсь есть как можно меньше».

...Наконец-то я побывала в известной на весь мир Дрезденской картинной галерее. В ней представлены лучшие произведения немецких и итальянских художников. Долго стояла у «Сикстинской мадонны» Рафаэля. Женщина, несущая на руках младенца, легко ступает по облакам. В ее взгляде — любовь и затаенная грусть за сына. Сколько веков длится на Земле этот праздник — праздник любви и материнства, который подарил людям Рафаэль!

После встречи с мадонной не хочется писать ни о детской железной дороге, ни о «Музее Карла Мая». Конечно, Карл Май — великий этнограф и путешественник. Ему удалось собрать отличную коллекцию предметов домашнего обихода, одежды и оружия индейских племен. Но мадонна — это мадонна.

У выхода из музея меня встретила Яна. Как только ее увидела, сразу подумала: «Хождение по музеям кончилось. Пора собирать вещи и готовиться к отъезду домой...»

...И вот — все позади. Мост и река, где на берегу я снова увидела четыре знакомые буквы — СССР.

Здравствуй, Ленинград. Здравствуй, мама.

Медленно идем по перрону. Мама говорит: «Ну что, путешественница? Ты, кажется, даже не соскучилась. Почему молчишь?» Отвечаю: «Нет, мама, я очень соскучилась. Но сейчас я должна отдышаться и собраться с духом. А рассказывать я буду долго-долго, обо всем, что увидела и услышала».

Ескен ЕЛУБАЕВ

ЧТО Я ПОНЯЛ

Проснулся,
Умылся,
Поел
И с мячом
На улицу вышел,
Веселый причем!
Вокруг огляделся —
Не видно ребят:
В такое-то утро
Они еще спят!

Ну, думаю, ладно!
К Асану бегу,
Кричу:
— Выходи!
А в ответ:
— Не могу!
— Ты что — заболел? —
Задаю я вопрос.
— Да нет!
Собираемся
На сенокос!

К Усену иду,
Подаю ему знак:
Он вышел на свист:
— Не могу я никак!
— Ты что?! — говорю.
А Усен:
— Не кричи!
Саман¹ замесил,
Буду лить кирпичи.

Совсем у меня
Настроенье не то:
Кого ни зову —
Не выходит никто!
Тому надо сено
Сложить на чердак,
А этот — рубанком
Строгает, чудак!

¹ Саман — смесь из глины и соломы

Отец Турсункула,
Увидев меня:
— Бездельник! — сказал,
И не стой у плетня!
Людей отвлекаешь!
С лентяем таким
Несладко родителям,
Видно, твоим!

Краснел я.
В руках перекачивал
Мяч,
Как будто бы стал он,
Как уголь, горяч.
И улица наша
Была так пуста,
Что я провалиться
Готов со стыда!
Да-да!
Потому-то
И пусто на ней,
Чтоб каждый бездельник
Был людям видней!

ПЯТЕРКА И ДВОЙКА

Как пятерку он получит —
Так мальчишку не узнать.
И уроков он не учит,
И не слушается мать.
На кино попросит денег,
Опоздает без причин:
— Я же все же не бездельник!
Я ж пятерку получил!
И в курятник не заглянет,
И овец не напоит.
Поздно ляжет, поздно встанет,
На ходу до школы спит.

А как двойку он получит —
Все как раз наоборот:
То, гляди, уроки учит,
Двор на совесть приберет.
То насыплет курам проса,
То наколет кучу дров,
То очистит от навоза
Помещение для коров.
Не нарадуется мама —
Исправляется Назым.
Как пятерка — горе прямо!
А как двойка — ай да сын!

Перевел с казахского
Юрий КУШАК

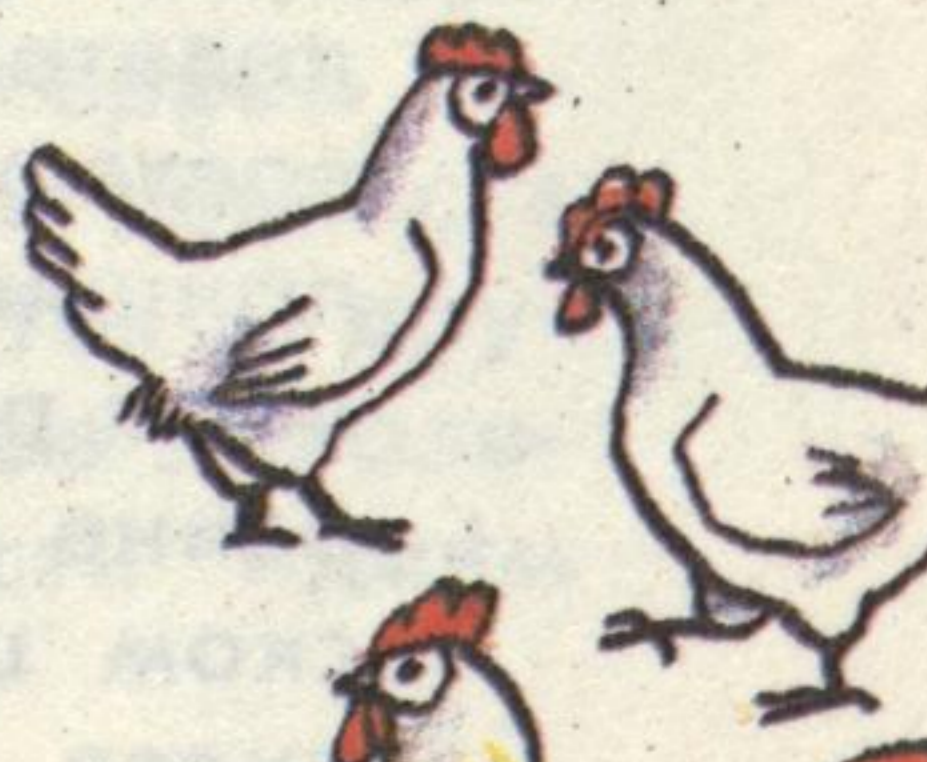
Рисунок К. Почтенной

КУДА ПРОПАЛ АППЕТИТ

Сено жевать
Коровенка не стала,
Лошадь пила,
А теперь перестала,
Куры клевать
Не желают пшеницу,
Кот на сметану
Брезгливо косится,
Даже на косточку
Пес не глядит.
Что же случилось,
Скажите на милость,
Что же случилось?
Пропал аппетит!

Вот он, смотрите,
Неряха стоит,
Тот, кто похитил
У всех аппетит:
В саже лицо,
Перемазан живот,
Хлюпает носом
И палец сосет!

МАЛЕНЬКАЯ ПРОЛЕТАРКА

Ее фотографию я увидел на стенде пряженской районной газеты «Ленинское знамя», среди лучших рабочих и сельских корреспондентов. Взгляд внимательных глаз пожилой женщины был добрым и теплым.

— Большая наша помощница,— сказал кто-то из сотрудников редакции.— Ее знал Ленин...

Вот что писал об этом сам Владимир Ильич в работе «Удержат ли большевики государственную власть?».

«После июльских дней мне довелось, благодаря особенно заботливому вниманию, которым меня почтило правительство Керенского, уйти в подполье. Прятал нашего брата, конечно, рабочий. В далеком рабочем предместье Питера, в маленькой рабочей квартире подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Хозяин говорит: «Смотри-ка, какой прекрасный хлеб. «Они» не смеют теперь, небось, давать дурного хлеба. Мы забыли было и думать, что могут дать в Питере хороший хлеб».

Меня поразила эта классовая оценка июльских дней».

Тем человеком был токарь петроградского завода «Айваз» Эмиль Георгиевич Кальске — отец хозяйки дома, в котором я находился.

— Рауха Эмильевна,— обращаюсь к ней,— а из чего видно, что в статье говорится о вашем отце? Ведь здесь не названо его имя.

— В целях конспирации Владимир Ильич и не мог назвать никаких имен. Но исследователи его биографии, сопоставив множество фактов, пришли к выводу: речь идет о моих родителях, живших на окраине Петрограда, на Выборгском шоссе. Дом этот сохранился, несколько лет назад я там была, на нем установлена мемориальная доска.

Трудно представить, какое

мужество, какая изобретательность потребовались от этих людей. Ведь ни на один час не прекращались поиски Ильича, «за голову которого буржуазия ничего не пожалела бы и за укрывательство которого никого не пощадила бы». Так сказал о том страшном времени А. Шотман — связной Владимира Ильича. Вот только одна подробность: пятьдесят офицеров «ударного батальона» поклялись или найти Ленина или умереть.

Уже взрослой Рауха Эмильевна Кальске записала со слов отца его рассказ о встрече с Лениным:

«Эйно Рахья спросил, знаком ли мне этот товарищ. Я взгляделся в улыбающееся лицо моего гостя. Так как он был в шаге от меня, нетрудно было заметить, что растрепанная прическа не что иное, как искусный парик.

— Нет,— сказал я,— этот товарищ незнаком мне.

— Тогда знакомься,— ответил Рахья,— это Ленин!

— Вы совсем не похожи на того Ленина, каким выглядите на фотокарточках, распро-

страненных юнкерами,— сказал я гостю. Он весело заметил, что сам себя перестал узнавать в этом обличье.

Когда мы сели пить чай, Владимир Ильич подробно расспрашивал меня о жизни рабочих «Айваза». Меня удивило, что Ильича интересовали даже мелочи из нашей жизни...»

— Утром я услышала голоса в соседней комнате,— рассказывает Рауха Эмильевна,— и побежала туда. Там увидела дядю Эйно — Рахья был нашим родственником, я его очень любила,— подошла к нему и спрашиваю, что он мне привез. Он ответил: «Ничего, привезу в другой раз». Второй дядя, незнакомый, сидевший на стуле, сказал: «А у меня есть шоколадка, иди сюда, познакомимся. Ты кто такая?» — «Пролетарочка»,— ответила я. В те годы в рабочих семьях постоянно звучало слово «пролетарий». Владимиру Ильичу это очень понравилось, он звонко рассмеялся и посадил меня на колени, дал маленькую шоколадку. Думаю, мой ответ развеселил нашего гостя еще и потому, что я не выговаривала

букву «р». Ведь мне было всего три года.

— Как же тогда вы запомнили этот разговор?

— Конечно, я его не запомнила. Только помню, как убежала на кухню и там съела шоколадку. Обо всем другом мне рассказывал отец, когда я выросла.

Поздно вечером 9 августа Ленин в сопровождении своих связных Э. Рахья и А. Шотмана ушел из дома Кальске. Вскоре он поднялся на паровоз № 293, в кабину машиниста Г. Ялава, и под видом кочегара пересек финляндскую границу...

— Отец очень тепло вспоминал эту встречу с великим вождем, — рассказывает Рауха Эмильевна. — Владимир Ильич был у нас и еще один раз — в октябре, когда возвращался из Финляндии на том же паровозе № 293. В этом вот сборнике — «С Лениным вместе» — помещены воспоминания отца...

Беру из рук Раухи Эмильевны книгу, читаю:

«В конце сентября т. Рахья сообщил мне день и час приезда В. И. Ленина и просил, чтобы я встретил его на станции Удельная. В назначенное время я был на станции, и когда подходил поезд, я увидел на паровозе т. Ленина. Поздоровавшись с ним и с т. Рахья, мы направились в мою квартиру, а через час Ленин перебрался на другую квартиру...»

— От нас, — говорит Рауха

Эмильевна, — Владимир Ильич ушел на Сердобольскую, к Маргарите Васильевне Фофановой, а оттуда — в Смольный...

Как же сложилась жизнь Эмиля Георгиевича Кальске дальше? Он красногвардеец, участвовал в штурме Зимнего дворца. В первые месяцы Советской власти работал в Петроградском революционном трибунале, затем секретарем Российского бюро ЦК Финской компартии, а позже находился на партийной и советской работе в Карелии.

— В восемнадцатом и девятнадцатом годах при командировках в Москву отцу по служебным делам приходилось обращаться к Ленину, — рассказывает Рауха Эмильевна. —

Каждый раз Владимир Ильич проявлял исключительную чуткость и внимание. Наряду с деловыми вопросами интересовался и жизнью нашей семьи. Он уже знал, что умерла моя мама, выразил папе соболезнование и спросил: «А как маленькая пролетарка живет?»

Свою жизнь Рауха Эмильевна Кальске посвятила воспитанию детей. Была учителем, директором школы, инспектором роно... И постоянно собирала материалы о Ленине.

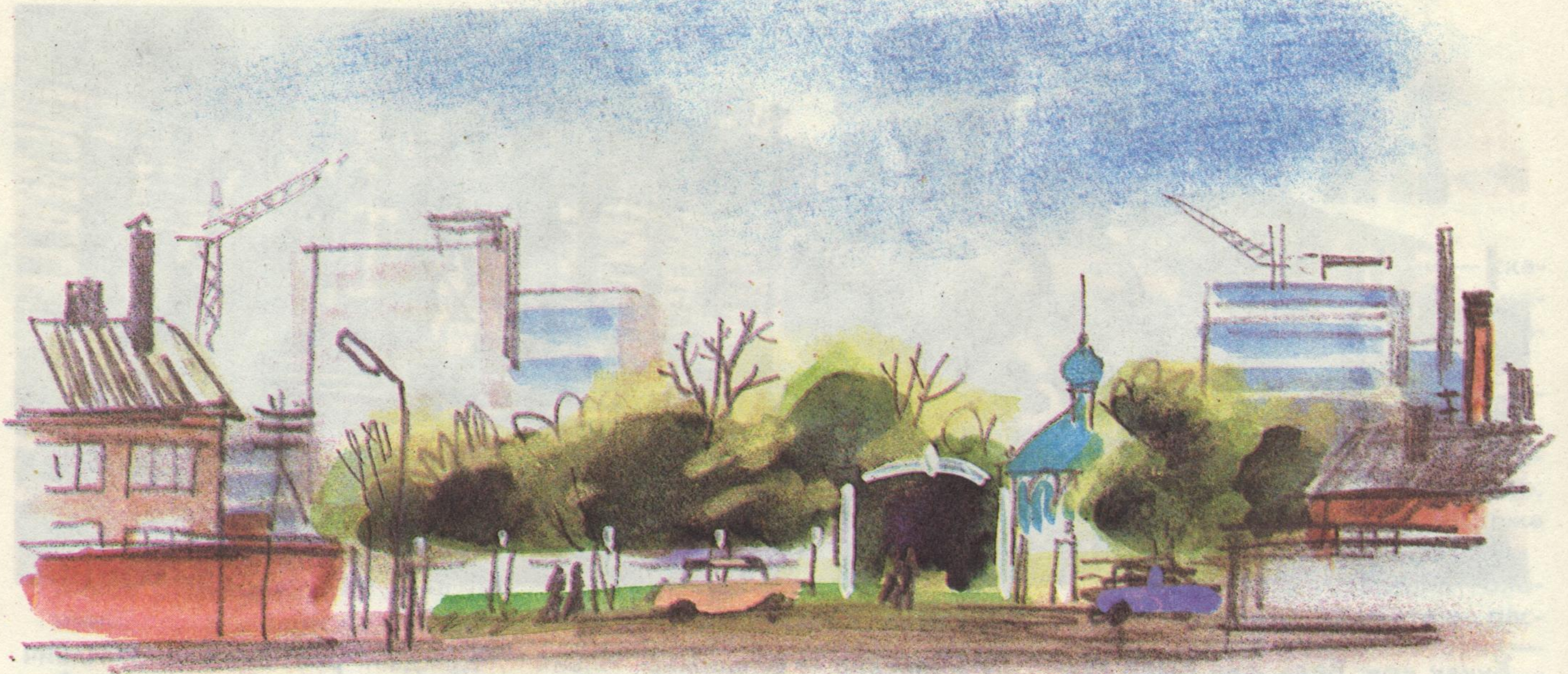
Уже много лет Рауха Эмильевна руководит поисковой группой «Красная гвоздика», созданной при ленинском зале Пряженской средней школы имени Героя Советского Союза М. Мелентьевой.

— Мария Мелентьева, — поясняет моя собеседница, — была партизанкой. Ее, семнадцатилетнюю, расстреляли оккупанты. В доме родителей Марии создан ее музей, я долгое время работала там. Ведь я помню Марию еще девочкой, в тридцать четвертом году была ее пионервожатой.

Слушал Рауху Эмильевну и думал о том, как спрессовано время, как прочны связи поколений. Дочь героев Октября стала воспитателем героев Великой Отечественной войны, а теперь на примере тех и других воспитывает новое поколение в духе верности идеям Октября.

А. КУБАРЕВ
Рисунки
А. Лямина

МАЛЬЧИК В КРАСНОЙ РУБАШКЕ

Н. ФЕДОРОВ

РАССКАЗ

Рисунки В. Топкова

Папа говорил, что раньше здесь была окраина. Теперь город шагнул через кладбище, стиснув его между потемневшими от времени кирпичными заводиками и многоэтажными громадами новостроек.

Пойти на кладбище предложил Серега. Кто-то сказал ему, что там похоронена няня Пушкина Арина Родионовна. Но вот где ее могила — неизвестно. Затерялась могила.

— Представляешь, если мы ее найдем! — говорил Серега. — Вот будет сенсация!

— Разбежался, — сказал я. — Взрослые за столько лет не нашли, а ты хочешь с ходу, раз, два — и нашел.

— Да может, они и не искали особенно, откуда ты знаешь? И потом — вдруг нам повезет? Ты же помнишь, сколько там плит, на которых и не разобрать, что написано. Кладбище-то считай заброшенное. Эх, жаль, раньше всем кресты ставили. А то бы ей наверняка какого-нибудь кота на золотой цепи посадили б.

Назвать кладбище заброшенным в общем-то было нельзя. Возле главного входа, там, где в густой зелени старинных вязов пряталась маленькая голубая церковь, все выглядело в порядке, если не считать темно-бурой ржавой пудры, густо осыпавшей узорчатые решетки оград. Но чем дальше продвигаешься вглубь по мощенной булыжником аллее, тем больше видишь разрушений и запустения: поваленный крест, сдвинутая плита в трещинах, опрокинутая ограда или отбитые крылья, а то и голова у какого-нибудь мраморного ангела.

В том месте, где к кладбищу примыкает вагоноремонтный цех, дощатый забор развалился, и на запущенных могилах там и сям можно было уви-

деть тяжелые ржавые диски трамвайных колес.

Еще кладбище облюбовали собачники. Рядом, на берегу реки, у них была устроена площадка для дрессировки. По дороге на эту площадку собачники шли непременно через кладбище. Там они со спокойной душой отпускали поводки, и собаки с довольными мордами носились по извилистым дорожкам и по заросшим лопухами надгробиям, оставляя свои собачьи расписки на гранитных крестах. Я сам очень люблю собак и уже не первый год выпрашиваю у родителей купить мне хотя бы маленького терьера. Но когда я вижу, как собаки гадят на человеческие могилы, пусть даже и заброшенные, становится как-то не по себе.

Мы с Серегой долго бродили по дорожкам, разбирая высеченные на камнях старинные эпитафии, некоторые из них были даже в стихах. В одном месте мы наткнулись на братскую могилу, выложенную огромными тяжелыми камнями. Раньше я думал, что братские могилы делали только во время войны. Но вот мы стояли перед могилой, в которой были захоронены петербургские рабочие-строители. Они погибли во время постройки Казанского собора. А было это в самом начале девятнадцатого века.

Могилу Арины Родионовны мы, конечно же, не нашли. Сделать это в наше время, наверное, уже просто невозможно. Когда мы собрались идти домой, Серега вдруг закричал:

— Колька, смотри! Император! Ух ты! Как это он сюда попал?!

Я подбежал и посмотрел на черную гранитную плиту, густо поросшую бурьяном.

— Читать до конца нужно, — сказал я. — Ты

так и задачки в школе решаешь — прочтешь две строчки и скорей руку тянешь.

— Да чего ты ворчишь? Тут же написано...

— Вот именно, что написано, — сказал я и прочел вслух:

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ ТЕЛО ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КЕКСГОЛЬМСКОГО ПОЛКА ПОРУЧИКА СОКОЛОВА ГЕОРГИЯ ЕВГРАФОВИЧА, ГЕРОЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853—1856 гг.

Ясно? В старину полки-то все императорскими считались.

— Верно, ошибочка вышла, — сказал Серега, смахивая ладонью мусор и бутылочные осколки с плиты. — Герой Крымской войны. Может, вместе с Корниловым и Нахимовым воевал. Главная-то битва как раз за Севастополь была.

— Наверняка участвовал, — сказал я. — Раз герой.

— Слушай, — сказал Серега, — уж не твой ли это родственник? А? Ты ведь тоже Соколов.

— А что, — сказал я. — Может, и родственник.

— О! Обрадовался! Я просто так ляпнул, а он уже и доволен. Если все Соколовы, да еще Ивановы с Петровыми родственники, тогда... — Что будет тогда, Серега не знал и только развел руками.

— Ну, может, и не родственники, но ведь и не чужие, — сказал я. — Жаль, пропадет скоро могила. Затопчут.

Вечером за ужином я пощелкал пальцем по газете, за которой, как обычно, прятался папа, и сказал:

— Пап, я вот хочу спросить...

— Валяй, — ответил он из-за газеты. — Что-нибудь, как всегда, серьезное?

— Ну, в общем, да.

— Ага. Значит, тебя, скорей всего, интересует, что появилось раньше: яйцо или курица? Угадал?

— Старо, — сказал я. — Да положи ты хоть на минуту свою газету.

Папа отложил газету, наморщил лоб и сказал:

— Ну-с, в таком случае, ты хочешь спросить, сколько лет было Ромео, когда он влюбился в Джульетту.

— Ромео было пятнадцать, но меня это совершенно не волнует. Слушай, ты можешь хоть минуту побыть серьезным?

— Минуту? Минуту могу. — Папа снял с руки свои электронные часы и включил секундомер. — Я тебя слушаю. Внимательно и чутко.

— Вот у меня дед был, — сказал я. — Твой отец. Я его хорошо помню. Знаю, что он до пенсии в порту работал диспетчером. А на войне был морским офицером, на крейсере «Кирове» плавал. В общем, знаю. А вот кто был его отец? Твой дед.

— Видишь ли, — сказал папа, — мой дед умер в сорок втором году. В блокаду. Так что я уже родился после и, стало быть, никогда его не видел. Ну, кое-что про него я, конечно, знаю... Звали его Александром Тимофеевичем, а работал он технологом... Или нет, гидрологом... М-м-м, не помню точно. Отец, знаешь, мне говорил, да я как-то...

— Ну, а кто был его отец? Твой прадед?

— У-у-у, куда загнул. Спроси что-нибудь полегче. Я тебе скорей отвечу, кто был прадедушка у Ивана Грозного.

— Вот видишь, — сказал я, — что получается. Чепуха какая-то получается. О том, как какой-нибудь германский царек перед Папой Римским в Каноссе на пузе ползал и прощения у него вымаливал, мы знаем — в школе проходили. О том, что Эрик Рыжий был рыжим — тоже знаем. А про собственного своего деда или прадеда и не знаем ничего. Это ж дико странно, согласись?

— Понимаешь, Никола, — сказал папа. — Дело тут вот в чем. Дело в том, что сегодня изменилась система ценностей.

— Это как? — не понял я.

— А вот как. Раньше человека за что ценили? За его происхождение, за родословную. Чем древнее и знатнее род, тем выше стоял человек на общественной лестнице. Если род княжеский или, скажем, графский — хорошо. Почет и уважение и всяческие там материальные блага тебе обеспечены. Если просто дворянский — тоже неплохо. Ну и так далее. Вот и получалось, что человек мог быть сам по себе абсолютный нуль, пустое место, но если он был знатного рода, жилось ему все равно припеваючи. Теперь же мы ценим человека как такового. По уму, по способностям, по преданности делу и тому подобное. А какой там

у него был род — никого не интересует. Для жизни, для общества это не имеет значения... Я тебе популярно объясняю?

— Еще как популярно. Почти слово в слово, как у нас в учебнике написано. Только это неправильно. Вернее, не совсем правильно. Конечно, человека нужно ценить за способности. Это ясно. Но сам-то человек должен знать, откуда он. Для себя. Вот у нас на полке книжка стоит — «Потомки Пушкина». Они ведь все-все про себя знают. Я, конечно, понимаю, что тут все дело в Пушкине. Но страна-то наша не из одних Пушкиных или, например, Ломоносовых состояла. Что ж, у кого в роду Пушкина не было, тот и знать про себя ничего не должен? Про свою историю? И потом, не может такого быть, чтоб у человека во всем роду никого интересного, чем-нибудь да примечательного не было. Наверняка были. Кто-нибудь воевал хорошо, храбро. Пусть даже и рядовым, но шел, например, с Суворовым через Альпы. Кто-нибудь мастером был классным, ну, вроде Левши, или на гусях лучше всех играл, пел, сказки рассказывал, пахал всем на зависть... Да мало ли... Вот мы с Серегой сегодня на кладбище были. Там есть могила поручика Соколова, героя Севастопольской обороны, между прочим. А вдруг это наш прадедушка? Или родственник? Мы же не знаем. Но пусть даже и не наш. Пусть других Соколовых, которые в соседнем микрорайоне живут. Они-то ведь тоже не знают и знать не хотят. Если рассуждать так, как ты. А на могилу собаки гадят и пьяницы пустые бутылки бросают. Разве это правильно?

Наверное, никогда в жизни я не говорил так долго. Я даже сам удивился, когда замолчал. И папа, похоже, тоже удивился. Он встал и как-то странно долго на меня смотрел. Он и про часы свои с включенным секундомером забыл. Часы лежали на столе, и я видел, как зеленые секунды нервно билась на серебристой панели индикатора.

Потом папа сказал:

— А ведь ты, Никола, прав. Как ни странно, сам я никогда об этом глубоко не думал. Знаешь, учился много, работал черт знает сколько, и все спешил, спешил. Все новый мир торопился построить. А про старый и не вспоминал почти. Н-да... Вот мы в учебнике истории слово «знать» встречаем, и сразу нам пышная свита на конях представляется. Вся в шелках и золоте. А ведь существительное «знать» это и глагол «знать». То есть ведать, помнить...

Папа хотел еще что-то сказать, но в это время пришла мама. После дежурства мама всегда усталая и оттого, наверное, сердитая. Папа помог ей раздеться, вытащил тапки из-под шкафа, потом сказал:

— Слышишь, Лена, сын-то твой заинтересовался генеалогическим деревом. Желает знать свою родословную.

— А он каким угодно деревом готов интересоваться, только не уроками, — сказала мама. — Ты дневник у него проверил? Ты знаешь, что у него по математике за контрольную двойка? Мы зачем спрашивается, ему электронную машинку покупали? Чтобы он кота на ней учил?

«Ну, поехала», — с тоской подумал я. И далась же ей эта машинка! Как чуть что, сразу про машинку вспоминает. Будто она голову может заменить. Хорошо еще про кубик Рубика не вспомнила. А то как начнет прорабатывать, так сразу: «Все нормальные дети давно научились собирать кубик Рубика. А ты даже один слой не можешь. Бестолочь!» Но разве я виноват, что терпеть не могу этот дурацкий кубик? У меня к нему прямо отвращение. Когда я вижу, как ребята с безумным упорством крутят этот кубик, меня сразу в дрожь бросает и скулы сводит.

— Мама, — сказал я спокойным голосом, — я ведь тебе уже много раз объяснял: вовсе я не собирался учить Барсика считать на машинке. Что я — сумасшедший? Просто я хотел сделать такую смешную фотографию и послать на конкурс. Я даже и название придумал: «В лапу со временем».

— Очень остроумно. А к хвосту кошачьему машинку привязать хотел — тоже для конкурса? Дикарь. Если б ты научился как следует с ней работать, ты бы двоек по математике не получал. В отличие от бездельников, машинка никогда не ошибается.

— Вот это-то и страшно, — сказал я.

Мама, не донеся расческу до волос, повернула голову и с недоумением на меня посмотрела:

— Коля, ты всегда понимаешь, что говоришь?

— Ну, в общем, да. Когда внимательно слушаю.

Папа не выдержал и прыснул в кулак. Мама тоже засмеялась и махнула рукой.

— Два бездельника, честное слово! Вместо того чтобы как следует проработать с ним «Дети подземелья» — или что там у них по программе, — он рассказывает ему всякие байки. Ну, всё, идите учить уроки. А потом рисуйте свои деревья.

В комнате папа рассеянно полистал мой дневник, походил по комнате, потом сказал:

— Знаешь, что. У отца, ну, у деда твоего, была родственница. Не то троюродная сестра, не то тетка какая-то. Он ей, вроде, писал иногда. Надо бы поискать ее адрес. Завтра суббота, ты в школу пойдешь, а я буду антресоли разбирать. Попробую найти. Вот если найду, то мы ей и напишем. Отец, помнится, говорил, что она старше него. Так что у нее можно будет узнать и про деда твоего, и про прадеда.

На другой день, когда я пришел домой после школы, папа сказал:

— Ну, нашел я адрес. И как зовут узнал: Вязьмикина Вера Ивановна. Живет в Велье — есть такой городок в Калининской области.

— Так давай письмо писать, — сказал я. — Я сейчас по дороге конвертов купил. А то, думаю, вдруг дома конвертов нет.

— Да, да, конечно, можно написать, — задумчиво сказал папа. — Но у меня есть идея поинтересней. Что, если мы с тобой махнем в этот Велье на машине? А?

— Как? Прямо сейчас? — удивился я.

— Нет, не сейчас, конечно. Вот слушай: через пять дней майские праздники. Так?

— Так.

— Наша мама, как известно, нас бросает. Она

изволит лететь по турпутевке в Алма-Ату. Ну а мы с тобой что будем киснуть три дня? Сядем да и поедим. Для чего, спрашивается, мы машину покупали? А до Восьегонска всего-то километров четыреста. Часов за шесть, запросто доедем. Ну почему не слышу «ура»?

— Ура! — завопил я и кинулся к папе на шею, чуть не свалив его с ног.

Хуже нет ждать, пока время пройдет. Время будто чувствует, что ты его торопишь, и начинает над тобой издеваться. Это всем известно. Но все-таки дни, остававшиеся до нашего отъезда, проползли. Рано утром мы проводили маму в аэропорт и, не заезжая домой, помчались на восток, в старинный город Восьегонск.

Папа не ошибся — не прошло и шести часов, как мы въезжали в город.

Улица, которую мы разыскивали, оказалась на окраине. Выглядела она совсем по-деревенски: пыльная грунтовая дорога, заросшая по обочинам крапивой и лопухами, потемневшие деревянные домики с палисадниками, огражденными от улицы зеленым штакетником.

Теткин дом ничем не отличался от своих соседей. Только на окнах я заметил деревянные резные ставни, свежерыкрашенные голубой краской. Во дворе за деревянным врытым в землю столом сидели двое мальчишек. Перед ними стоял маленький переносной телевизор с тонкой антенной. Наверное, по телевизору показывали что-то смешное: мальчишки дружно хохотали и радостно пихали друг друга локтями. Они так увлеклись, что даже не заметили, как мы отворили калитку и подошли. В это время из телевизора голос известного актера прокричал: «Ну что, Горацио? Дрожишь и бледен? Пожалуй, это не одна фантазия?»

— Вот уж никогда бы не подумал, — громко сказал папа, — что «Гамлет, принц датский» такая смешная пьеса.

Мальчишки подняли головы и с удивлением на нас уставились. Один из них, на вид постарше, встал и слегка смутившись сказал:

— Да нет. Это у нас телевизор так показывает. Совсем испортился. А вы к кому?

— Мы ищем Вязьмикину Веру Ивановну. Она здесь живет?

— Вязьмикина? Нет, такие тут не живут.

— Тут мы живем, Гавриловы, — сказал мальчишка помладше и тут же получил легкую затрещину.

— А ты не суйся, пока не спрашивают! Сбегай-ка лучше — позови мать.

Вскоре из дома вышла полная молодая женщина с добрым усталым лицом.

— Здравствуйте, — сказала она. — Вы кого-то ищете?

— Мы бы хотели видеть Вязьмикину, — сказал папа. — Веру Ивановну Вязьмикину.

Женщина растерянно развела руками:

— Так она ж померла. Года уж четыре тому назад. Васятка, мы сколько времени тут живем?

— Три с половиной года, — не задумываясь отчеканил старший мальчишка.

— Вот, стало быть, тогда и померла. Она ведь одинокая была, ну, нам исполком этот дом и отдал.

— Значит, вы ее не знали? — спросил папа.

— Нет, совсем не знали. И не видели никогда. А вы кто же будете? Родственники?

— Ну, в общем, да. Родственники. Правда, очень далекие. Так, знаете ли, десятая вода на киселе.

— Так, может, вы насчет какого наследства?

— Нет, нет, нет, — поспешно сказал папа. — Этот вопрос нас совершенно не интересует. Нам бы другое узнать: не осталось ли у вас от нее каких-нибудь бумаг, фотографий... Ну, вы понимаете.

— А как же, остались. Вещички-то ее мы в сарай сложили. Ну какие там у старушки вещи были — кровать железная да шкаф-развалюха. А вот ларчик с бумагами в доме лежит. Я Пете, мужу-то, еще тогда сказала — мало ли, говорю, какие родственники сыщутся... Да вы проходите в дом-то, проходите. Милости просим. Мальчонка-то устал поди. Вы откуда ж приехали?

Если снаружи дом был настоящий деревенский, то комната, в которую нас провела хозяйка, выглядела совсем как любая городская квартира: полированная стенка, тахта, покрытая клетчатым пледом, цветной телевизор. Только пол был дощатый, крашеный.

Не успели мы с папой хорошенько оглядеться, как на столе появился чайник и блюдо с румяными пирожками. Папа пытался было протестовать, но хозяйка и слушать не хотела.

— Вот перекусите маленько с дороги, а там, глядишь, и обед поспеет, — говорила она, разливая чай.

— А вы разве не будете? — спросил папа, увидев на столе только две чашки.

— Ни-ни-ни, я не буду. Диета у меня строгая. А вы кушайте, не стесняйтесь. Сейчас я вам ларчик-то старушкин принесу.

Она вышла и вскоре вернулась, держа в руках деревянную шкатулку размером со среднюю коробку из-под торта. Шкатулка когда-то была покрыта лаком, но теперь лак стерся, и шкатулка имела неопределенный темно-серый цвет старого пропыленного дерева. В общем, это был обыкновенный деревянный ящичек с откидной крышкой.

Хозяйка поставила шкатулку на стол и сказала:

— Ну, вы сидите, отдыхайте, смотрите, а я тут рядом, на кухне буду. Кликните, если что.

И она ушла.

— Ну, открывай, — сказал папа.

Я осторожно придвинул шкатулку к себе и вдруг почувствовал, что почему-то волнуюсь. У меня даже ладони вспотели, и я вытер их об штаны. И только после этого открыл крышку.

В шкатулке были письма. Несколько пачек, аккуратно перетянутых выцветшей тесьмой. Под ними ветхая картонная коробка с двумя десятками пожелтевших фотографий, а еще ниже, на самом дне, лежала плоская металлическая коробка, на которой старым русским шрифтом было написано: ЛАНДРИНЪ.

— Знаешь, что такое ландрин? — спросил папа, вынимая коробку?

— Какие-нибудь старинные папиросы,— сказал я.— На портсигар похожа.

— Нет, это конфетки такие были. Леденцы.

Папа осторожно открыл коробку, и мы с любопытством заглянули внутрь. Там лежал совсем маленький, величиной со спичечный коробок, портрет мальчика в красной рубашке-косоворотке. Длинная светлорусая челка падала мальчишке на глаза, а серьезное, немного грустное лицо было усыпано веснушками. Среди старых, пожелтевших бумаг и фотографий портрет казался совсем живым, будто только вчера написанным.

Папа перевернул портрет, и мы увидели на обороте надпись от руки: «Хранить тщательно. Онъ начало».

— Во как! — сказал папа и посмотрел на меня.

— Но кто он-то? Почему не написано? — спросил я, разглядывая надпись.

— Не знаю, не знаю,— задумчиво сказал папа, снова поворачивая портрет лицом.

— А что значит «он начало»?

— Надо полагать, начало фамилии, рода.

Прищурившись, папа еще пристальнее вгляделся в миниатюру, потом посмотрел на меня и с удивлением сказал:

— А ведь он на тебя похож, ей-богу!

— Да ну, шутишь.

— Честное слово, похож,— сказал папа и сбросил мне волосы на лоб.— Ну прямо очень! Веснушек только не хватает, и волосы у тебя потемнее... Надо же, как интересно!

Я завертел головой, ища зеркало, но как на зло зеркала в комнате не оказалось.

— Эх, жаль, зеркала нет! — сказал я.

— Ничего, ничего, насмотришься еще,— сказал папа. Он развязал тесемку на самой толстой пачке писем и принялся перебирать пожелтевшие страницы.

— Гляди-ка, письмо от моего деда Александра Тимофеевича. Помнишь, я говорил тебе, он в блокаду от голода умер?

— Помню. Значит, это мой прадед?

— Совершенно верно. А письмо, судя по дате, может быть, последнее. Видишь — ноябрь сорок первого. Прочешь?

— Еще спрашиваешь! Конечно!

Я чувствовал, что папа тоже разволновался, даже руки его, державшие письмо, слегка дрожали. Он откашлялся и начал:

«Милый друг мой Верочка, у меня большая радость — получил наконец письмо от Миши. Только вышел из бомбоубежища после обстрела — гляжу почтальон. Самое главное, Миша жив. Жив и даже не ранен. Сейчас он в Севастополе, командует ротой. Бои там, похоже, ужасные. Ну да где сейчас легкие бои! Ничего, даст Бог, выстоим. И Севастополь нам защищать не впервой.

Может быть, ты помнишь, дядя Павел рассказывал нам про нашего прадеда, героя обороны Севастополя в Крымскую кампанию. И вот теперь там наш Миша. Надо будет непременно написать ему об этом. И ты, Веруня, тоже напиши ему обязательно и расскажи все, что помнишь. Не говори только, что у нас в Питере начался голод. Не надо... Костя по-прежнему на Севере, на «Тумане». Третьего дня был от него сослуживец, совсем молоденький лейтенант. Посылку от Кости принес и письмо. Жаль только, не посидел ни минуты — торопился очень. Видишь, сколько у меня добрых новостей.

И как же, однако, горько, что не может разделить со мной радость незабвенная Лена...»

— Погоди, папа,— прервал я чтение.— Что-то я не все понимаю. Тут столько имен... Миша — это кто?

— Брат твоего деда. Мой дядя, стало быть. Отец, помнится, говорил, что он в Севастополе погиб.

— А Костя?

— Ну как же! Это и есть твой дед, Константин Александрович. А «Туман» — сторожевой корабль, на котором он в войну служил. Еще тут, как видишь, Лена упоминается. Надо полагать, речь идет о моей бабушке Елене Васильевне. Ее убило бомбой в самом начале войны. А вот кто такой дядя Павел — увы, не знаю.

— Слушай, папа, а ты обратил внимание, здесь вначале говорится о каком-то прадеде, герое обороны Севастополя? Как же его звали?

— Тоже не знаю.

— А помнишь, мы с Серегой на кладбище могилу поручика Соколова видели. Тоже герой Севастополя в Крымскую войну...

— Ну, это скорей всего случайное совпадение. Хотя, впрочем... Вот что, Никола: видишь, сколько тут писем, фотографий, бумаг разных. Если во всем этом внимательно разобраться, можно узнать очень много. Как, берешься?

— Берусь. А ты мне поможешь?

— Обязательно.

Я снова взглянул на портрет мальчика в красной рубашке, и лицо его уже не казалось мне серьезным. Скорей в нем можно было угадать какое-то нетерпеливое ожидание, будто мальчишка хотел сказать: «Давай, Никола, не робей! Разбирайся быстрее! Давно пора познакомиться».

Домой мы возвращались уже ночью. Папа усадил меня на заднее сиденье и велел спать. Но спать совсем не хотелось. Мягким зеленым светом мерцала приборная доска, играла тихая старинная музыка, а за окнами проплывали темные пространства бесконечных полей с дрожавшими загадочными огоньками в глубине. И мне вдруг представилось, что мы с папой мчимся сейчас в машине времени. Мчимся туда, где нас ждут.

«КОГДА ВОЙНЫ НЕ БУДУТ ЛЮДИ ЗНАТЬ...»

Валентину Дмитриевичу Берестову — шестьдесят лет!

Трудно поверить, что этот замечательный поэт уже прожил такую длинную жизнь — ведь его стихи по-юношески необычны, горячи, распахнуты миру. Правда, если вы начнете их читать, то сразу почувствуете, что есть в них удивительная мудрость, которая дается большим опытом и знанием «взрослой» жизни. Что бы ни делал Валентин Дмитриевич, — а он, помимо стихов, пишет прозу и серьезные статьи, много переводит, — литературные дороги снова приводят его в детство и отрочество. Эта тема никогда его не покидала, поэтому каждая книга поэта — радостна и молода.

«Костер» горячо поздравляет Валентина Дмитриевича с днем рождения, желает ему самого доброго здоровья и вместе со всеми читателями ждет новых стихов, новых встреч, которые называются таким праздничным словом — Берестов!

Валентин БЕРЕСТОВ

ХОДУЛИ

Несут меня ходули.
Кричат ребята: «Слазь!»
Боюсь, не упаду ли
С ходулей
Прямо в грязь.

И сразу позабудут,
Как важно я ходил,
Но долго помнить будут,
Куда я угодил.

МИР

Нет, слово «мир» останется едва ли,
Когда войны не будут люди знать.
Ведь то, что раньше миром называли,
Все станут просто жизнью называть.

И только дети, знатоки былого,
Играющие весело в войну,
Набегавшись, припомнят это слово,
С которым умирали в старину.

Рисунок О. Маркиной

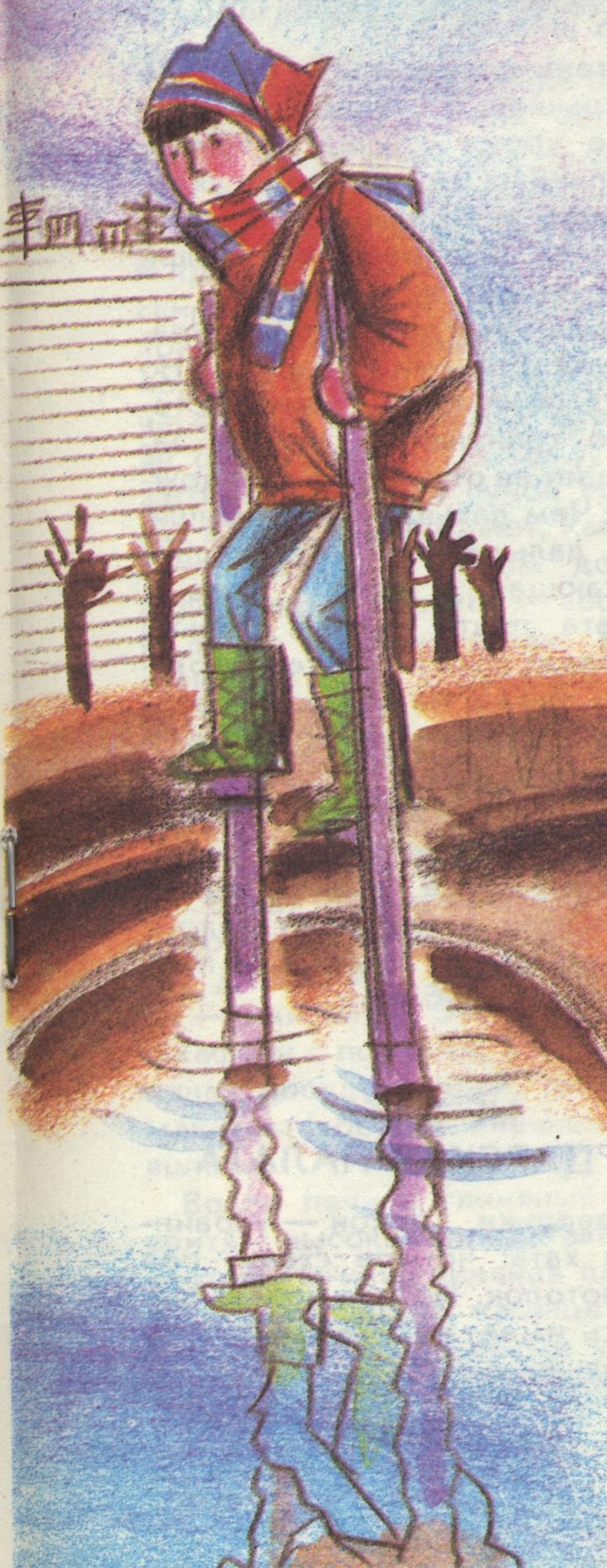
УСТНЫЙ СЧЕТ

Ну-ка, в сторону карандаши!
Ни костяшек. Ни ручек. Ни мела.
Устный счет! Мы творим это дело
Только силой ума и души.
Числа сходятся где-то во тьме,
И глаза начинают светиться,
И кругом только умные лица,
Потому что считаем в уме.

НА РАССВЕТЕ

На рассвете, на рассвете
Лучший лов у рыбака.
На рассвете, на рассвете
Лучший гриб у грибника.
На рассвете, на рассвете
Птичий звон со всех сторон.
На рассвете, на рассвете
У лентяя лучший сон.

Любит солнце гулять по украинской степи. Оттого так она нарядна. Среди ярко-синих васильков серебрится пушистая сон-трава, золотом сияет горчица, жарко пылают красные маки.

А украинское село! Вот выплывает оно из степи: мельница-ветряк шевелит крыльями на пригорке, блестят на солнце чисто выбеленные хаты, а возле них лучатся подсолнухи. И при виде этого становится солнечно на душе.

КАКОВО ГЛИНУ МЕСИТЬ

Кажется, всем богаты украинские степи: солнцем, травами, веселыми людьми. Вот только со строительным материалом худо: ни лесов, где дерево срубить, ни скал, где камень добыть.

Из чего же здесь многие века люди жилье строят? Да прямо из земли.

Для этого очищают небольшую площадку в степи и копают землю, копают до глины. Вот он, степной строительный материал! Глину разрыхляют, поливают на нее воду и месят, чаще всего ногами.

Чтобы построить хату, сначала для нее нужно было верное место выбрать.

Делали так. Выпускали скот из загорода. Пусть себе ходит на свободе. Бродят, бродят коровы, пощипывают траву. Пока не улягутся где-нибудь. Это «где-нибудь» — и есть место будущей хаты. Коровы выбрали его, а люди домашним животным всегда доверяли, чувствуя в них символ благополучия и покоя.

Ну вот. Место выбрано, яму выкопали, глину намесили. Что дальше? Стены лепить.

В вязкую глиняную массу добавляют рубленую солому, чтобы глина крепче схватилась.

Затем из полученного материала катают «вальки» — куски, напоминающие лепешки. Из вальков и лепят стены хаты, накладывая один на другой. Причем не все сразу. Поднимут стену на 30 сантиметров и оставляют сохнуть, а потом продолжают на ту же высоту. Чтобы стены были гладкими, их выравнивают с помощью особой дощечки.

Лепили хату обычно женщины. В селах ласково звали их «мазильницы» и очень уважали за умелую спорую работу и за хороший обычай. Во время лепки хаты мазильницы обязательно пели веселые песни и смеялись, чтобы в будущей хате весело жилось.

Стены возведены — очередь за крышей. В степной Украине чаще кроют крыши соломой. Снопки из мятой соломы укладывают колосьями вниз, прикрепляя к обрешетке крыши соломенным жгутом.

Крыша всегда резко выступает над стенами. Красиво. Но здесь не красота главное. Стена-то глиняная, и крыша защищает ее от сырости и от дождей. Чем дальше вынос крыши, тем дальше от стены падает стекающая с крыши вода.

Хата почти готова. Только выглядит пока не совсем опрятно. Солома на крыше топорщится, стены шероховатые и в пятнах. Надо внешний вид в порядок привести. Для этого хату обмазывают белой глиной, прикрывая все щели и неровности стен, затем белят мелом. А крышу — ту тщательно причесывают граблями.

НЕ ХАТА, А ЦАРСКАЯ ПАЛАТА

Невелики покои — украинская хата: четыре стены, пол да потолок. Но для хозяев все здесь имеет особенный смысл и значение.

В СТЕПИ

У каждой стены свое название. Та, в которой прорублены двери, — «порогова». Против нее — «причальна стена», потому что она в челе хаты. Стена против устья печи — «переднична» — это фасад. Напротив — «полова»: около нее «пол», или «пил».

«Пол» в хате — не тот пол, по которому ходят. Это деревянные подмости вроде нар. На полу лежат или сидят.

На Украине печь, устроенную в хате, называют «варистой печью». Топят ее соломой. Чтобы изготовить борщ, потребуется никак не меньше 48 фунтов соломы, или 22 килограмма. В год печь поглощает до 60 возов соломы.

Солома — сухие стебли пшеницы, ржи или ячменя, остающиеся после обмолота, — светлые, блестящие, упругие палочки. Без нее не обойтись в степи. И крыша у хаты, и подстилка на глиняном полу, и шляпа широкополая, и топливо, и скоту корм — все это солома, замечательный материал. У крестьян она в почете. По тому, как загорится первый пучок соломы в печи, определяют, какова будет жизнь в новом доме: если ярко загорится — весело и ладно заживут люди; если тускло — скука и раздоры поселятся здесь...

Что еще в хате? Стол с лавками, под лавками сундуки расписные. Над «полом» — жердочка для развешивания одежды, белья, пряжи и «лижник» — небольшая полка с отверстиями для ложек. Напротив печи — «мисник». Это открытый шкафчик с полками; в нем глиняная посуда: чашки, плошки, макитры (сосуды), глечики (кувшины).

Возле печи в глиняный пол вбита высокая подставка — «соха». На ней глиняная плошка — «каганец». В каганце фитиль — «гнот». Темными украинскими вечерами наливают в

каганец баранье сало, поджигают гнот — и освещается хата. Тускло, конечно, но ложку мимо рта не пронесешь, и то ладно.

Украинская хата всегда блестит чистотой.

ДВОР, В КОТОРОМ НЕ ГУЛЯЮТ

Сад, огород да хата со двором — если все это плетнем огородить, как раз получится украинская усадьба.

Мы с вами только на дворе не были. Учтите — двор не для прогулок. Свободной площади для игр или развлечений здесь нет. Каждый метр рассчитан. Двором на усадьбе называют хозяйственные постройки.

Хата обычно находится в глубине усадьбы. Рядышком — тростниковые, двойного плетения «повитки». В повитках живут коровы, овцы, козы. Для кур и гусей помещение поменьше — «курник». У свиней самый теплый домик, срубленный из толстых бревен — «саж».

Во дворе колодец — четырехугольный сруб. Зовут его «криницей». Недалеко от него летняя кухня с печкой. В теплое время, чтобы избежать жары и духоты в хате, стряпают на «воле».

В «синнике» хранят сено, а снопы зерна в очень любопытном сооружении — «клуни». Огромная четырехскатная крыша клуни доходит до самой земли и делает ее похожей на пирамиду. И еще одна особенность. Клуня имеет сквозной проезд — с двух сторон ее широкие ворота для возов, нагруженных снопами.

У возов на дворе есть свое место — «возовня». Это настоящий гараж для разнообразных возов и тележек.

В. СОЛОВЬЕВ
Рисунки О. Смелкова

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Виктория ВАРТАН

РАССКАЗ

Рисунок К. Почтенной

Лето кончается.

Жизнь заметно замедляется, село будто отдыхает после праведных трудов, хотя по-настоящему никто из жителей Дзорагета не успокаивается — просто исчезли страхи и тревога за урожай: а вдруг пойдут дожди, от которых полопается прозрачная тугая кожица на ягодах, и пропадут, сгниют на лозе тяжелые гроздья? Мужчины — те, кого не взяли в армию, — все еще заняты на полях, а женщины не спеша прядут пряжу, вяжут теплые носки на зиму для ушедших на фронт. И нам с моим младшим братом скоро возвращаться в город, ему — к отцу, а мне — к матери...

И вот в один из теплых вечеров я, мой младший брат и бабушка Мец-майрик ужинаем, против обыкновения, не на открытой веранде, а в комнате: колом грецкие орехи, которые мы сбили еще днем с нашего огромного орехового дерева, дающего тень не только нам, но и проходим. Брату уже пора домой к нани — другой бабушке, но он тянет время, не хочет уходить. Мы с братом, в отличие от наших родителей, очень дружны между собой, хотя без драк и у нас не обходится.

— Пошел бы ты, Грантик-джан, домой, — говорит Мец-майрик. — Смотри, нани будет сердиться. Ты же знаешь, какая тебе досталась бабушка: ничего никому не спустит.

Грантик вздыхает — да, конечно, он знает, что нани не подарок. Но он все же умоляюще смотрит на Мец-майрик:

— Ну, Мец-майрик, ну, еще немножко посижу с вами... Мец-майрик сдаётся:

— Ну ладно, побудь еще немного... Что с тобой поделаешь!

Мы сидим при керосиновой лампе — у бабушки еще не провели электричество — и слушаем какую-то армянскую, древнюю как мир притчу, которую рассказывает Мец-майрик.

Вдруг откуда-то издали, с гор, доносится рокот — глухой, еле слышный, словно где-то высоко-высоко в небе собирается гроза. На мгновение становится тихо, потом снова слышится рокот, но теперь сильнее, а затем едва ощутимый толчок: со стола катится орех и падает на пол. Мец-майрик бледнеет и молча застывает на месте. Снова слышится грозное рокотание, будто уже за селом, совсем-совсем близко, почти рядом, — вдруг стены, потолок, пол, вещи в комнате начинают качаться, с потолка на головы сыплется штукатурка... Испуганные, мы вскакиваем с места и в страхе смотрим на Мец-майрик, но и у нее на лице растерянность и страх.

По всему Дзорагету, от одного склона горы до

другого, эхом отдаются испуганные голоса сельчан. Бабушка обнимает нас за плечи, мы прижимаемся к ней, но тут раздается такой оглушительный грохот, затем сильный толчок, и на наших глазах стол медленно кренится, кренится, а пламя в керосиновой лампе начинает плясать и потом внезапно тухнет. В кромешной тьме мы слышим дрожащий голос бабушки:

— Во двор, быстро! Это проснулась Святая гора!

На миг мелькнуло перед глазами видение: старое, одинокое, украшенное разноцветными тряпичными и ленточками дерево на вершине горы, под сенью которого Мец-майрик и я принесли в жертву петуха, чтобы дядя Сурен вернулся с фронта живым и невредимым.

Секунда — и мы во дворе. С нашего склона горы видны дома на противоположной стороне, и мы замечаем, как мелькают огни во дворах, слышим голоса: кто-то кого-то зовет, ищет... Мы же с братом стоим, прижавшись к широким юбкам Мец-майрик, перепуганные насмерть, чувствуя, как земля все еще рокочет, беснуется и кажется вот-вот расколется и поглотит весь Дзорагет. Плач, крики обезумевших от страха детей и женщин, мычание перепуганных коров в хлеву, протяжный, леденящий душу вой собак, слившись с грозным подземным гулом, поднимаются к черному небу. Ужас перехватывает мне горло, у меня зуб на зуб не попадает от страха.

Наконец участвовавшие толчки переходят в дрожь, дрожь становится слабее и слабее, потом снова толчок, но еле ощутимый, почти незаметный, — и все затихает. Земля, внезапно разбуженная какими-то непонятными силами, засыпает снова непробудным сном.

Село успокаивается, тише становятся голоса, огни больше не пляшут бешено в темноте, повсюду мир и спокойствие. В наступившей тишине из-за забора слышится бормотание нашего старого соседа, дедушки Нерсеса:

— Господи, господи... Ты не раз защитил мой несчастный народ... Спас от резни, от всякой напасти... Защити, спаси нас и теперь от гибели... Аминь... Господи, смилуйся над нами, спаси нас...

Внезапно я почувствовал ужасную слабость в руках и ногах.

— Мец-майрик, пошли в дом, — сказал я. Глаза мои слипались от желания спать.

— В дом? Нет, только не в дом. Вы тут стойте, а я схожу за постелью — будем спать сегодня во дворе.

Мы с Грантиком, который тоже еле держался на ногах, легли валетом на постланной поверх ковра постели — прямо на землю. Мец-майрик решила после всех волнений этого вечера не отсылать его к другой бабушке, а он, хотя и сонный, но рад-радешенек случаю переночевать у нас. Мец-майрик задула фонарь и тоже легла в постель.

Среди ночи слышу голоса... Проснулся от бьющего в глаза света. Это двигалась сердитая нани с фонарем:

— Я волнуюсь, ищу его по всему селу, а он тут, у чужих спит!

— Вай, Сона! Что ты городишь чепуху? — Мец-майрик сидит в постели, платок на плечах. — Мы же тебе родня как-никак.

— Какая ты мне родня? Мы перестали считаться родственниками в тот день, когда мой сын развелся с твоей дочерью. Теперь у нас с тобой ничего нет общего — запомни это!

— А внуки? Разве они у нас не общие с тобой?

— Ну и что из этого? А мы с тобой теперь чужие, и ноги моей больше тут не будет! Эй, Грантик, вставай, проснись! Мы уходим сейчас домой... — Нани подходит к спящему Грантику, тормозит его. — И чем ты их завораживаешь? Наверное, все сюсюкаешь с ними, будто они малые дети...

— Да ладно, Сона, пусть спит, бедняги так испугались землетрясения, — уговаривает ее Мец-майрик. — Успокойся, будет тебе ворчать, Сона.

Нани будто не слышит ее увещаний, все трясет да трясет за плечо спящего брата:

— Вставай, вставай! Разве у тебя нет своей постели или крыши над головой?

— Опять заладила! Сона, побойся бога! — всплеснув руками, говорит Мец-майрик. — О каком чужом доме ты говоришь? Это же дом его бабушки и брата!

Нани посмотрела на нее зло.

— Есть дом и постель у меня! А разве нет? Кому присудили Грантика: твоей дочери или моему сыну, а? Геворг — другое дело, он ваш. Я и не говорю ничего.

— Да он же спит совсем. Пусть сегодня переночует, а завтра придет к тебе.

Но нани уже тащила Грантика из-под одеяла. Он отбивался, не соображая, чего от него хотят и почему не дают спать.

Мец-майрик заплакала.

После того как нани ушла, волоча за руку сонного Грантика и громко стукнув калиткой, Мец-майрик утерла глаза и пошла закрыть калитку на щеколду. Я еще долго не мог уснуть.

Но едва лишь я сомкнул веки, как меня снова разбудил шум с улицы.

— Эй, Машок, Машок! Проснись!

Голос принадлежал нани. Вот неугомонная: опять явилась!

— Машок, открой! Ну что, оглохла ты там, что ли? Чего не открываешь? — Нани колотила калитку сухими кулачками. — Ну, чего закрылась за семью замками? Боишься, что утащат тебя, что ли? Не бойся, больно стара для этого! — Она не перестала ворчать и после того, как Мец-майрик открыла ей.

Я окончательно продрал глаза и увидел, что небо начало бледнеть, высветлив зубчатые вершины гор на востоке.

— Ну, чего еще тебе? — спросила Мец-майрик, зябко кутаясь в свой большой вязаный платок. Она удивленно уставилась на тощую фигуру в зеленом архалуке, потом на внука, стоявшего рядом с ней.

— Как чего? Будь он, дьявол, проклят! Наслал на нас это землетрясение! Пошли мы с Грантиком от вас домой и глядим: в доме все перекопилось, а дверь заклинило так, что ни туда, ни сюда — никак не открыть... Ну, чего вы разинули рты? А где же еще нам с Грантиком переночевать, как не у вас? Геворг, подвинься-ка, пусть брат ляжет рядом. Ну, давай, шевелись, не видишь — он уже спит на ногах.

Я молча подвинулся, освободив в постели место для Грантика, а Мец-майрик, с трудом удерживаясь от смеха, вошла в дом и вынесла подушку и одеяло для нани...

Мец-майрик улеглась в постель, потом легла и нани в своей длинной красной рубахе, сняв только архалук. Но она еще долго не могла успокоиться, все клокотала негодованием. Сначала сыпала проклятья на дьявола, наставшего на село землетрясение, потом принялась ругать тех, кто плохо построил ее дом, потом она стала сетовать на свою вдовью судьбу. Потом она стала что-то сердито бормотать по поводу жесткой постели, на которой ей приходится спать. Наконец, наворчавшись вволю, она затихла.

Я прислушался к дыханию наших бабушек, временно заключивших перемирие и теперь спавших бок о бок, и думал: почему же получается так, что мой дом не дом Грантика тоже? Почему мать и отец не сошлись характерами? И вообще, почему не Грантик достался матери, а я? Так и не найдя ответа на все эти «почему», утомленный событиями минувшего дня и ночи, я заснул наконец крепким сном.

ПАМЯТНИКИ
ОТЕЧЕСТВА

Е. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

Еще совсем недавно во многих наших городах и селах безжалостно сносили дома и целые кварталы. На их месте вырастали новостройки, более современные, более удобные... И почти никому не приходило в голову, что разрушенное старое ушло навсегда, и, значит, потеряно для нас и для будущих поколений.

Мне много приходилось ездить, и к каждому городу подъезжаешь с надеждой — сохранилось ли здесь прошлое, его история. В Вологде, например, старину хранят, хотя там это не так просто — дома ведь деревянные. Им даже делают капитальный ремонт — оставляют стены, а внутри все меняют, проводят свет, газ, воду. Совсем другая картина в старинном русском Архангельске. Здесь от всего богатейшего поморского порта, от столицы русского Севера осталось несколько кварталов, жалкие крохи. На месте типичных для русских городов двухэтажных домов — низ каменный, верх деревянный — стоят безликие бетонные коробки.

Однако хватит вздыхать. Ведь можно встать на защиту памятников. И это дело всех, не только взрослых, но и школьников.

Многие ли москвичи знают, что в Петровском-Разумовском стоит последняя в Москве станция конки (теперь это, естественно, остановка трамвая)?

Смотришь на нее, и сразу вспоминаются кадры из хроники начала века. А ведь ее могут взять и убрать, если она вдруг помешает. Куда, просто на свалку? На лом?

Видите, никуда ехать за историческими памятниками не надо. У каждого города, у каждого села есть своя история. Надо только оглянуться и внимательно посмотреть.

Первый адрес — это школа № 90 в Ленинграде. Здесь уже три года работает клуб «Дым отечества». Он возник, когда в эту школу пришла работать учительница русского языка и литературы Алла Ивановна Корнеева. Все члены клуба — ученики девятых и десятых классов, тех, где преподает Алла Ивановна. Всего в клубе около сорока человек, никаких специальных правил приема нет, принцип такой: приходи и работай, если хочешь. Есть, конечно, костяк — это человек двадцать.

Начал клуб с того, что ребята стали изучать жизнь и творчество русских писателей и поэтов, старых и современных. Собранные материалы оформляются в альбомы. Следят они и за текущей литературой — на полках все наши литературные журналы: «Новый мир», «Нева», «Октябрь», «Юность», «Аврора»... Так они изучали, а потом перешли к действиям.

Стали помогать рабочим, которые реставрировали музей-квартиру Пушкина на Мойке, 12. Ездили туда каждую среду.

Но что же заставило их взяться за метлы и носилки? Вот что говорит девятиклассница Оля Сыпачева:

— Мне кажется, главная цель нашего клуба — следить за всем, что происходит вокруг, и не только в литературной жизни. Надо быть в курсе, что делается в стране, в нашем городе, просто в нашем районе. И не просто знать, а стараться повлиять на события, насколько это, конечно, в наших силах. Причем повлиять в ту сторону, в которую мы считаем нужным и правильным.

Вот как. Значит, на Мойку, 12, ребята попали не случайно. Это отражение их активной жизненной позиции.

А на следующий год основным объектом их забот стал домик Матюшина — одна из очень немногих в Ленинграде деревянных построек. И что им в этом домике? — спросите вы. Одно дело — квартира Пушкина, другое — двухэтажный деревянный дом. Но вот что ответил Денис Семинихин, тоже из девятого класса:

— Восстанавливать старые дома — это очень важно. Нового можно сколько угодно построить, а если уничтожить, снести старое, то это уже навсегда, такого больше не будет. А значит, мы что-то потеряем.

Это всем понятно, когда говорят об архитектурных памятниках, знаменитых. Но это верно и когда речь просто о старых домах. Они создают облик города, который мы любим. А домик Матюшина — там жил известный человек, академик, приходили туда многие знаменитые люди — художники, поэты...

Это основные объекты. А еще — работали в Вагановском училище во время капремонта, в подвалах Эрмитажа, давали концерты в доме престарелых, в Военно-медицинской академии афганским ветеранам, в Петропавловской крепости работали на реставрации.

— Колокола там мыли, — улыбается председатель клуба Алексей Тарасов.

А не многовато ли это для сорока человек? Тут задумаешься. А учиться не мешает? А как родители к этому относятся? Вот что ответил мне Алексей Тарасов:

— Как родители? По-разному. Некоторые нам очень помогают, но бывает и по-другому. Иногда считают, что это учиться мешает. И учителя тоже. Получит кто-нибудь из наших двойку, сразу: «Ну конечно, он в клуб ходит, на уроки времени не остается!» На самом деле клуб нам скорее помогает учиться. Еще некоторым родителям не нравится, что мы деньги тратим — на фотопринадлежности, альбомы оформляем...

Ага, значит, это все делается на родительские деньги.

— Финансы — наша главная трудность, — вздыхает Алеша. — Знаете на хорошие фотографии сколько уходит...

— Могу себе представить. Интересно, а все эти многочисленные журналы, их кто выписывает, на какие деньги?

— Это все Алла Ивановна...

— А еще есть трудности?

— Еще дали бы нам помещение, — продолжает Тарасов, — мы туда бы клуб перенесли, а то тут, в школе приходится собираться...

Конечно, это Ленинград, тут можно добраться и до академика, можно мыть колокола на Петропавловской крепости. А

что делать тем, кто живет в других городах? Еду в Калугу.

Даже не в сам город, а в поселок 40 лет Октября, это от Калуги двадцать минут на автобусе. Здесь находится школа № 28. На вид обычное здание, вокруг небольшой сад. Но очень стоит заглянуть туда — потому что эта школа — краеведческий музей.

В школе масса разных стендов, выставок, макетов, прямо глаза разбегаются. Объединяет их одно — все они связаны с Калужским краем, с Калугой или с родным поселком. В классах не просто наглядные пособия и портреты великих людей. В кабинете литературы можно узнать о писателях, а в кабинете физики — об ученых, имена которых связаны с Калужской областью. В классе домоводства можно познакомиться с местными народными промыслами, причем все эти чесалки для льна, серпы, ткани и даже старинный сарафан школьники раздобыли сами.

Пройдем по коридору и увидим класс, посвященный природе, истории Калужского края, кабинет К. Э. Циолковского, А. С. Пушкина, увидим замечательный макет «Фрагмент боя за Калугу в районе Турынинских высот», который представляет одну из страниц в ходе Великой Отечественной войны, и еще много, много интересного.

Но все это пока лишь обычное краеведение. Пусть не с таким размахом, оно ведется во многих школах. Меня интересовало другое — как насчет активной, реальной помощи реставрации и сохранению исторических памятников. Делают что-нибудь калужата? Оказалось, еще как делают!

Старшие ребята ездят на Полотняный Завод. Не подумайте, это не предприятие. То есть хлопчатобумажная фабрика там тоже работает, но не сюда ездят школьники. Полотняный Завод — название поселка на реке Суходрев. Здесь по приказу Петра I в 1718 году была основана одна из первых в России мануфактур «парусно-полотняный завод», из-за него так называли и поселок.

То, что это одна из первых мануфактур, само по себе интересно, но главное — основателем ее был А. А. Гончаров, прапрадед Натальи Николаевны Гончаровой, жены Пушкина. Александр Сергеевич несколько раз бывал здесь, сюда приезжал делать предложение Наталье Николаевне. Так что Полотняный Завод — одно из главных пушкинских мест в Калужском крае.

Сейчас идет реставрация дома Гончаровых. Чем могут помочь ребята? Как всегда — подсобная работа: убрать, вынести, подмести. Но не только. В доме при Полотняном Заводе ребята покрывали крышу дранью, а в школьной мастерской изготовили для этого дома две оконные рамы. Это уже впечатляет.

Но это, конечно, дела старшеклассников. Младшим, как всегда, в основном показывают и рассказывают. Но в 28-й школе кое-что пришлось и на долю ребят помладше. Шестиклассники здесь тоже помогали изучению истории своего края — они участвовали в настоящих археологических раскопках! О том, как это было, мне рассказал ученик шестого класса Владик Юданов:

— Совсем рядом с нашим поселком велись раскопки. Нас спросили, кто хочет работать, но сказали, что работа будет трудная. Но все равно все хотели участвовать. Археологи приехали в июне, как раз каникулы у нас. Места всем не хватало, и мы, чтобы никому не было обидно, разделились на группы, каждому досталось по 10 дней. На самом деле мы тогда еще совсем не представляли, как это — раскапывать.

В первый день пришли мы на место раскопок — простой луг. И с чего это археологи решили, что здесь была стоянка первобытного человека? Многие удивлялись. Дали нам инструменты: лопаты и совки. Ну, мы стали копать, а археологи смеются: «Вы прямо как картошку на огороде». Лопатами, оказывается, снимают только верхний слой, а потом надо очень осторожно землю снимать, чтобы ничего не повредить.

Раскоп разделили на 4 квадрата и в каждом поставили по несколько человек. Надо было дойти до культурного слоя. Это такой, где есть следы деятельности человека, ну, например, остатки костра, кости, угли, орудия труда. А когда дойдешь до него, надо уже работать только совком или кисточкой. И всякий камешек осматривать. Тут приходится на корточках и согнувшись.

— А находки были?

— Конечно. Нашли много каменных рубил, это древнейшие орудия труда. Оказывается, мы древнюю мастерскую раскапывали. Она была тут у нас 7—9 тысяч лет назад. Это археологи установили. Период неолита. Несколько таких рубил теперь у нас в школе, там сделали стенд «Древние поселения в окрестностях нашего поселка».

А вот еще чем отличается 28-я школа. Ребята здесь работают не только «для души», они еще и зарабатывают. Откуда бы взяться всем этим стендам и выставкам? Делают разное — осенью копают картошку, собирают и сдают рябину, шьют рукавицы в школьной мастерской, выращивают цветы, улицы убирают, наконец.

А теперь подумайте, что бы вы смогли сделать в своем городе, в своем поселке? Конечно, хорошо, когда рядом есть учитель истории или литературы, директор, который направляет и организует. А если нет рядом такого взрослого энтузиаста? Что же тогда — сидеть сложа руки?

Вот что рассказала мне Ирина Евгеньевна Павлова, архитектор, который руководит работами в Пушкине. Сейчас там идет реставрация Белой башни:

— Ребята нам очень помогают. Сами приходят. Видят, что тут работают, и просто присоединяются. Я и фамилий их не знаю.

Уже два года ходят к нам Миша и Саша, оба живут в Пушкине, лет им по 12—13. Целый год работал шестиклассник Антон Лихачев — фамилия запомнилась, потому что звучная. На лето в деревню уехал, но сказал: «Как только вернусь, сразу к вам». Он, между прочим, сделал очень ценную находку — нашел оконную ручку с готическим орнаментом. Часто помогают ученики из «английского» интерната, он здесь неподалеку — приходят во время прогулки. Хорошо работают, особенно девочки. Каждый камешек, каждое стеклышко внимательно осматривают. И бывает, находят ценные вещи: однажды принесли подлинную латунную задвижку, изразцы находят.

Вот это, по-моему, здорово. Ведь эти неизвестные Миша и Саша, эти девочки из «английского» интерната приходят работать не по чьей-то команде, это у них не мероприятие. Просто ребята видят, что идет работа, и тоже принимаются за дело.

В каждом областном центре есть отделение Общества охраны памятников, обратитесь туда. Оглянитесь вокруг — наверно, совсем рядом есть безмолвные свидетели истории, которые нуждаются в вашей помощи. И история — она есть у любого города, любого села, даже самого нового. Мест, где живут люди, без истории не бывает. И наше дело — ее сохранить.

С. ПОГОРЕЛОВСКИЙ

ПРО СТРАНУ ДАДАКИЮ, ПРО СТРАНУ НЕТНЕТИЮ

Отправиться в Дадакию
вас боже упаси!

Дадакийцы
дадакают,
о чем их ни спроси:

- Хороша ль дорога?
- Да, да, да!
- А ухабов много?
- Да, да, да!
- Прoberусь на «жигуленке»?
- Да, да, да!
- Поломаю шестеренки?
- Да, да, да!
- Раздадакались надолго?
- Да, да, да!
- Ох, не будет с вами толка!
- Да...

А в Нетнети повсюду
«нет-нет-нет» — один ответ.
Я в Нетнетию не буду
и соваться —
нет-нет-нет!

Лучше к Сашеньке-соседу
загляну, начну беседу:

- Вкусный нынче был обед?
  - Вроде да... А впрочем, нет.
  - Все ли дружите с Володей?
  - Да не знаю... Дружим вроде.
  - В цирк пойдешь или в кино?
  - Может, в цирк... Да все равно...
  - А в музей ты сходишь с нами?
- Пожимает лишь плечами.
Вот какой дружок-сосед:
никакой —
ни да, ни нет.

Странно, —
ведь родители
у него двойкие:
папа — из Нетнети,
мама — из Дадакии.

МЕЖДУ „ЭЛЬФОМ” И „САЙГОНОМ”

Долгое время об этих ребятах молчали. Шарахались от них или отворачивались, встретив на улице. Прессу волновали другие, положительные герои. А этими интересовалась исключительно милиция...

Кафе на углу Невского и Владимирского проспектов получило кличку «Сайгон». Здесь, в «Сайгоне», главное место их встреч, центр обитания. А неподалеку, на Стремянной улице, кафе со сладеньким названием «Эльф». Здесь вы тоже их встретите. И на уютной станции метро «Гостиный двор», там, где выход на канал Грибоедова и Невский. Они называют это место «Климатом».

Их сразу узнаешь, будь они хоть в ватнике, хоть в «фирме». Длинноволосые хиппи, панки с петушиными гребнями. Мальчики и девочки с хайратниками — кожаными ленточками на голове, ксивниками — мешочками для документов на шее. Ксивники на тот случай, если вдруг «заментуют» — заберут в милицию.

Это так называемые системные люди. Что такое «система», сразу и не сказать. Есть она и в Москве, и в Таллине, и в Свердловске, и в Новосибирске, а сердцевина как будто здесь, в Ленинграде. В мрачноватом кафе «на центре».

Мою знакомую зовут Наташа. Мы познакомились в литобъединении при пионерской газете. Наташа пришла с намерением всех своими стихами потрясти. А потом послушала то, что читали другие, и писать почему-то бросила. Но в лито осталась. Не из любопытства, не потому, что ей было некуда пойти. Пойти было куда...

Итак, мы с Наташей пришли в «Сайгон». Нет, отнюдь не для того, чтобы «себя показать». Людей посмотреть — и только.

— Знаешь, я тут, в общем-то, выросла, — задумчиво говорит Наташа. — Четыре года — это не шутка.

Мальчишки лет 13—14 косятся на нее удивленно.

— Нет, этих не знаю, — пожимает плечами Наташа. — Это «пионеры». Новички, значит. Видишь, на них целая куча значков навешана...

Буквально в двух шагах, все на том же Невском проспекте, — Куйбышевский райком комсомола. Кирилл Метелев, инструктор райкома, считается здесь лучшим специалистом по «неформалам».

— Какие такие школьники в «Сайгоне»? По нашим сведениям, там даже лиц комсомольского возраста не очень много... Все эти хиппи... они же взрослые!

Конечно, и мне бы хотелось, чтобы Кирилл оказался прав. Но ведь пока, увы, все не так.

По отношению к «системе» Метелев настроен воинственно:

— Это все социально неблагонадежные элементы. Что делать с «системой» дальше, мы пока не знаем. Но что-то надо решать. А то, ну куда это годится: люди приезжают в Ленинград, город трех революций, и видят на главной улице... этих. Портят они лицо города, портят... Раньше с ними

пытались бороться: разгоняли, забирали в милицию. К сожалению, ни к чему это не привело. Пока наш райком на перекутье...

Я приглядываюсь к ребятам, прислушиваюсь к жаргону. Звездочки, пионерские и комсомольские значки. У одного мальчика рюкзак с серпом и молотом. У девицы, подошедшей к нему, на кедах большими буквами латинскими: «Перестройка».

— Да нет, никакой это не протест, — отмахнулся от моего вопроса один из ребят. — Просто это как бы модно. А от политики боже упаси.

— Вообще-то, — оживляется его сосед, — перестройка — это нам типа по кайфу. Раньше, говорят, больше ментовали. Группы ништячные выпустили — «Алису», к примеру. Только вот кофе в «Сайгоне» зря перестали продавать.

Благопристойные, ироничные, ничего не ниспровергающие и не утверждающие, но, что самое печальное, — ленившиеся думать даже и в любопытном для них разговоре.

— Они такие и есть, — кивнула Наташа. — А попала я сюда знаешь как? Мне, ну как это говорится, «было неинтересно со сверстниками». Ребята в классе ничего не читали из того, что читала я, и вообще с ними было не о чем говорить... Ну и потом, у меня с детства было чувство, будто я не такая, как все. Бабушка говорила со мной по-английски, а по пятницам учила хорошим манерам.

Но с бабушкой — это все-таки не дружба, и с родителями тоже, хоть они у меня и очень хорошие. В музыкальной школе я познакомилась с одной девочкой, тоже акселераткой. И она мне говорит следующую фразу:

— Слушай, пойдём со мной, я тебя в такой дом крутой отведу, к таким кайфовым чувакам.

И я пошла. И там осталась, можно сказать.

— Так кто это были — «кайфовые чуваки»? — спрашиваю я.

— Хиппи. Знаешь, уже в возрасте, лет от тридцати до пятидесяти. А мне тогда было двенадцать, и училась я в шестом классе. Можешь себе представить мои восторги: меня приняли за свою взрослые люди, слушают меня, о чем бы я ни говорила. Мне показалось, что вот, наконец, я нашла друзей и единомышленников.

Знаешь, мне показалось, что в этом действительно что-то есть — прочесть пару-тройку модных книг, уметь вставить два слова о них, делая умный вид. С чужих, в общем-то, слов. Говорить о значительном, о религии, например. Жили они коммуной то у одних, то у других. Грязные были, хаер месяцами не стирали, ну, голова не мытая, представляешь? Даже вши у них были, они их называли мустангами.

— Натах, ты? — внезапно к нам подскочил низкорослый парень с «нестираным хаером», увешанный украшениями из бисера и кожи. — Я так слышу, прости, вполуха твою телегу. Что-то ты, по-моему, не въезжаешь. Раньше врубная лялька была, а теперь что?

Главного ты не прорюхала, девиз какой: «Разводите цветы и крысы».

Он отошел.

— Ну что? — спросила у меня Наташа. — Вот тебе и хиппи. Приятель мой бывший. Мы же как жили? Утром, к открытию, в «Сайгон». Это летом было, вагон времени. Берем маленький двойной в «Сайгоне», и на «Эльф». На «Эльфе», в садике там, покурить. Опять кофе. Потом покурить у «Сайгона». И так неделями, дни напролет.

Хиппи эти мне, знаешь, к тому времени надоели. И я пошла к панкам. Эти оказались еще противнее. Такие веселые свины без проблем. Уж они-то вообще ничего не читали. Чем занимались? А, мелким хулиганством. Бутылки там бросали из окна...

Ну вот, а потом я как будто очнулась. Я поняла, что скатилась так низко, что уж дальше некуда. Ну знаешь, как это в книгах пишут — ужас бездны почувствовала. В школе были почти одни двойки. Даже я уж не говорю там по физике, а и по литературе, и по истории.

И чувствовать себя стала отвратно. И родители обо всем

догадались. Ну что ты так смотришь, наркотики я имею в виду, да, да...

— Наташка, ну неужели без этого-то никак нельзя было? — ужасаюсь я.

— Эх, — вздыхает Наташа, — если б я знала тогда про наше лито...

Словом, из «системы» я сколола сама, волевым усилием. Теперь уж больше года прошло, и ясно — назад не вернусь.

Но я — раз — испортила себе здоровье. А два — это Васька. Маленький мой приятель. Он мне как братик. Васька теперь такой же, как вот эти мальчишки, с которыми ты разговаривала. А был... знаешь какой! Он как-то внутренне всегда чувствовал, что хорошо, что плохо и как поступить. Он потрясающе тактичен. И знаешь, еще Вася так рисовал! А потом я привела его в «Сайгон». И он тут так и остался. Нашел новых корешков, а мы с ним как-то раздружились. Из художественной школы его исключили. Оправданий-то у него хоть отбавляй. Жизнь у Васьки тяжелая. Родители десять лет в ссоре, а в одной квартире живут. Ужас! И сестра у него в параличе, представляешь?

— Да, да, ну конечно, мы о ней знаем!

Так отреагировал Куйбышевский районный пионерский штаб на мой вопрос о «системе».

— Я помню «системных» с детства,— начала Маша Пакина.— Боялась их ужасно. Мимо «Сайгона» только с мамой ходила, за руку ее хватала. Еще бы — одеты так необычно, волосы длинные. А потом я как-то увидела у «Сайгона» старшеклассников из нашей школы. А ребята-то хорошие, их вся школа знала, потому что они вечно что-нибудь интересное придумывали.

— Ну, не знаю я, может, и так,— развел руками Коля Логош.— Мне о «системе» ничего не известно, а узнать почему-то очень хочется.

— Конечно, и мне хочется,— сказала Марина Дементьева,— Я читала, что вовсе они не плохие. У них общие интересы...

Не только с интересом, но и с симпатией говорили ребята. Пока... Пока я не задала вот какой вопрос:

— Скажите, а в ваших школах есть «системные»?

Наступила тишина. Большинство было не в курсе. И тут встала Мила Плещеева.

— У нас есть такое «сокровище». В нашем, шестом классе. Девочка одна. Ходит в «Сайгон» со старшей сестрой. Недавно, правда, ходит, несколько месяцев всего. Мы собираемся с ней начать борьбу.

— С кем? С девочкой? — удивилась я.

— Ну, не знаю, как это сказать,— замаялась Мила.— А только у нее прическа такая неряшливая, и веревочка на голове. Учителя ей замечания делают...

— А она что?

— А она «хвостик» завязывает и идет себе.

— Ну, а о «Сайгоне» вы ее спрашивали?

— Ну да, а она говорит: там люди интересные, разговоры умные.

— А о чем разговоры-то?

— Ну, я не знаю.

— Понятно. А как бороться будете?

Мила морщит лоб:

— Надо ей найти какой-нибудь кружок. Дать поручение...

Нет, никто из членов Куйбышевского районного пионерского штаба всерьез не задумывался, что же это за «система» такая свила себе гнездо в их районе. Им не было до нее дела, а потому не все ли равно — хвалить или «объявлять борьбу». Хотя «борьба» — оно как-то легче. Наверное, потому что привычнее.

А решение тут одно. Может быть, непривычное. Но зато такое необходимое — разобраться. Понять, почему девочка или мальчик предпочитает «систему» обществу своих одноклассников. Может, потому и уходят они к «неформалам», что слишком уж формально, по обязанности, не от души общаются с ними их пионерские лидеры.

Мы выходим на вечерний Невский. Вид какой-то у Наташи потерянный.

— Знаешь, правда тошно стало. Ты обратила внимание, как «пионеры» хиппану этому в рот глядели? Они же всему поверят. Запад, Восток, рок-музыка, дзен... А ведь хиппи пудрят мозги первому встречному, потому что это их единственное занятие. Тысячами способов объяснять свое безделье.

«Сайгон», увиденный глазами человека, пробывшего здесь годы. Эти годы сама Наташа называет «тяжелыми и странными». Она считает, что кое-чему «система» ее все-таки научила. Не принимать ничего на веру, не слишком доверять красивым словесам. Но Наташа явно за это переплатила. К счастью, она нашла, куда уйти, нашла новых друзей.

А другие? Сотни мальчиков и девочек с Невского, в хайратниках и ксивниках, с безумным наркотическим блеском в глазах, с плавающей по лицу улыбкой? Вызывающие одновременно отвращение, жалость, боль?

С. ИВАНОВА

Рисунок Ф. Васильевой

Фото Миши Разуваева,
школа № 33,
Ленинград

Рисунок
Ю. Беломлинской

Знаменитый русский юрист Кони любил шутить. Однажды он рассказал своему знакомому профессору механики Бобылеву, что один человек изобрел самолет, который без всякого горючего, а значит, и подъемной силы может летать два месяца.

— Но это противоречит закону всемирного тяготения! — воскликнул профессор.

— А он изобрел его до открытия этого закона! — рассмеялся Кони.

Ежедневно в Токио к 9 часам на работу из пригородов приезжают 5 миллионов человек. Платформы вокзалов в часы «пик» усеяны оторванными пуговицами, сломанными каблуками, потерянными шляпами и туфлями.

Администрация не растерялась: тут же на платформах стоят ларьки, где каждый пострадавший может получить шлепанец на одну ногу.

Порох изобрел в XIV веке монах Бертольт Шварц. Однако дальнейшая его судьба покрыта легендами. По некоторым документам, он благополучно прожил 150 лет. По другим — изобрел еще короткоствольную пушку — мортиру. Наконец, по третьим — дабы Шварц не открыл никому секрета изобретения, он был посажен в тюрьму и погиб, взорванный на бочке с порохом.

Ленинградец Владимир Бронников предлагает новую игру

Играют двое на поле, которое разбито по горизонтали и по вертикали на нечетное количество — семь, девять и больше клеток.

Выберем самые простые фишки — черные и белые. Будем считать, что их неограниченное количество у каждого из двух партнеров. Что же могут делать наши фишки? Ну, во-первых, заставим их как-то появляться на игровом поле. Пусть игрокам разрешено за один ход поставить две фишки в любое место поля. Теперь разрешим двигать фишки по полю. За один ход можно переместить две фишки на одну позицию по вертикали или горизонтали либо сдвинуть одну свою фишку на две позиции. Теперь остается, как и в любой другой игре, ввести способ уничтожения фишек противника. Когда пять или более своих фишек соприкасаются с одной фишкой противника, последняя заменяется своей фишкой. За ход можно заменить две фишки противника, так будет более активно проходить борьба.

Давайте еще раз сформулируем наши правила. За один

ход игрок может совершить три операции в любом порядке:

- 1) поставить две свои фишки на любые клетки поля;
- 2) переместить одну или две фишки;
- 3) заменить одну или две фишки противника.

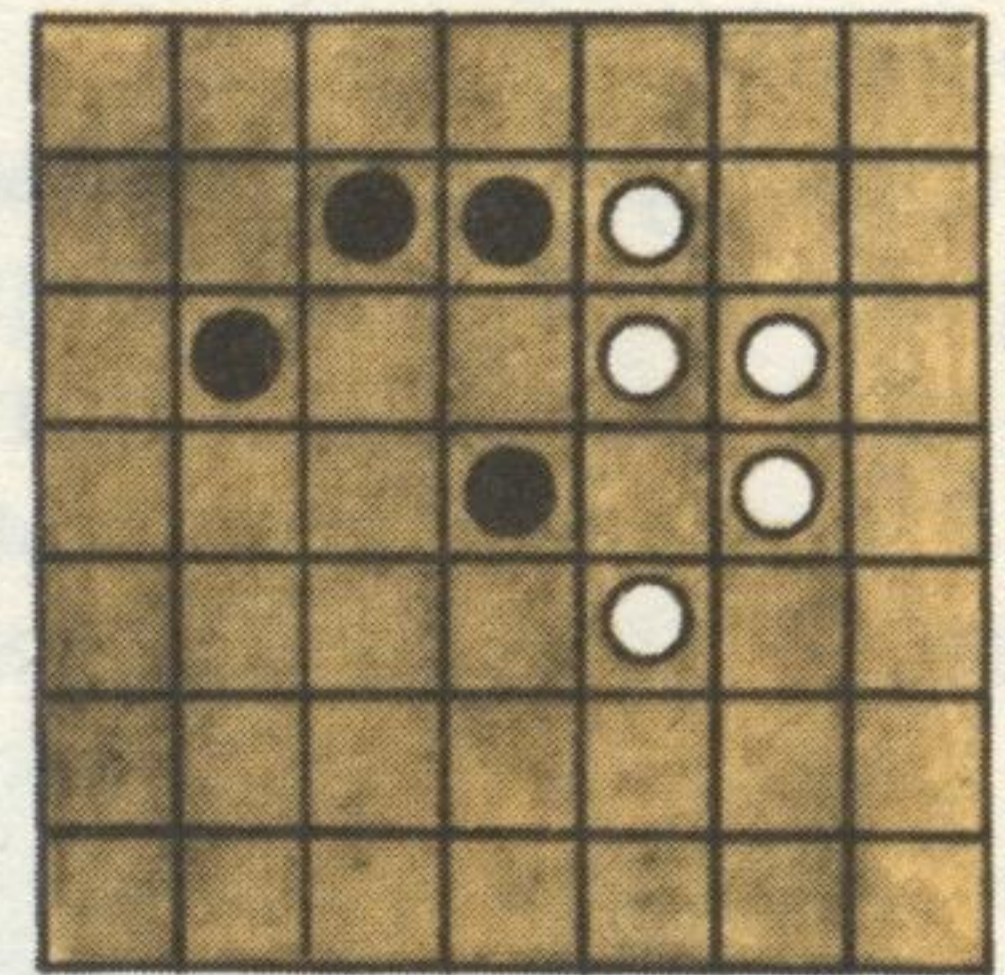
Теперь необходимо сформулировать цель, начало и окончание игры. Цель игры — занять как можно больше клеток основного поля. Выиграл тот, кто сумел поставить и сохранить больше фишек. Окончание игры наступает, когда либо все поле занято фишками, либо постановка новых фишек приводит к моментальному их уничтожению, во втором случае занятыми считаются и поля, окруженные фишками, куда противник не может поставить свои фишки.

Начало игры можно и не придумывать, а начинать с пустого поля. При этом тот, кто ходит первым, выставляет только одну фишку, с тем чтобы не получать преимущества в начале партии.

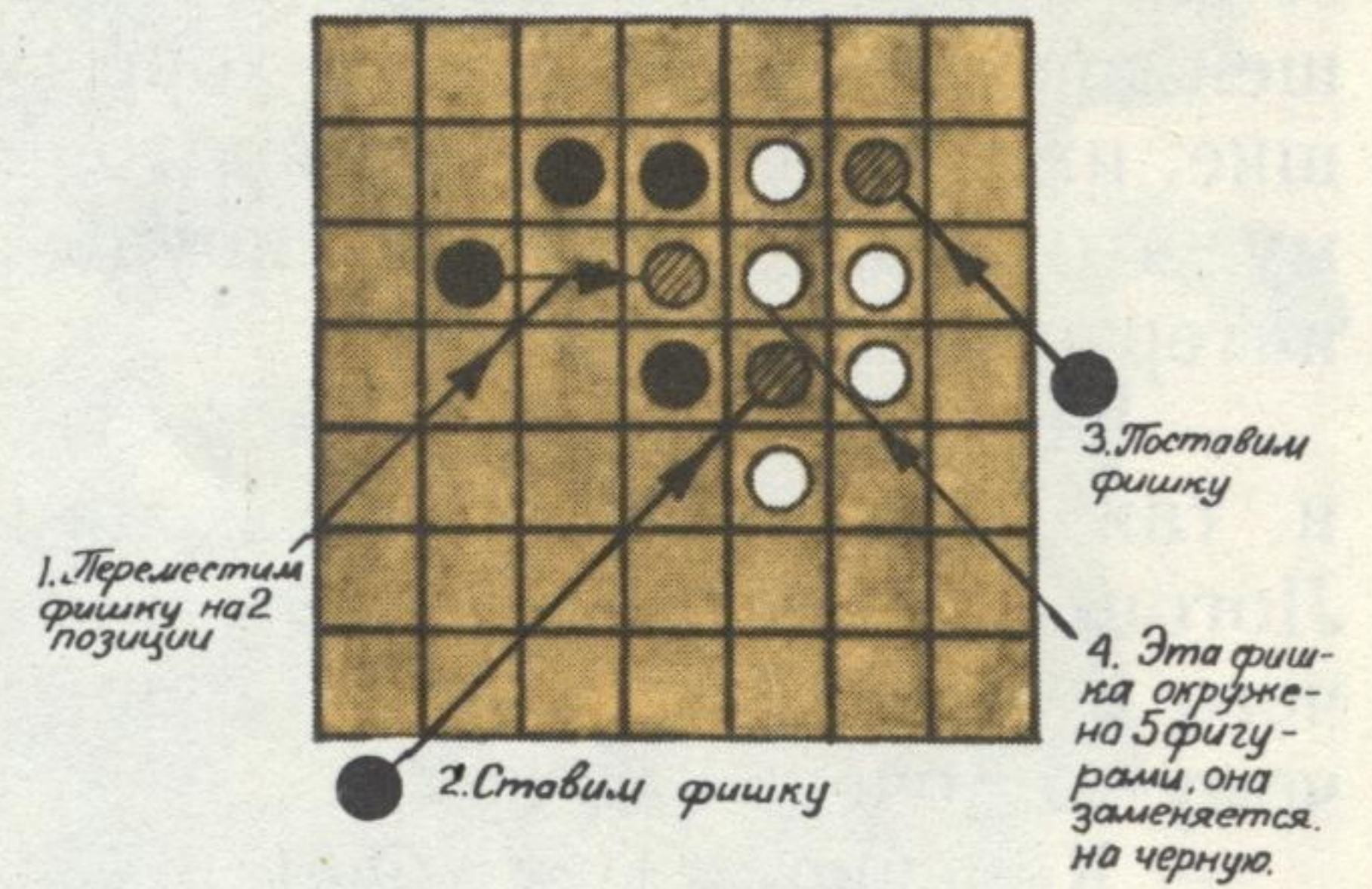
Ну вот и все. Теперь мы с вами можем начинать игру.

Рисунок В. Шаронова

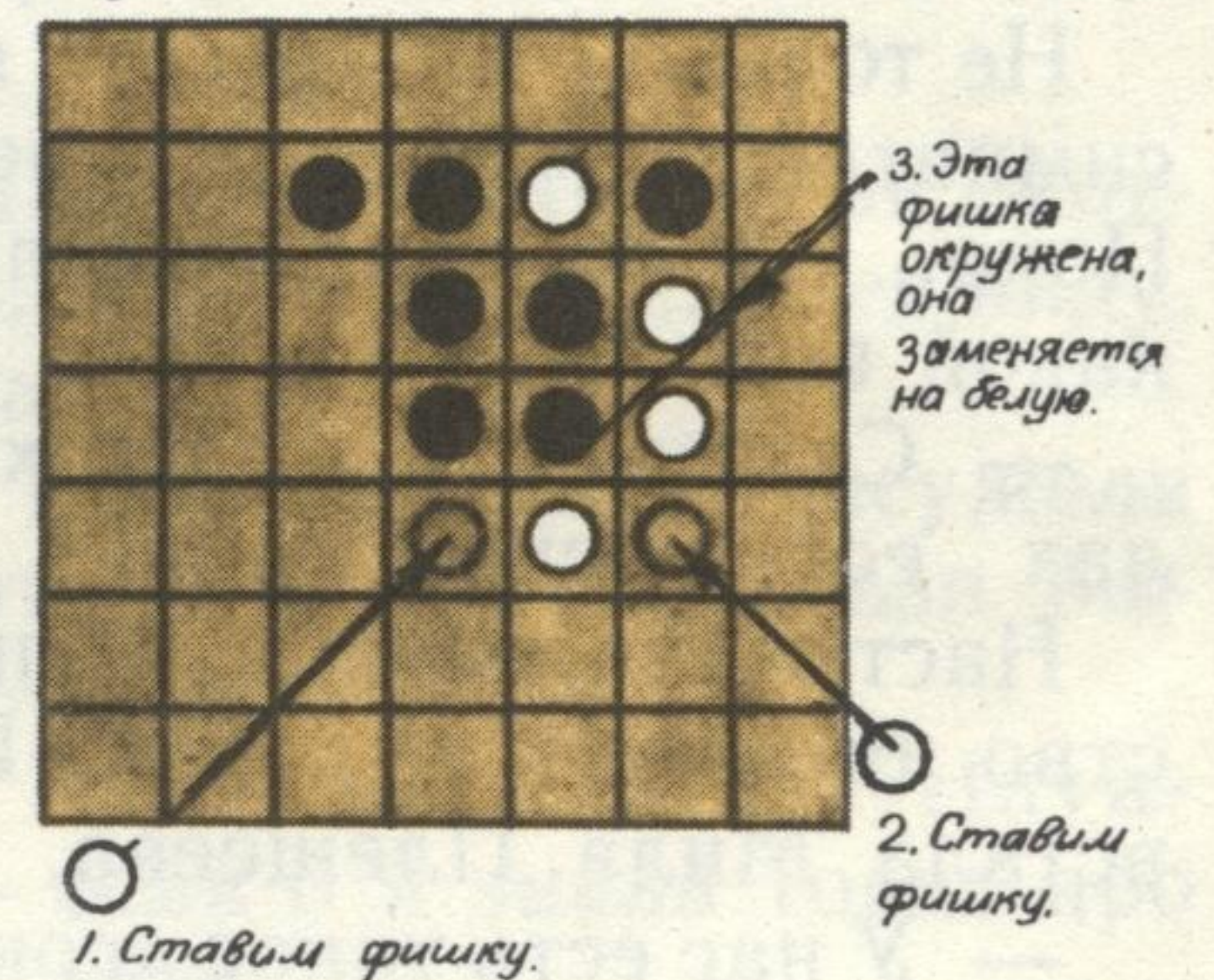
исходная позиция (I)

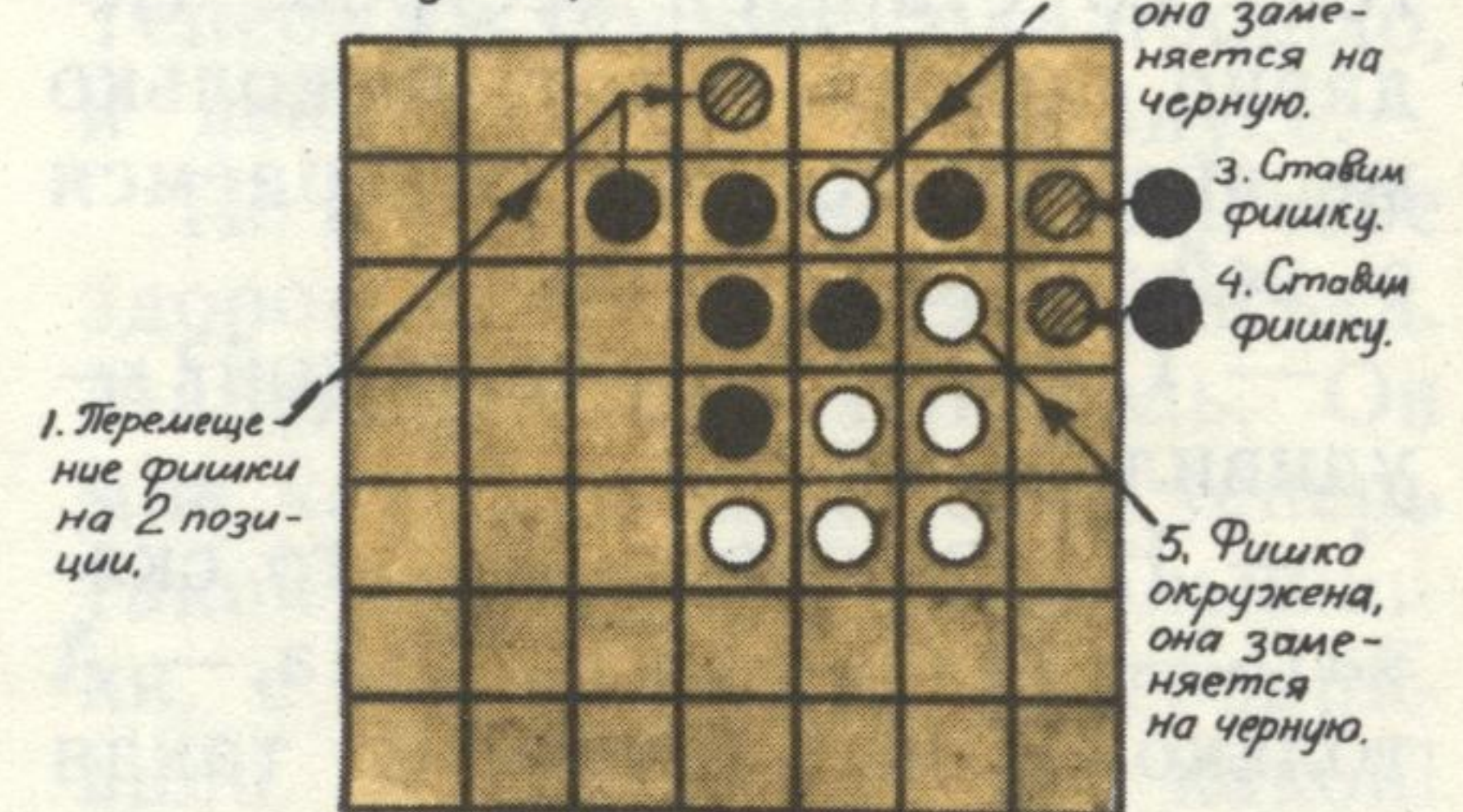
ход черных (II)

ход белых (III)

ход черных (IV)

**ПОБЕДИТЕЛЯМИ
ВИКТОРИНЫ С РИСУНКАМИ
В 1987 ГОДУ ПРИЗНАНЫ**

Нечунаева Наташа, г. Иваново, Пушкарь Сережа, Запорожье, Вершинина Лена, Оренбургская обл., п. Новоорск, Конов Саша, г. Краснодар, Жукова Таня, Кировская обл., п. Кикнур, Лавлинская Света, г. Витебск, Усольцев Слава, Тюменская обл., г. Заводоуковск, Цветков Антон, Воронеж, Вагизова Фарид, ТАССР, р/п. Уруссу, Изотов Алеша, г. Тула, Шуркин Руслан, пос. Ново-Завидово, Калининская обл, Юдаева Дина, г. Пенза, Бикбулатов Самир, г. Уфа, Стародумова Надя, г. Свердловск, Буза Руслан, г. Одесса, Григорьев Алеша, ст. Терновка, Воронежская обл., Ютанова Наташа, г. Москва, Бадаев Рашид, г. Кушкурган; Уз. ССР, Рыков Алеша, г. Курск, Аветян Сусанна, г. Белогорск, Амурская обл.

БЕЛАЯ ДАЧА

К. ВАСИЛЬЕВ

КАК ОПИСАТЬ МОРЕ?

Ялта, август, по набережной гуляли отдыхающие... Здесь прогуливался когда-то Чехов. Встречаясь со знакомыми, был приветлив и в то же время сдержан. Говорил просто, кратко. Во время разговора поглядывал на море и все думал о чем-то своем.

— Вы любите море? — спросил у него однажды писатель Бунин.

— Да. Только уж очень оно пустынно. Очень трудно описать море...

Иногда он брал экипаж и ехал — в горы, в Аутку. Там строилась его дача. Он жил в разных местах России, а в 1898 году решил поселиться здесь — под южным солнцем, под синим небом. В этой южной, теплой Сибири, как он назвал однажды Ялту. Рядом с морем.

Так как же описать море? Чехов был попечителем ялтинской гимназии и однажды прочитал в ученической тетрадке: «Море было большое». Ему очень понравилось: большое и только. Чудесно!

Чехов не любил вычурных фраз.

БЕЛАЯ ДАЧА

Село Аутка в конце прошлого века было за чертой города. Выбрав участок, Чехов показал его сестре Марии Павловне. Мария Павловна пришла в ужас: какой-то запущенный пустырь рядом со старым кладбищем!

А он был доволен:

— Есть вид на море. И разведем сад. Здесь такая земля, что ты втыкаешь в нее оглоблю, а вырастает тарантас.

Он говорил смешные вещи без всякой улыбки.

Дачу строили основательно: возвели на склоне опорную стенку, заложили крепкий

фундамент. Белая, чистая, легкая — она стала украшением Ялты.

Чехов хотел, чтобы это был прочный, красивый дом — надолго. Хотя знал, что болен чахоткой, что жить осталось ему немного.

ЭКСКУРСОВОД ОЛЯ

Желающих осмотреть дом-музей набралось человек десять. К нам вышла женщина — со старинной брошью на платье старинного покроя. Она обмахивалась изящным веером. Она была похожа на героиню из чеховских рассказов. Я обрадовался: повезло с экскурсоводом! Наверное, эта дама знает музей очень хорошо. Она, наверное, Антона Павловича помнит!

— Оля, примите, пожалуйста, группу, — дама с изящным веером вдруг обратилась к девочке в легком летнем платье со светлыми, коротко постриженными волосами.

Как оказалось, дама с веером была зрителем. А экскурсоводом была девочка Оля.

В нашей группе нашелся привередливый экскурсант. Он обиделся:

— А почему — всем дают настоящих экскурсоводов, а нам ненастоящего?

— Я настоящая, — заволновалась Оля. — Я учусь в пятой школе, это бывшая гимназия — та самая, где Чехов был попечителем. И мы учим все... о Чехове, об этом музее, а сейчас практика — водим экскурсии.

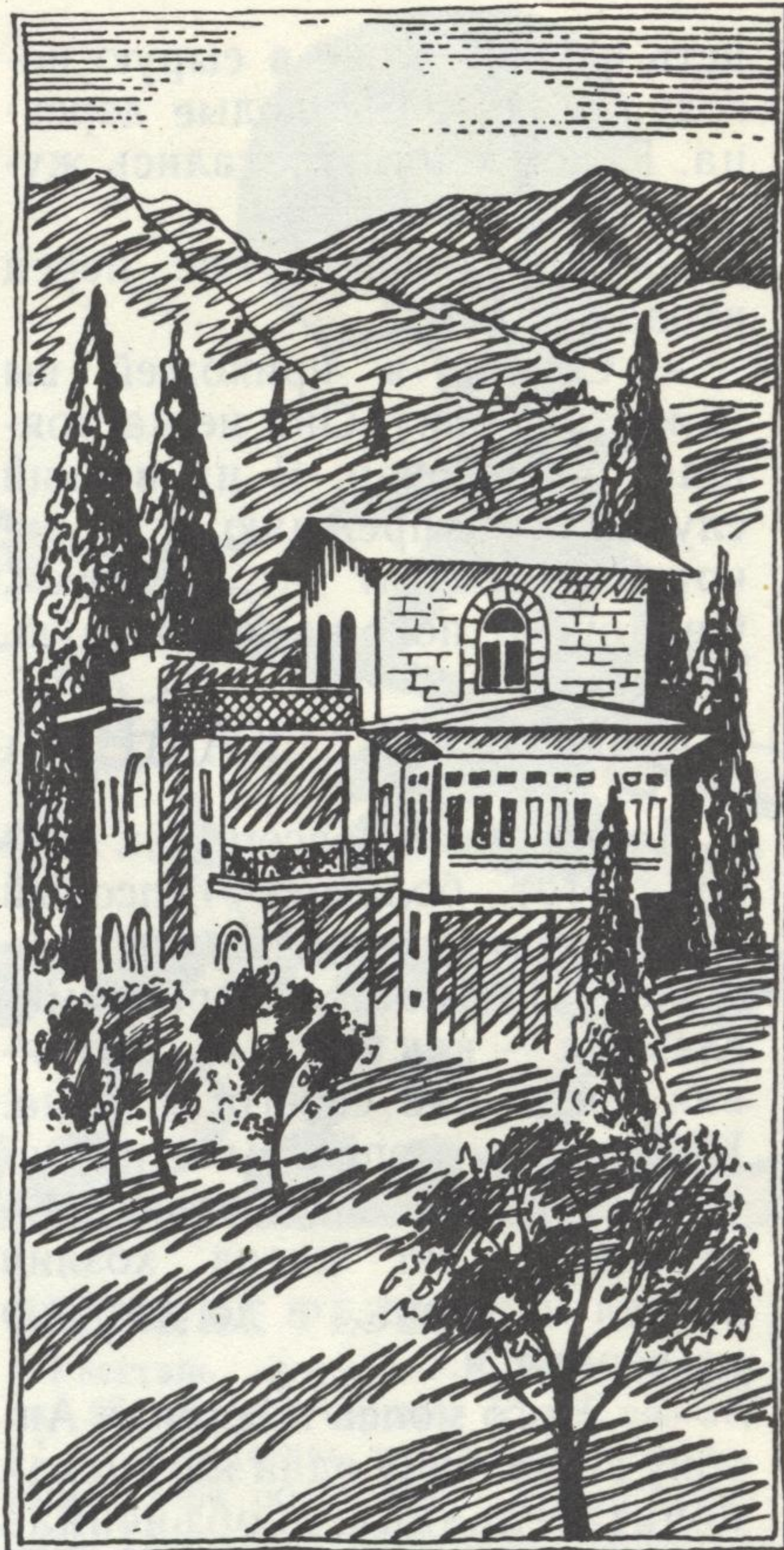
Привередливый экскурсант хмыкнул с сомнением:

— Практика? Ну-ну...

Он поискал глазами: каким бы каверзным вопросом срезать Олю?

— А сколько деревьев в саду чеховских, какие сам Чехов посадил?

— Сто пятьдесят девять, — ответила сразу Оля. — Вот эта

груша, например, была посажена Антоном Павловичем. Ей девятый десяток...

Мы увидели на ветках спелые груши. Чеховское дерево до сих пор дает плоды...

САД ЧЕХОВА

В чеховском саду рядом с южной пальмой росла северная береза, рядом с экзотической магнолией — прозаический тополь, рядом с грушей — декоративный бамбук...

Чеховский сад напомнил мне чем-то чеховское творчество, в котором были юмористические сценки, грустные и веселые рассказы, комические пьесы с трагическим финалом.

— Этот сад Чехов развел на пустом месте. Он считал, что рядом с красивыми деревьями должна быть и красивая жизнь. — Оля вела нас по дорожке, которая была посыпана морской галькой. — Про себя Антон Павлович сказал однажды: «Если б я не был писателем, я стал бы садоводом».

Мы прошли мимо скамейки Чехова. Когда-то он любил си-

деть на ней, даже в сырую погоду, глядя на молодые деревца. Рядом с ним топтались журавль и собачка.

Оля остановила нас перед входом в дом.

— Сейчас в прихожей вы увидите собаку. Она не настоящая, а гипсовая. Я на всякий случай предупреждаю, а то некоторые входят и пугаются. Она очень похожа на живую.

ПЕЙЗАЖ У КАМИНА

Да, он был совсем как живой, этот большой гипсовый мопс, сидящий на полу в прихожей. Он смотрел дырочками-глазами — как будто высматривал среди нас своего хозяина. На морде у мопса было какое-то растерянное выражение. Восемьдесят лет назад хозяин вышел из дома... и до сих пор не вернулся.

— Этого мопса подарила Антону Павловичу одна ялтинская почитательница, — объяснила Оля.

В кабинете на втором этаже мы увидели другие подарки: белую вазу на камине, в каминном проеме — картину Левитана...

— Здесь, на юге, Антон Павлович скучал по березовым подмосковным рощам, он как-то сказал об этом Левитану. Тот попросил кусок картона и тут же нарисовал пейзаж. Чехов потом говорил, что этот пейзаж у камина греет его больше, чем сам камин. — Оля рассказывала приглушенным голосом, ступала неслышно по дощатому полу. Следуя ее примеру, мы тоже старались не скрипеть половицами и перешли на полусшепот — как будто хозяин был дома и мы не должны были его тревожить.

— Иногда сестра или мать видели, как Антон Павлович сидит в кресле с закрытыми глазами, спрашивали: может, ему нездоровится? А он отвечал: «Нет, ничего, голова болит немного...» Болезнь изнуряла Чехова, но он никогда не жаловался. И никто не видел ни разу, чтобы он плакал...

В этом кабинете Чехов написал свой последний рассказ — «Невесту». За этим сто-

лом он закончил «Вишневым садом» — свою последнюю драму. Мне вспомнился вдруг один из героев этой драмы — Петя Трофимов, его слова: «Я предчувствую счастье. Вот оно, счастье, вот оно идет, подходит все ближе и ближе, я уже слышу его шаги...»

«ТУТ ДОРОГ КАЖДЫЙ ЧАС»

У Чехова был брат Николай, художник. Он как-то пожаловался Антону Павловичу, что окружающие его не понимают.

Антон Павлович сразу же откликнулся: «Как брат и близкий тебе человек я тебя понимаю и от всей души тебе сочувствую... Ты добр до тряпичности, великодушен, не эгоист, поделаясь последней копеей, искренен. Недостаток же у тебя только один. Это — твоя крайняя невоспитанность...»

Экскурсия ушла вперед, а я переписывал торопливо в блокнот чеховское письмо — кодекс жизни Антона Павловича Чехова.

«Воспитанные люди уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы. Они прощают и шум, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их доме посторонних.

Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом.

Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет его в глазах говорящего...

Они не унижают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтобы в ответ им вздыхали и нянчились с ними.

Они не суетны. Истинные таланты всегда сидят в потемках, в толпе, подальше от выставки. Даже Крылов сказал, что пустую бочку слышнее, чем полную. Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, су-

етой. Они горды своим талантом.

Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу.

Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля. Тут дорог каждый час».

Мне вспомнились отзывы современников о том, что в беседе Чехов был сдержан. Почему? В кодексе Чехова я нашел ответ на этот вопрос. «Воспитанные люди не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают. Из уважения к чужим ушам они чаще молчат».

Просто Антон Павлович был воспитанным человеком.

В ДОРОГУ!

Экскурсия закончилась. Маленькая железная калитка скрипнула и выпустила нас — на улицу, в большой мир с множеством дорог. 1 мая 1904 года Чехов распахнул калитку, покинул свою белую дачу — как оказалось, в последний раз. Была весна — тепло, солнечно, лето впереди... и как будто ты совершенно здоров, и как будто вообще не существует никаких болезней и даже смерти!

Мне снова вспомнился «Вишневым садом», Петя Трофимов, больной студент, который в конце пьесы отправляется в путь, радуется предстоящему путешествию, восклицает: «В дорогу!»

«В путь!» — такое решение принимает и Наташа, героиня из последнего чеховского рассказа «Невеста».

Сразу за белой дачей дорога уходит вверх — за город, к соснам, к скалистой вершине Ай-Петри. А если идти в другую сторону, там до самого горизонта — большое море. И кажется, что впереди, сразу за поворотом, тебя ждет что-то неведомое, новое, счастливое. И невольно повторяешь — вслед за чеховскими героями, вслед за самим Чеховым: «В дорогу! Здравствуй, новая жизнь!»

ЧЕМПИОНАТ-88

Доблестные разведчики! Боевые задания четвертого тура принесут вам еще 10 очков. Итак, по доскам!

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Kpd2, Фс2, Са7, Kgb; черные: Kph2, пп. g3, g4.

Б. Белые: Кре4, Ла8, Сf5, п.h2; черные: Kpg5, пп.f6, h5, h6.

Цель разведки: и в А (Олег Шалыгин, Днепродзержинск), и в Б определить — дается ли черному королю мат в три хода.

Разъяснение обстановки: черные пешки, как всегда, идут сверху вниз, о чем разведчикам не следует забывать.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: Д.h2, пр. а5,b6; черные: пр.b8, е3, g5.

Б. Белые: а3, d2, е1, е3, g5; черные: б6, с7, е5, f4, h6.

Цель разведки: в обеих позициях (А—Д. Калинин, Б—Владимир Деревецкий, Днепропетровск) найти пути к победе белых.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 21, 38, 39, 40, 41, 47; черные: 10, 11, 13, 23, 35, 36.

Б. Белые: 25, 29, 33, 34, 38, 45, 47; черные: 13, 14, 19, 20, 37, 40.

Цель разведки: доказать играющему черными, что спастись ему ни в А, ни в Б не удастся.

Разъяснение обстановки. В позиции Б белые достигают выигрыша, используя «правило турецкого удара» (оно есть как в РШ, так и в МШ). **Это правило состоит из двух частей:** а) при взятии побитые шашки можно убирать с доски только после окончания удара, б) при взятии нельзя дважды перескочить через одну и ту же шашку. Вот пример из партии — белые: 29, 33, 34, 38, 44; черные: Д. 19, пр. 10,20. Было сыграно — 1.23! и черные сдались, так как их дамка обязана бить так — 19:32:49:40:29 (и лишь после этого можно убрать побитые шашки с доски), а белые побьют 33:4X.

ИЗ ШТАБА СООБЩАЮТ

В призовом туре финала Чемпионата-87 («Костер» № 10, 1987) верными ответами являются:

ШХМ. А. В 3 хода — 1. g8Л! Kph7 2. b8Ф. Б. В 3 хода — 1. h5! Kpc5 2. Лd4, или 1... Kpd5 2. Kpc7, или 1... Kpd7 2. Лg6. В. В 4 хода — 1. Фа8! Kph6 2. Фh8+Kpg5 3. Фh1!, или 1... f5 2. Фd8+Kph6 3. Фh8+. Г. Ничья: 1. Се8 Kpg4 2. Cd7+Kpf4 3. Сg4! Kp:g4 4. Кс4 d1Ф 5. Ке3+! К:e3 — пат. Д. Белые проигрывают: 1. b6 Лg4! 2. hg (2.b7 Л:f4 3. b8Ф Ла4+ и т. д.) 2... h3 3. b7 h2 4. b8Ф h1Ф+5. Кра7 Фа1+ и т. д. Е. Выигрыш: 1. h4! f6 2. h6 Kpg6 3. h5+! Kp:h6 4. еf и т. д.

РШ. А. Выигрыш: 1. dc3! 2. b4! 3. g3X. Б. Выигрыш: 1. h4! d4 (1... g1 2. cd4X, 1... е1 2. ef6!X) 2.g7!! a1 3. hf6 a5 4. f8!X. В. Выигрыш: 1. g3!X. Г. Лишь ничья: 1. с5 е5 2. б6 с7 3. с3 б4 4. б8 а3! = (это авторское решение опровергается — 1. с5 е5 2. d6!! с7 3. d4 и т. д. X). Д. Лишь ничья: 1. g7 б4! 2. f8 dc3! =. Е. Выигрыш: 1. hg5! h8 2. с5 а1 3.

f2 h8 4. g1 a1 5. gh2 b6 6. g1 a5 7. c5 h8 8. b4! X.

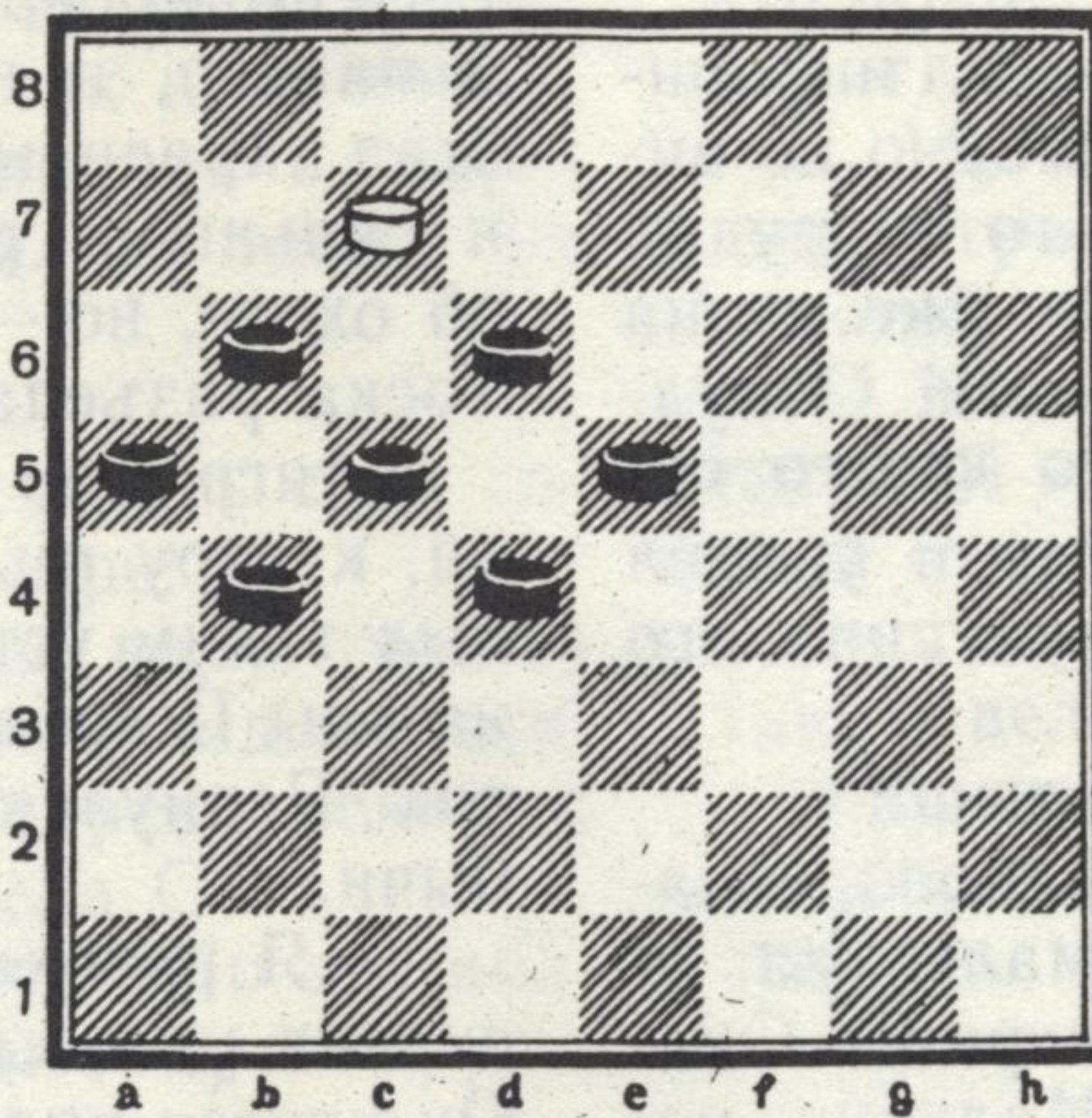
МШ. А. Белые проигрывают: 1. 12 13 2.20 (2.7 2!X) 18!X. Б. Выигрыш: 1. 14—23! 50 (42 2.40!X) 2.23—14!X.

В. Выигрыш: 1.42! 18 2.1 23 3.29 41 4.20! 10 5.4 46 6.27!X. Г. Выигрыш: 1.25! 46 2.29! 37 3.4!X. Д. Ничья: 1.П! =. Но не 1.12? из-за 1... 19! 2.7

25—30! 3.25 30! 4.34 2!X. Е. Выигрыш: 1. 10!! 15 2. 17! 49—44 3. 10!!X.

Победители Чемпионата-87 будут названы в «Костре» №5.

КОГО ЖДЕТ ПРИЗ?

Посмотри на диаграмму — странная позиция, не правда ли? Ход в ней белых и ясно: куда бы они ни пошли — на b8 или на d8, их проигрыш. Но дело не в этом. Разведчикам поручается определить другое: как такая позиция может возникнуть в игре, если партнеры не нарушают правил? Этот вопрос и задает ее автор — Юрий Новиков (Москва).

Среди тех, кто придумает естественное положение, от которого удастся перейти к позиции Новикова, будет разыгран приз.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры — белые: Kpg2, пп. а5, b5, с5; черные: Kpg6, пп. а7, b7, с7. Представь, что ты играешь белыми. Тебе обязательно нужно победить! Твои пешки наступают, черные — обороняются. Вот-вот начнется штыковой бой. Подумай: какую команду ты должен подать своим пешкам, чтобы прорвать оборону противника? Как будешь ты ходить?

ИЗВЕСТНО И НЕИЗВЕСТНО

Известно: белый король стоял на с5, а их конь — на d3; пять черных фигур — король, два коня и две пешки — занимали поля а3, а4, а5, а6, а7; белые объявили черному королю мат в 2 хода.

Неизвестно и требуется найти: на каком из полей стояла каждая из черных фигур.

Среди решивших эту задачу А. Шапошникова (Горький) будет разыгран приз.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 2 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Лb5! Б. 1. Ке5!

РШ. А. 1. dc5! 2. е5 3. d6X. Б. 1. d4! е3 2. с1X.

МШ. А. 1. 27! 2. 16 3. 17X. Б. 1. 23! 2. 21X.

ПРИКАЗ № 4

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:

§ 1. Всем арчебековцам отправить рапорты о выполнении боевых заданий в течение двух недель со дня получения журнала.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

МАЛЬЧИК И ТИГР

ПО МОТИВАМ ИНДИЙСКИХ СКАЗОК

Рисунки К. Овчинникова

Рахул жил в маленькой деревне. Неподалеку от нее стоял темный густой лес — джунгли. Все мужчины в деревне были охотниками.

Рахулу едва исполнилось семь лет. Он жил вдвоем с отцом: его мать умерла, когда мальчику было всего два года.

Отец очень любил Рахула и поэтому ходил на охоту реже, чем другие охотники.

Всякий раз, когда отец уходил, Рахул сидел на пороге дома и ждал его. Однажды случилось так, что мальчик просидел у дома целых два дня и две ночи. И лишь на третье утро увидел охотников. Он помчался им навстречу. Из других домов тоже выбежали дети, вышли женщины. Всех поразило то, что охотники идут медленно, молча. Ведь они уже видели, что на шестах и носилках много зверья. Почему же тогда мужчины так печальны и угрюмы?

Охотники подошли, положили шесты и носилки на землю, и люди увидели, что на одних носилках лежит мертвый отец Рахула. Он лежал рядом с огромной тигрицей: схватка человека со зверем кончилась гибелью обоих...

Согласно обычаю, отца Рахула сожгли на берегу реки. И едва успел догореть костер, с неба хлынули потоки воды: начался сезон дождей. Все разошлись. Но никто не смог увести от размытого кострища Рахула, мальчик остался один. И так просидел он целых семь дней.

Люди приходили к нему, но он не трогал и крошки еды, которую ему приносили. Он словно не видел людей. Не заметил он и что кто-то соорудил над ним навес, не заметил, что сидит уже не на голой земле, а на чем-то мягком, теплом. Очнулся он, лишь когда почувствовал, что кто-то сосет его ухо. Мальчик повернул голову и увидел маленького полосатого котенка. Рахул снял его с плеча и невольно улыбнулся:

— Чего же ты убежал от мамы, малыш?

Котенок вырвался из его рук и подполз к какому-то лохматому предмету у ног мальчика. И тут Рахул увидел, что это — голова тигрицы. Оказывается, он сидел на ее шкуре. Мальчик понял — это тигренок!

— Бедняга! Остались мы с тобой сиротами!

Он прижал тигренка к груди, а тот замурлыкал что-то ласковое.

— Чего же мы сидим? Дождь, холод... Пойдем домой!

Но мальчик не смог подняться: отказали ноги. Заплакал Рахул:

— Обезножел я. Как же теперь мы доберемся до дома?

В это время появились люди. Они, как и каждый день, пришли, чтобы накормить мальчика и уговорить его идти домой.

Узнав о несчастье, постигшем Рахула, соседи донесли его и тигренка на руках. Не забыли они прихватить и шкуру тигрицы.

С тех пор и стали жить вместе тигренок и Рахул. Они очень привязались друг к другу, даже стали понимать — тигренок человеческий, а Рахул тигриный язык. Шкуру тигрицы прибили к стене комнаты, и тигренку казалось, что мама живет вместе с ними.

Рахул надеялся, что ноги отнялись у него временно, но проходили дни, месяцы, годы, Рахул рос, а его ноги оставались маленькими и неподвижными. Вначале соседи ходили ухаживать за мальчиком — кто испечет лепешки, кто постирает. Но когда тигренок и Рахул подросли, мальчик заявил: «Теперь мы справимся со всем сами».

И люди скоро убедились, что мальчик и зверь ни в чем не нуждались. Рахул по-прежнему называл выросшего тигренка «Шербачча», что значит — «тигренок». Шербачча каждый день уходил в лес и обязательно приносил какую-нибудь добычу. Чаще всего лис. Он убивал их и нес бережно, чтобы не попортить мех, а Рахул научился выделывать шкурки, и скупщики меха охотно покупали у него отменно пушистый мех.

Когда же Шербачча превратился в огромного сильного тигра, они с Рахулом зажили еще лучше: тигр приносил с охоты не только лис, но и антилоп, и пантер, и карликовых буйволов. Рахул давно стал красивым юношей с широкими плечами и сильными руками. Ум его будоражили мечты об охоте, но — увы — он ведь был неподвижным. Тоска разъедала его сердце.

А тигр стал все чаще отлучаться из дома. Правда, к утру он всегда возвращался с добычей, но был таким усталым, что сразу же засыпал. А однажды Шербачча не возвращался целых трое суток. Вернулся лишь на четвертое утро и без добычи.

— Я расскажу тебе, почему ничего не принес, сказал усталый, но чем-то очень довольный тигр. Он улегся рядом с Рахулом и начал свой рассказ:

— Я знаю, как тебе хочется побывать в джунглях, подышать их воздухом, услышать пение птиц, визг обезьян, шипение змей, рык зверей и трубные призывы диких слонов... Эти дни я охотился лишь для того, чтобы утолить голод. Занят же был поиском троп к самому красивому месту джунглей: я решил довести тебя до него. Сосед делает седло и...

— Ты согласен, чтобы тебя оседлали?!

— Ради тебя я согласен на все!

... Через два дня Рахул и тигр отправились в джунгли. Шербачча мчался так быстро, что Рахул ничего не успевал рассмотреть.

— Не беги! Иди шагом! — умолял юноша.

— Надо спешить! Если бы я мог, я бежал бы еще быстрее... И вот...

Наверное, никто никогда не видел такого прекрасного места. Трава здесь была мягкая, цветов много, и все они благоухали. Посредине лужайки синело озеро. На берегу его стояло высокое и пышное дерево. Из его дупла в озеро лилась вода. То ли солнце золотило воду, то ли она и на самом деле была золотой, Рахул так и не понял. Но как только вода из дупла попадала в озеро, золото пропадало, и озеро оставалось таким же темно-синим.

Рахул ахнул от восхищения:

— Увидев это, теперь я могу считать себя самым счастливым человеком в мире!

— Да, можешь! — услышал он вдруг чей-то сиплый голос и стал с удивлением оглядываться.

— Посмотри на верхнюю ветку дерева, человек! Рахул посмотрел. На ветке сидела Сова.

— Меня зовут Уллу. Ты удивлен? Но это волшебное место. Здесь все понимают друг друга. А главное другое: я хочу сказать, что если тигр...

— Молчи! — яростно крикнул Шербачча и, неся на спине Рахула, неожиданно прыгнул в озеро. Озеро оказалось совсем мелким: голова и спина тигра торчали из воды, а у Рахула были погружены в воду только ноги.

И вдруг Рахул почувствовал, что уже не сидит на спине Шербаччи, а стоит на дне озера на длинных и сильных ногах.

— Что случилось? — вскричал он, но тут увидел, что спина и даже голова тигра погружаются в воду. — Что с тобой? — спросил он у Шербаччи, глядя, как вода уже совсем начинает закрывать тигра. Рахул подхватил своего друга на руки и

вышел из озера. У тигра оказались маленькие тоненькие лапки.

— Что с тобой, Шербачча? Вода, исцелившая меня, погубила тебя?!

— Я, я расскажу тебе, в чем тут дело! — проговорила Уллу, слетая с дерева и садясь рядом с Рахулом. — Это озеро исцеляет от любой болезни, но сразу же насылает ту же болезнь на того, кто принес больного. Оно берет у тебя то, что подарит другому...

— Но тогда... — Юноша вскочил на ноги, поднял тигра и собрался уже прыгнуть под потоки золотой воды, когда вдруг заговорило дерево:

— Не прыгай! Брось под мои потоки только тигра. Я верну ему то, что отняло. Впервые в жизни я отпущу здоровыми и того, кто принес, и того, кого принесли. Ибо впервые в жизни я вижу такую великую дружбу.

Здоровыми и сильными вернулись друзья в деревню, еще долго жили вдвоем и не скоро расстались.

Пересказала Р. БАРАННИКОВА

Оформление Т. Панкевич

АПРЕЛЬ

Апрель. Журчит талая вода, сбегая в овраги. На реках трогаются льдины. Вот и трясогузка прилетела. Семенит по берегу, подергивая хвостиком, будто помогает лед ломать. За это ее «ледоломкой» и зовут...

Пробиваются на полях первые травинки. У сирени проклюнулись почки, пылит сережками серая ольха. На косогоре маленькими солнышками сияют цветки мать-и-мачехи. Глядишь, пчелы уже берут с них свой первый взятък. Зашевелился муравейник. Птицы галдят. Конец пришел лесной тишине!

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТРОПА

Каждый на своем месте

Птичий базар. Огромное количество птиц разных видов гнездится на островах и скалистых берегах северных морей. Эти морские птицы выводят своих птенцов так близко друг от друга, что можно клюнуть соседку, не сходя с места. Зато так теплее и врагов отгонять легче. Но как удается им жить в таком тесном соседстве, не мешая друг другу?

На морском утесе гнездится чайка моевка. Рядом с ней устраивают гнезда олуши, кайры, гагарки. Моевки строят гнезда на крошечных выступах, величиной с ладонь. Кайры кладут яйца прямо на голую скалу, гагарки — в расщелинах между камней. На самых верхних, поросших травой площадках гнездятся буревестники и серебристые чайки. Видите, у всех этих морских птиц — свои особые гнездовья. И добывают пищу они по-разному. Серебристая чайка охотится у берега или вдоль побережья, добывая мышей, полевок, рыбу. Моевки улетают за рыбой подальше в море. Кайры, гагарки, буревестники, бакланы — прекрасные пловцы и ныряльщики, но все охотятся за разными видами рыб. Так, охотясь в разных местах и разными способами, эти птицы не соперничают друг с другом. Они легко уживаются. Почему? Да потому, что у каждого вида своя пища (а если пища и одинаковая, то охотятся за ней по-разному), свое место обитания, гнездования, свои друзья и враги, то есть своя экологическая ниша. Все растения и животные на земле — птицы, рыбы, звери, насекомые, да и вообще все живое имеет свою экологическую нишу. Бывает и так, что в разные периоды жизни животные занимают разные экологические ниши. Например, бабочки питаются нектаром, помогая опыляться растениям, а их гусеницы объедают листву.

Природа создала невероятное разнообразие живых существ, и все виды могут существовать одновременно потому, что для каждого находится своя ниша. Каждый на своем месте делает свое дело.

ПРИМЕТА

Неожиданно в лесу громыхнул выстрел. И Лена увидела большую странную птицу. Она упала в траву совсем близко. Это был белый с длинным желтым клювом аистенок. Он лежал на боку. Когда Лена присела рядом, аистенок взмахнул крыльями, пытаясь подняться, но снова упал.

Лена побежала за стариком Трофимычем.

Тот долго осматривал аиста. — Ножка у него перебита... Это надо же! Палить из ружья по такой птице!

Потом выстрогал две палочки, приладил их к поврежденной ноге аистенка и крепко-накрепко замотал бинтом.

Неделю аистенок сидел в корзине... И вот наступил день, когда аистенок пошел. Хромая, но пошел!

Лена от радости хлопала в ладоши. Разволновался и Трофимыч:

— Ну вот и ладно, вот и хорошо! До осени с нами поживет, а потом в дорогу дальнюю его проводим. А весной ждать будем. И коль вернется, значит, жить нашей деревеньке еще много-много лет. Примета такая есть!

В. ВОЛКОВ

Страницы Красной книги Венерин башмачок

Башмачок настоящий, или венерин башмачок — удивительная северная орхидея. Такое название растение получило за редкую красоту цветка, похожего на крохотную туфельку желтого цвета с фиолетовыми «лентами» вокруг нее. Растение не только красивое, но и полезное, известное геологам. Есть у венериного башмачка особенность — растет он на почвах, богатых кальцием. Поселившись на островах Онежского озера, венерин башмачок подсказал ученым месторождение этого ценного минерала.

Растет венерин башмачок под пологом лиственных и смешанных лесов. Семена у него очень мелкие и не имеют запаса питательных веществ. Поэтому в первые годы проросток ведет подземный образ жизни, питаясь при помощи почвенных грибов. Первый зеленый лист появляется на четвертый год, а зацветает венерин башмачок только на восемнадцатый год. Вот почему он очень нуждается в охране. Все меньше и меньше становится этих растений. Венерин башмачок занесен в Красную книгу СССР и охраняется во всех европейских странах. А гибнет венерин башмачок при вырубке лесов и сборе на букеты. Ведь с оборванных цветов не бывает семян...

В помощь юннатам

— Здравствуйте, «Зеленые страницы»! Я живу в селе, и у меня есть свой участок для разведения цветов. У меня просьба — вышлите, пожалуйста, семена цветов, чтобы я у себя смогла вырастить рассаду, отнести ее в школу и часть высадить у себя перед домом.

Слизкая Алла, Ростовская область

Сообщаем

что обменный семенной фонд «Зеленых страниц» продолжает рассылать семена деревьев, кустарников, цветочных культур юннатам для озеленения пришкольных участков, дворов, своих садов. В письмо не забудьте вложить 2—3 пакетика для семян.

Мы вырастим

эти декоративные тыквы — бородавчатую, чалмовидную, кабачки-цуккини на нашей станции. Урожаем тыкв, огурцов, помидоров и других овощей мы поделились с пионерами городского летнего лагеря и передали двум детским домам.

Овощеводы городской юннатской станции, Ленинград

Фото Б. Гесселя

ОТВЕТЫ НА «ЛЕСНЫЕ ЗАГАДКИ» №2

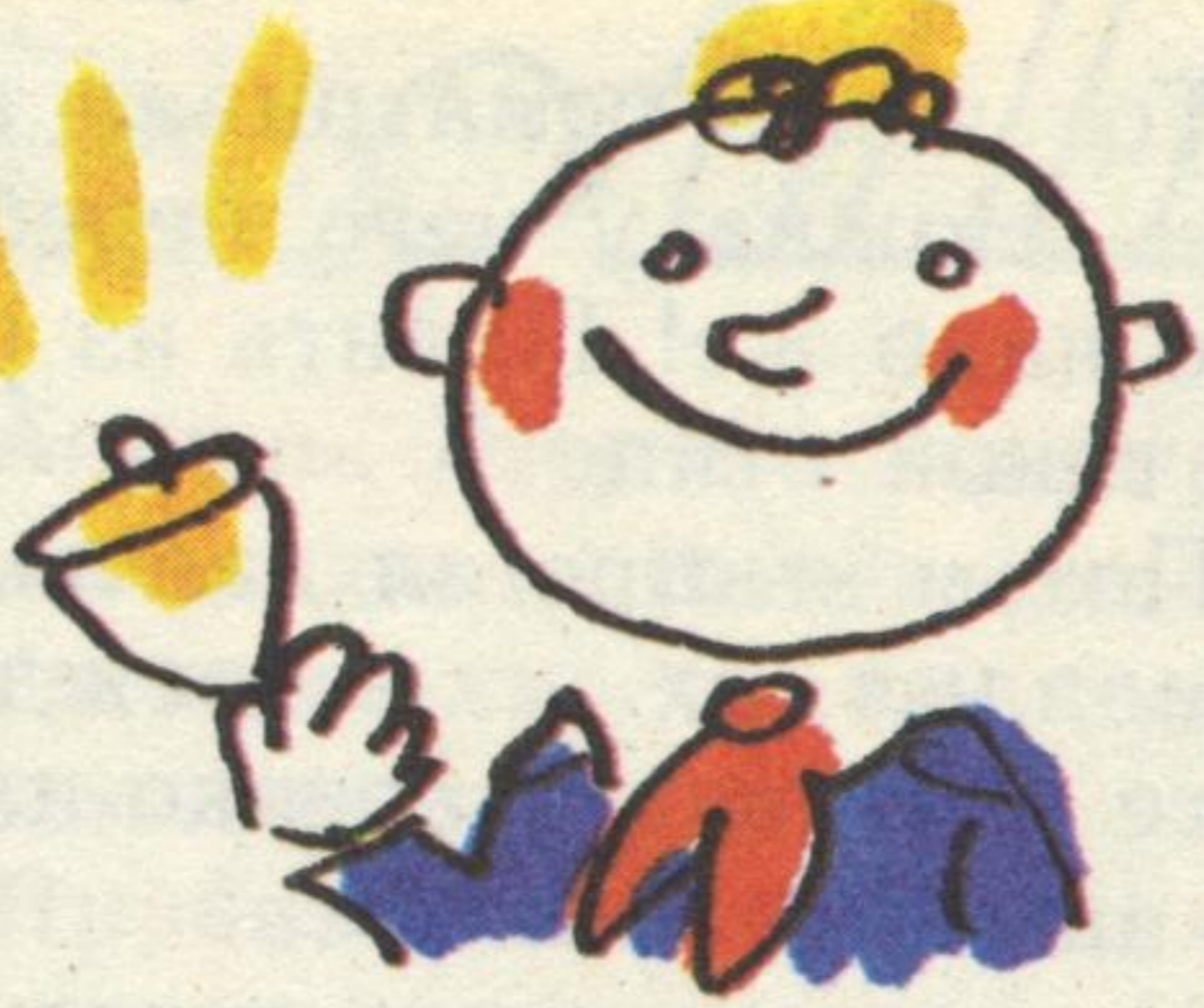
1. Оляпка. 2. Белогрудый, или гималайский медведь. 3. Сова обыкновенная («сплюшка»).

Составила Н. ИВАНОВА

Веселый

Звонок

Составил и оформил
Л. Каминский

Как известно, первое апреля — день необычный. В этот день разрешается говорить неправду, но лучше всего смешную. И вот первого апреля в редакции «Веселого звонка» собрались юмористы и стали вспоминать самые невероятные истории. И каждый начинал так: «Это что! А вот у нас...» В это время в комнату заглянул поэт Александр Крестинский, положил на стол листок бумаги и ушел. Там было вот что написано:

Завиралки- задиралки

...Это что! А вот у нас
Было дело как-то раз:
Прилетела к нам корова,
Говорит: «Который час?»

Это что! А вот у нас
Было дело как-то раз:
Заболел учитель гриппом —
Бегемот явился в класс!

Это что! А вот у нас
Было дело как-то раз:
К нам в аквариум по трапу
Опустился водолаз!

Это что! А вот у нас
Было дело как-то раз:
Прокопали мы из школы
Прямо к дому тайный лаз!

Это что! А вот у нас
Было дело как-то раз:
Мы по озеру поплыли,
Вместо лодки — контрабас!

Это что! А вот у нас
Было дело как-то раз:
Продолжалась перемена
Непрерывно — целый час!

Это что! А вот у нас
Было дело как-то раз:
Прибыл ино-плане-тянин,
На макушке — третий глаз!

Это что! А вот у нас
Было дело как-то раз...

Дальше стихотворение обрывалось... Нет, в самом низу страницы были написаны еще две строчки:

Автор выдохся, ребята,
Ждет он помощи от вас!

Ах, вот оно что! Ребята, а может, вы действительно поможете? Ждем от вас продолжения этого первоапрельского стихотворения. Конечно, рифма должна быть такая же, как у автора. Победителей этого «поэтически-завирального» конкурса я назову 1 апреля будущего года. Желаю успеха.

учитель
смеха

Конкурс

Во время урока Боря читал детектив, поэтому вопрос учителя его застал врасплох:

— Зайцев, ты, конечно, не слышал, о чем я рассказывала? Повтори, как жилось рабам в Древнем Риме!

Боря молчал как рыба.

— Двойка! — сказал учитель.

— Плохо... — вздохнул Боря.

— Что плохо?

— Рабам жилось плохо!

И все засмеялись!

Витя Травин,
5 класс,
Сочи

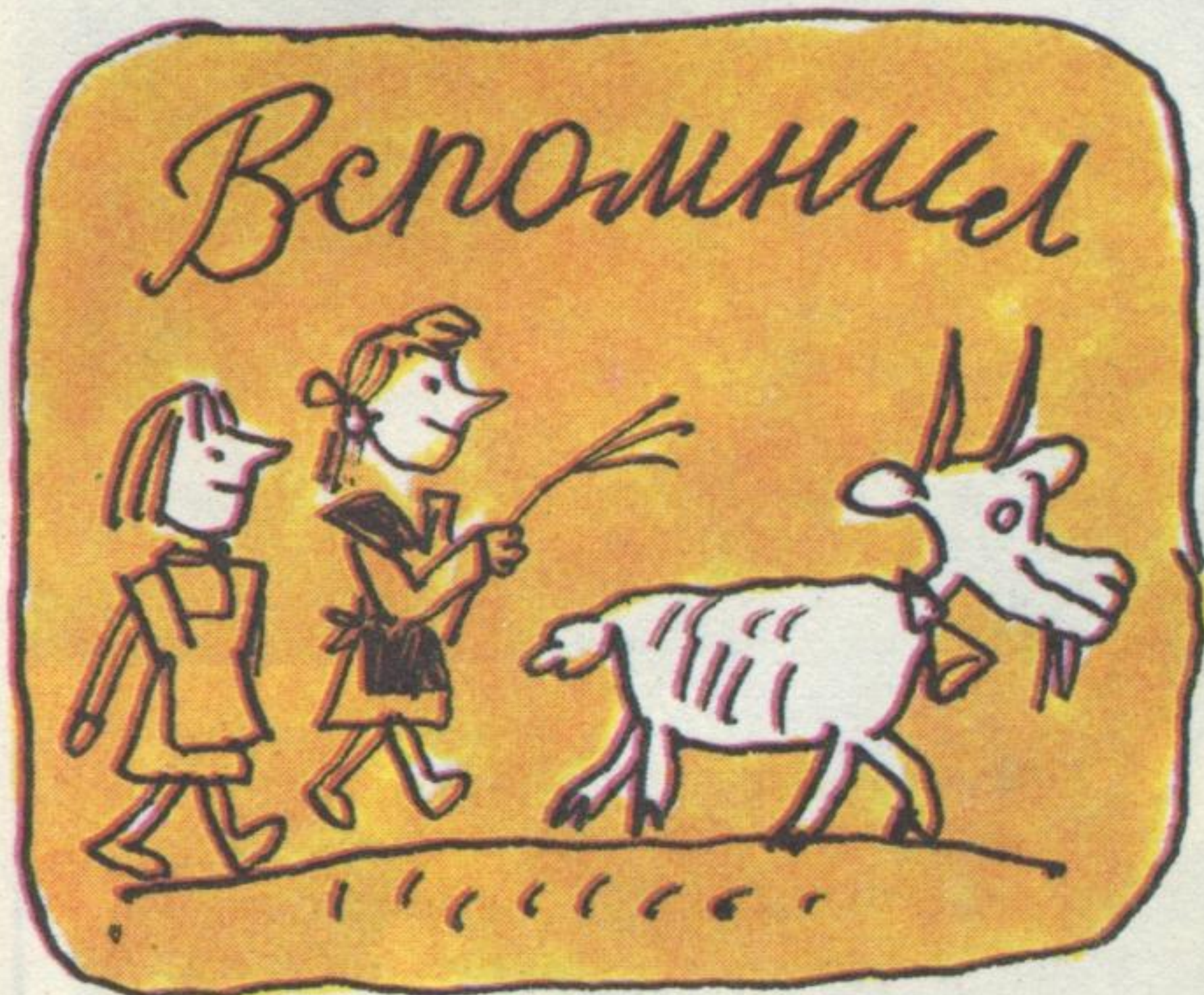
— Хаст ду айнэ катце? (У тебя есть кошка?) — спросила учительница.

— Я, их хабэ айнэ катце. (Да, у меня есть кошка), — ответил Толя.

— Ви хайст дайнэ катце? (Как зовут твою кошку?)

— Их хайсэ Мурзик! (Меня зовут Мурзик) — радостно ответил Толя, и все засмеялись!

Витя Савватеев,
пос. Ванавара
Красноярского края

У доски стоял ученик и рассеянно смотрел на учителя.

— Ну что ты, Сергеев, молчишь? — спросил учитель. — Я тебя просил рассказать, чем занимается население Южной Америки!

Тут учитель заметил, что две ученицы на последней парте разговаривают, и сказал:

— Петрова и Голубева! Чем вы там занимаетесь?

В это время Сергеев решил отвечать:

— Они там выращивают скотину!...

И все засмеялись!

Надя Перфилова,
7 класс,
Балаково Саратовской обл.

Учительница немецкого языка вызвала Толью, и у них произошел такой разговор:

Однажды мы читали по ролям комедию Гоголя «Ревизор». Дошла очередь до Игоря, который должен был читать за Хлестакова. Игорь, как всегда, занимался посторонними делами, поэтому не следил. Наконец, услышав подсказку, он прочитал:

— Я, кажется, всхрипнул порядком...

Учительница посмотрела на него и сказала:

— Мне тоже так кажется!

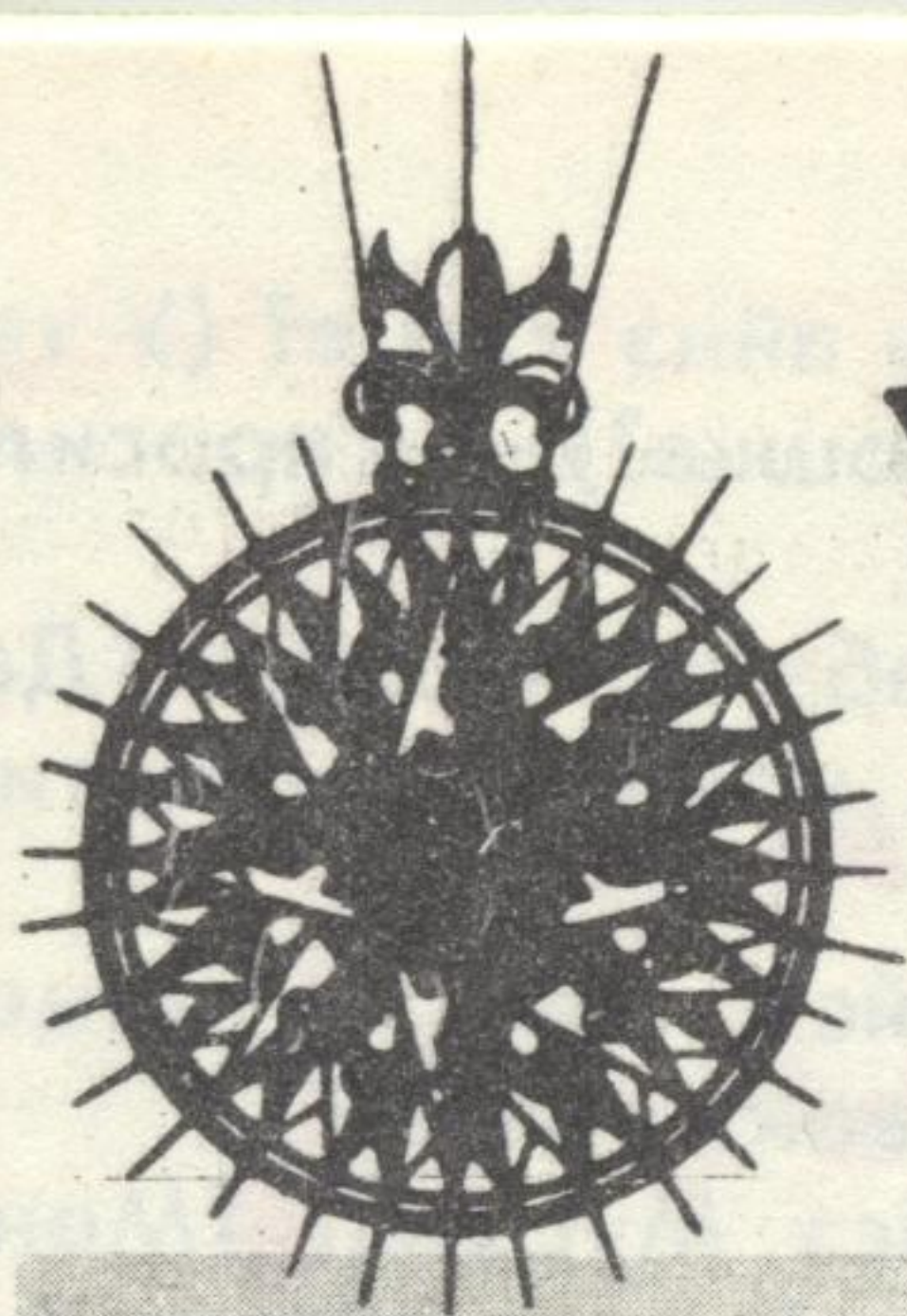
И все засмеялись!

Наташа Тараканова,
7 класс,
Ленинград

Прислали: Юра Биктимиров (пос. Светлый Оренбургской обл.), Наташа Федорова (Усть-Каменогорск), Оксана Марце-Нюк (Свердловск), Вова Чебуков (Ижевск).

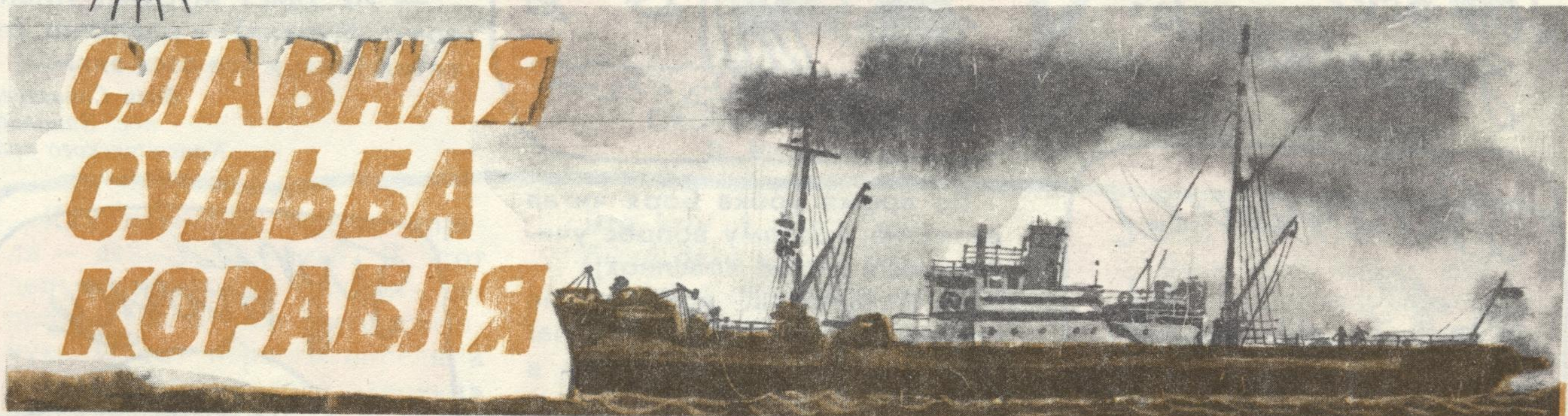
МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания 32-й

Оформление
Л. Московского

СЛАВНАЯ СУДЬБА КОРАБЛЯ

Это был совсем небольшой корабль. Его скорость была всего-навсего девять узлов, а команда — двадцать три человека. Но как только Революции понадобилась помощь, «Заградитель» пришел из Кронштадта в Петроград, встал на Неве неподалеку от «Авроры» и нацелил свои небольшие пушки на военные казармы и училище юнкеров Васильевского острова — чтобы контрреволюционеры не смогли прийти на выручку Временному правительству в Зимнем дворце...

Когда Великая Октябрьская революция победила, «Заградитель» вернулся в Кронштадт. Он занимался своим делом — когда корабли интервентов вошли в Финский залив, «Заградитель» ставил минные заграждения... Прошли годы. Началась Великая Отечественная... Фашисты окружили Таллин. У нашего командования не хватало сил, чтобы оборонять город и порт. Началась эвакуация. Один за другим уходили из Таллина в Кронштадт корабли, и на их палубах, в каютах, в трюмах спасались раненые, женщины, дети. На кораблях же грузились бойцы с винтовками, пулеметами, пушками. И чтобы погру-

зить последних людей на последние корабли, на берегу был оставлен заслон — пятьсот человек отборных бойцов. Их снабдили гранатами и патронами — вдоволь...

Наконец ушел последний корабль с эвакуированными. Пятьсот человек заслона сдерживали тысячи фашистов. Они понимали, что ценой своей жизни спасают многих других. И они выполняли приказ... Заслон отбивался... Бойцы на руках перетаскивали пушки — из улицы в улицу, переносили пулеметы и ящики с патронами — из дома в дом. Фашистов было слишком много, и они сжимали кольцо все сильнее. Теперь выход к морю оставался только с маленького полуострова... И вот уже последние защитники отступили на полуостров. Настала ночь. Фашисты ослабили огонь: они видели, что больше русские пароходы к Таллину не прорываются и у тех, кто с ними бился, — выхода нет: перед ними — пустынное море...

Наши начали спускаться к самой воде. Они несли на себе раненых, винтовки, пулеметные ленты... И тут, под самым берегом, бойцы увидели подошедший корабль — одна труба и

две наклоненные назад мачты! Это был «Заградитель». Это было спасение! С «Заградителем» пришли совсем небольшие посудинки — три шхунки и два портовых пароходика. Бойцы заслона начали быстро грузиться. Первыми ушли шхунки, потом пароходики. Рассвело. Старый минный транспорт с трудом поднимал пары в котлах. Последние бойцы поднимались на его палубу. Вкатили два пулемета и поставили их на капитанском мостике. Заправили пулеметные ленты. И тут между крайними домами вдалеке замелькали фашисты. Они тоже устанавливали свои пулеметы. И где-то поблизости уже слышались моторы подходивших фашистских танков...

Но под кормой «Заградителя» забурлила вода, и он начал медленно отваливать от берега. Следом к самой воде выскочили фашистские автоматчики. Их пули ударили по борту, пробиты трубу. Но в ответ им ударили пулеметы с мостика. «Заградитель» повернулся к берегу кормой и пошел, пошел, пошел... С каждой милей, с каждым часом — все ближе и ближе к Кронштадту, ближе к спасению.

Г. ГУСЕВ

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Ученые считают возможным, что древние финикийские галеры не только пересекали Средиземное море, но, выйдя в Атлантический океан, огибали Африку...

Любители приключений решили повторить этот путь. Они построили точную копию финикийской галеры. Галера будет нагружена тем же грузом, какой мог быть на таком корабле две тысячи лет назад — мешками с миндалем и амфорами с маслом. Путешественники решили не брать с собой современных консервов, а только ту пищу, которая могла быть у финикийцев: живых коз, птицу, муку. Не возьмут они с собой и радиостанцию. Так что путешествие будет не из легких и небезопасных...

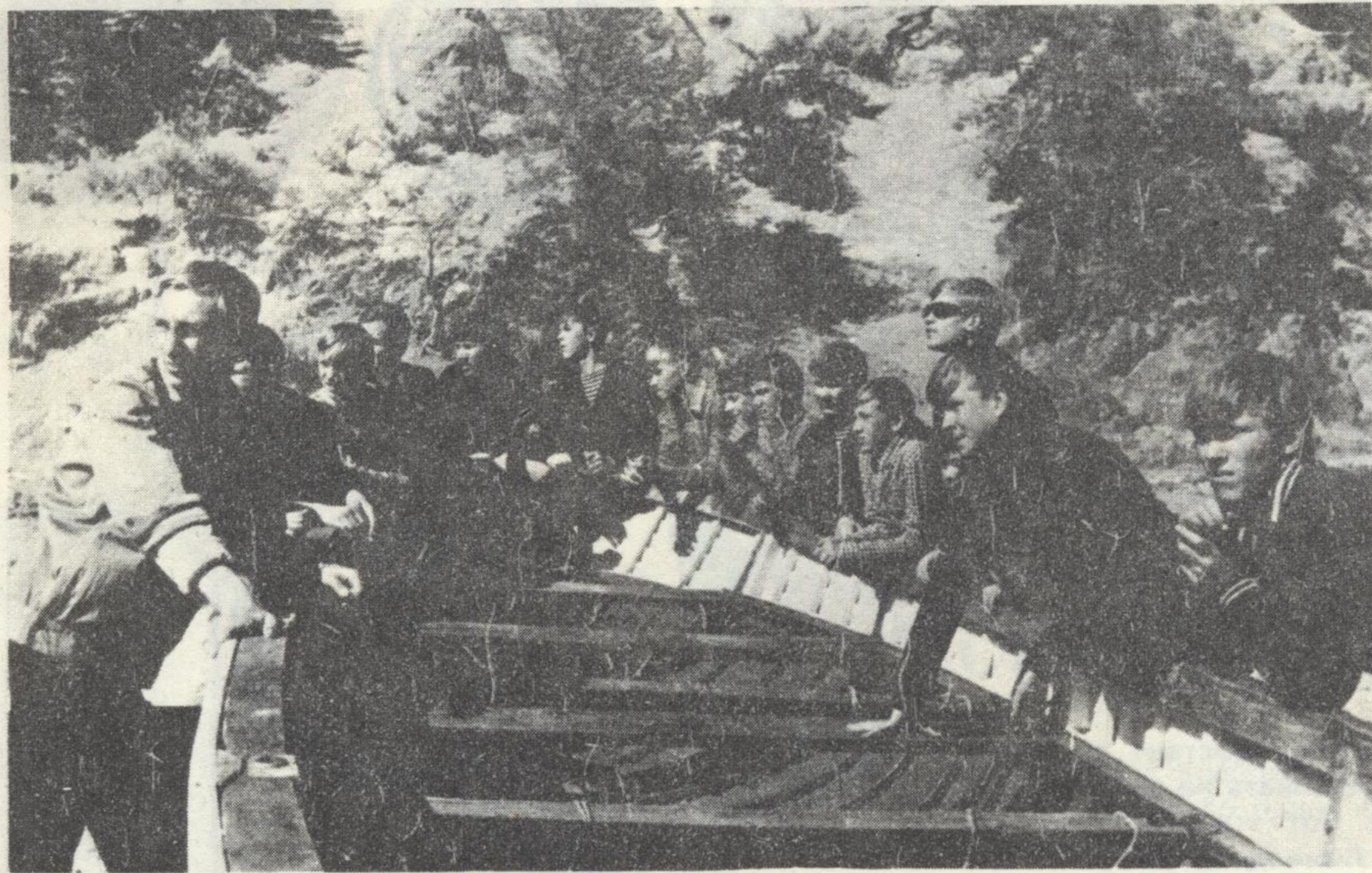
ВОТ ТАКИ ТАКИ!

Когда с глубины в 3000 метров была доставлена эта фотография, некоторые подумали: «А уж не следы ли это на дне океана легендарной Атлантиды?!» Но позднее оказалось, что нет... Это след всего-навсего... большого морского червя — энтеропнеуста.

Нам сообщают из морских клубов

Поход в две тысячи километров планируют юные моряки из КЮМа в Комсомольске-на-Амуре. На шлюпках они выйдут и в Тихий океан. По пути ребята будут изучать быт жителей глухих амурских поселков, встречаться с охотниками, рыбаками... Поведеет ребят в плавание их неизменный капитан и воспитатель — руководитель КЮМа Геннадий Александрович Путятин.

Юные моряки перед походом

Лучше уж их не трогать...

Рассказывают, что однажды матросы английского исследователя Джеймса Кука наловили отличных жирных рыб в Тихом океане. Кок приготовил рыб и подал на обед. После обеда у тех, кто ел рыбу, начались галлюцинации, потом сердцебиение, а некоторые даже на время ослепли. Кук понял, что команда корабля отравилась, вероятнее всего, рыбой. В те времена не умели отличать ядовитых рыб от неядовитых... А ядовитых рыб в океанах и морях встречается немало... Но есть настоящие чемпионы по силе яда, который они вырабатывают, чтобы защитить себя тем самым от хищных рыб. По большей части это рыбы малоповоротливые, медлительные... Некоторых из ядовитых рыб нарисовал наш художник.

Рыба-фугу

Рыба-жаба

Рыба-оса

Крылатка

Рыба-собака

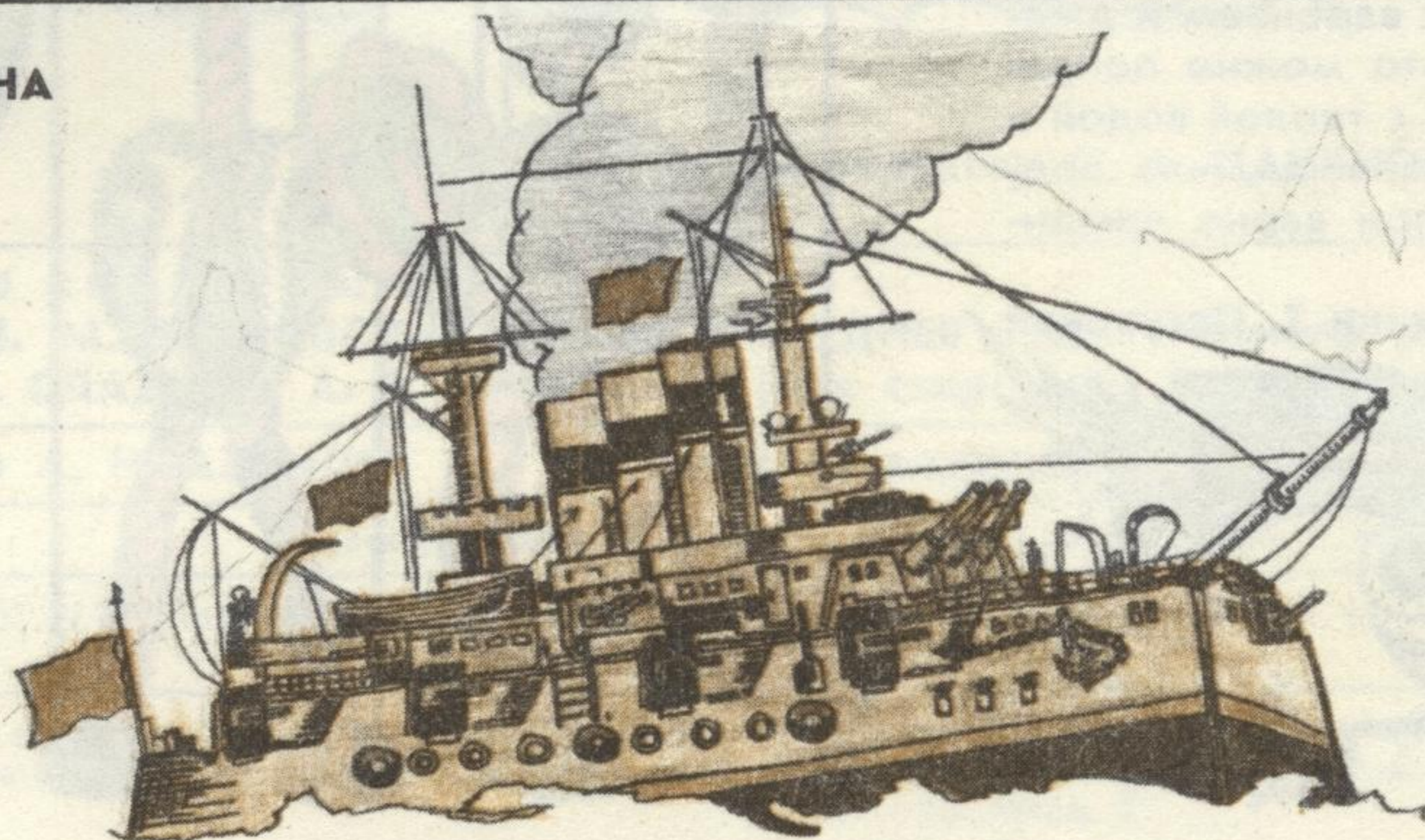
Рыба-собака считается чрезвычайно смертоносной. Яд у нее имеется в печени, икре, коже...

В Японии, где жители с давних времен кормятся дарами моря и потому неплохо изучили ядовитых рыб, есть старинная пословица: «Не трогай рыбу-собаку, и проживешь подольше...»

С ВЫСТАВКИ ПИНГВИНА

ДРЕДНОУТ
«ВОЛЯ»
В ЦЕМЕССКОЙ
БУХТЕ НА ЧЕРНОМ
МОРЕ
Денис Волков,
Уфа

Долгожитель

Самым долголетним работником на море можно, пожалуй, назвать английскую шхуну «Кэтлин Мэй». Она была построена в прошлом веке и исправно потрудились почти девяносто лет! Сейчас невозможно подсчитать: сколько за свою корабельную жизнь «Кэтлин Мэй» перевезла угля, зерна, леса, цемента... Двадцать капитанов сменили друг друга на мостике шхуны... А сейчас из заслуженного корабля решено сделать музей на реке Темзе...

Говорят, что «Кэтлин Мэй» была построена из шотландского дуба, а подводная часть ее была покрыта южноамериканским красным деревом, не поддающимся гниению... Но если уж говорить о кораблях-долгожителях, то надо вспомнить об удивительной китайской джонке, носившей название «Морская волна»... Построенная в 1753 году, джонка плавала 160 лет! Мачты у «Морской волны» были из железного дерева, а обшивка бортов — из редкого камфарного дерева. Причем толщина обшивки была полметра!..

БАГАЖНЫЙ РИСУНОК

Каким делом решил заняться каждый из этих людей?

Заманчиво иметь свой МАЛЕНЬКИЙ ОГОРОД НА ПОДОКОННИКЕ. Проще всего вырастить в горшке или деревянном ящике лук. Плотные среднего размера репчатые луковицы дадут зелень даже зимой. Посади семена редиса, салата, петрушки. Если перед посадкой замочить на два дня семена укропа — ускорится его прорастание. Между рам, где повы-

шенная влажность, хорошо растут огурцы. Но они требуют большего внимания и ухода. Семена проращивают в теплом месте, во влажной тряпочке, а сажают плашмя ростком вниз. Огурцы нужно окучить — прикопать ствол — на нем появятся дополнительные корни, улучшится питание. Третий лист растения отщипывают, чтобы оно не слишком разрасталось. Не все сорта огурцов могут самоопыляться, и у таких нужно произвести перекрестное опыление. Хорошо плодоносят на окне помидоры, перец, садовая земляника. Не забывай, что твои питомцы любят свет, тепло и влагу. Нужно рыхлить и удобрять землю. Особенно важно подкармливать растения в период цветения и плодоношения. Удобрение купи в магазине. Можно использовать птичий помет (10 г залей стаканом воды, неделю настаивай, потом разбавь в три раза). Это органическое удобрение пригодно для домашнего огорода, так как не имеет запаха. Очень полезно не только поливать растения, но и опрыскивать листья водой и удобрением.

Если домашнее огородничество тебя увлечет, достань в библиотеке книги, которые тебе помогут выращивать на окне и балконе самые разнообразные растения. Вот эти книги: Ивлев А. Н. Справочник-словарь овощевода. Лениздат, 1981 г. Смирнов Н. А. Домашний огород. Москва, Россельхозиздат, 1975 г. И. В. Овсянников. Плодовые растения на подоконнике. Статья в сборнике «Лес и человек», 1983 г. Е. Б. Попов. Сад и огород в доме. Ленинград, Детская литература, 1987 г.

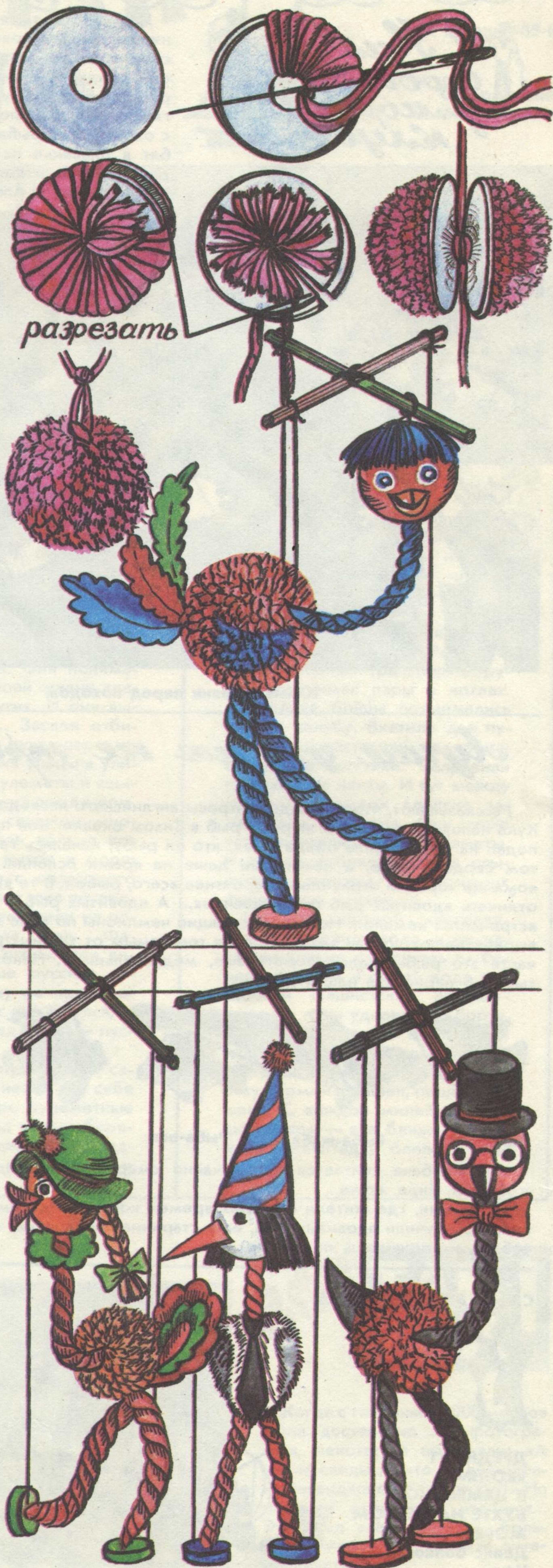
Посмотри, как делается ПОМПОН. Его можно пришить к берету, домашним туфлям, украсить завязки шерстяной кофточки или шапки. Цыпленок, которого ты видишь на рисунке, сделан из помпона. И тело страуса — тоже помпон, ноги и шея — мягкий витой шнур. Голова из шарика от пинг-понга, обмотанная шерстяной ниткой. Но страус не стоит на ногах. Секрет в том, что это не простая мягкая игрушка, а своеобразная КУКЛА-МАРИОНЕТКА. От ног страуса, тела, шеи и головы идут нити к четырем концам крестообразно связанных карандашей. Длину нитей удобно вымерить с кем-нибудь вдвоем. Натяжение должно быть таково, чтобы страус стоял на прямых ногах, горделиво поднимая голову. А теперь попробуй научиться «водить» страуса, управляя карандашами, чтобы страус ходил, вертел головой и т. д.

Если захочешь сделать маленький театр марионеток, то придумай других кукол, которых можно водить при помощи четырех ниток. На небольшом расстоянии протяни параллельно две лески, на которых будут лежать карандашные крестики. Вдвоем с подружкой ты сможешь разыгрывать сценки, управляя палочками.

Оксана Бирюкова (Краснодарский край) спрашивает: МОЖНО ЛИ ИСПРАВИТЬ ЗАБРОДИВШЕЕ ВАРЕНЬЕ?

Варенье, джем, повидло иногда начинают бродить, на поверхности появляется пена. Это дело поправимое. Переложи варенье в эмалированную кастрюлю, добавь 100 г сахара на 1 кг варенья и провари. Случается с вареньем и джемом и другая беда — засахариваются. И это можно поправить: поставь банку с вареньем в кастрюлю с теплой водой и кипяти. Кристаллы сахара распустятся. А знаешь, что предупреждает засахаривание? Добавленная при варке лимонная кислота (3 г на 1 кг).

Рисунки Т. Петуховой

КОНКУРС! КОНКУРС! КОНКУРС!

Однажды профессор Сеницын прогуливался со своей собакой по бульвару. Спешивший мимо прохожий спросил его:

— Который час?

— О, это очень просто узнать! — воскликнул профессор, — надо всего лишь сложить четверть времени, прошедшего с полуночи до настоящего момента, с половиной времени от настоящего момента до полуночи, и вы узнаете, который сейчас час.

Итак, в какое время происходил этот разговор?
20 очков.

Оформление
А. Януса

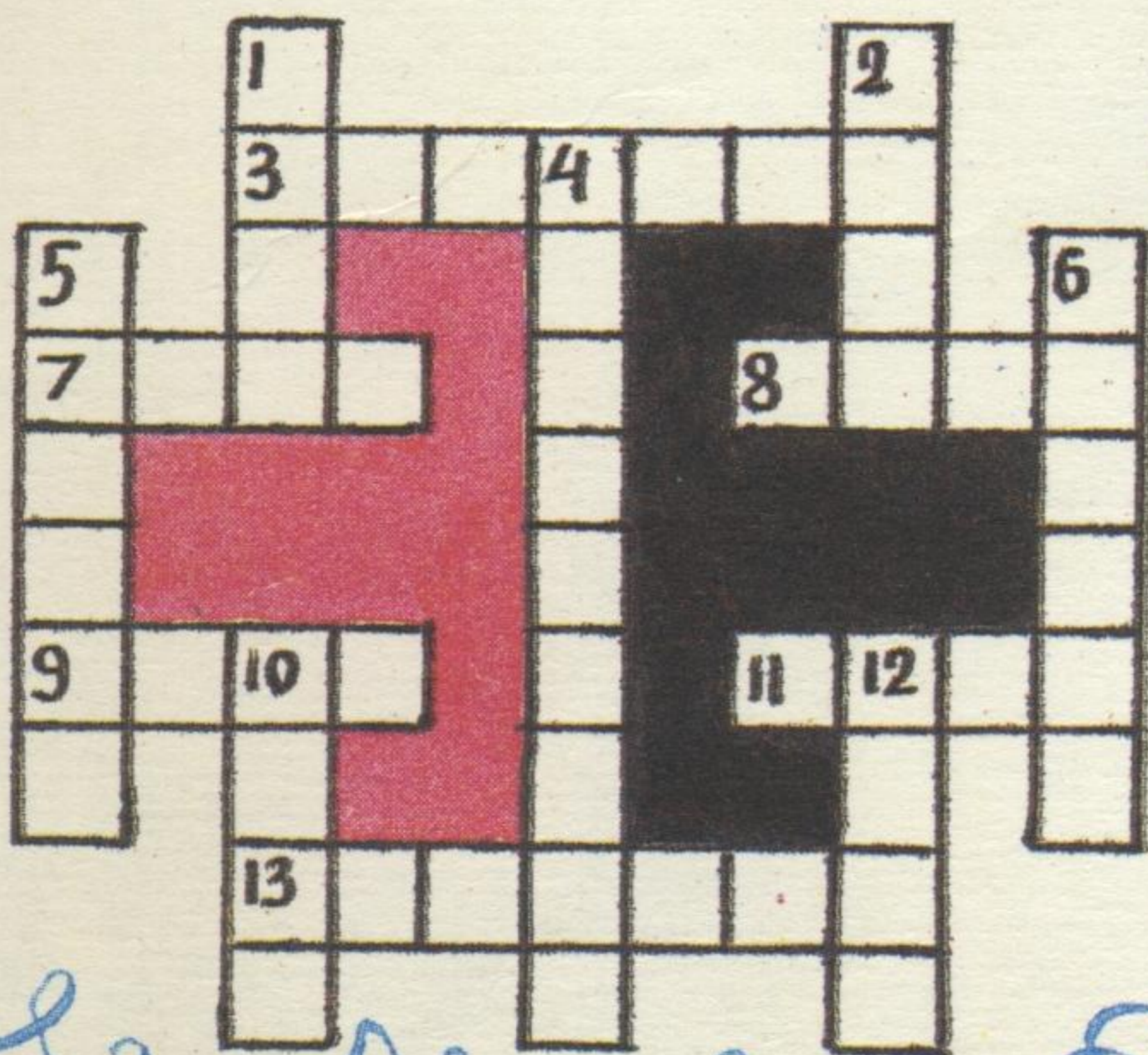
Преобразование слов

Попробуйте превратить слово эхо в слово хор, меняя последовательно только по одной букве.

Мы печатаем мини-кроссворд Ани Косолаповой из города Кургана.

По горизонтали: 3. Грызун с ценным мехом. 7. Водоплавающая птица. 8. Медицинский материал из распущенных волокон. 9. Крупная птица. 11. Растения с длинными стеблями и большими цветками. 13. Город в Белорусской ССР. По вертикали: 1. Вещество, вырабатываемое пчелами. 2. Полярная морская утка. 4. Военный корабль. 5. Областной центр РСФСР. 6. Столица союзной республики. 10. Хищная ночная птица. 12. Дугообразный проход в стене.

Задача профессора Сеницына. 2.5 часа.

Конкурс кроссвордов. По горизонтали: 1. Алфавит. 5. Альфа. 7. Вермишель. 8. Свита. 9. Людмила.

По вертикали: 2. Альпинизм. 3. Медведь. 4. Сильвер. 5. Адрес. 6. Арена.

Странное число. 18

Главный редактор О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. П. ОРЛОВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Г. А. БЕЛТЮКОВА

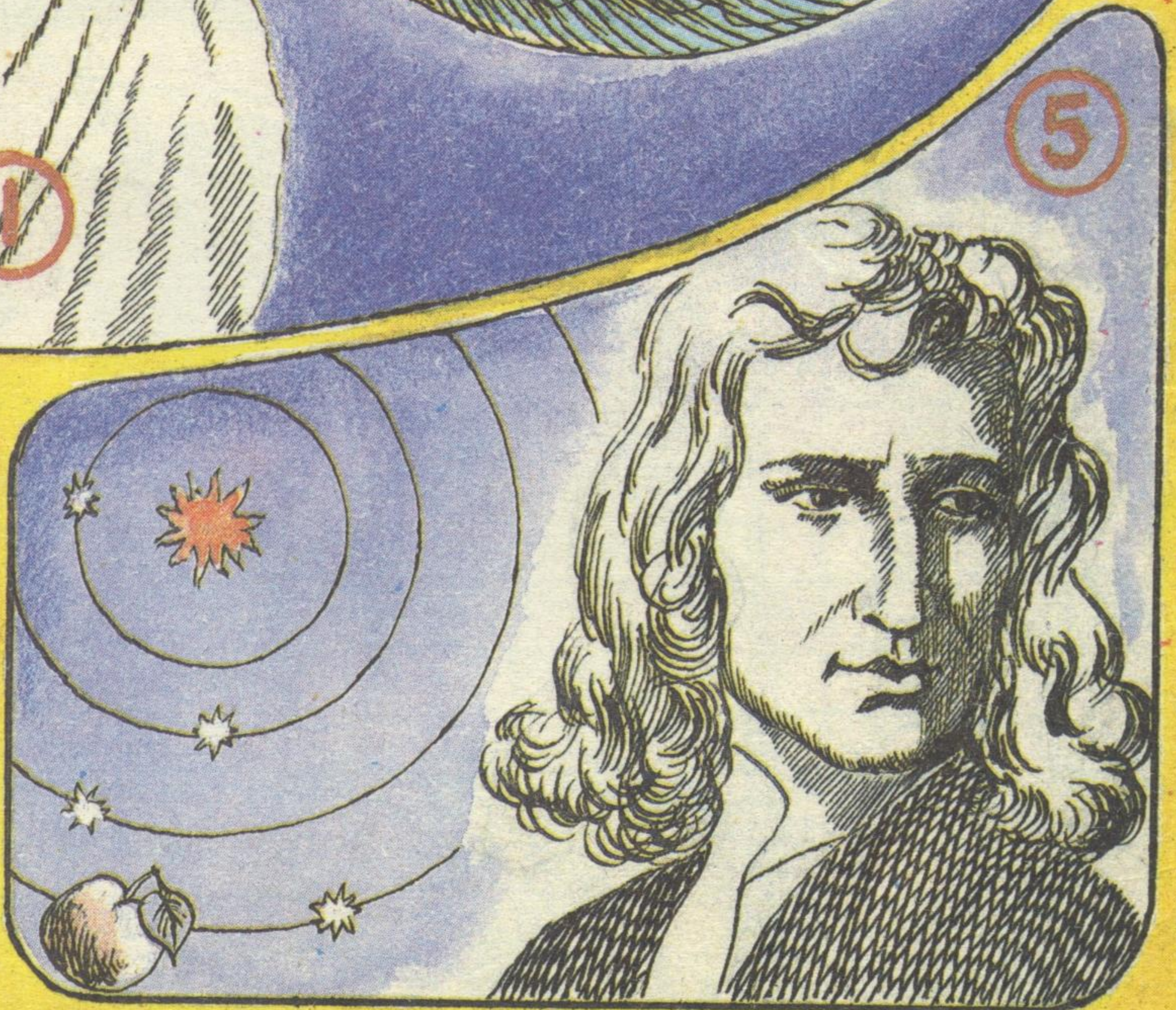
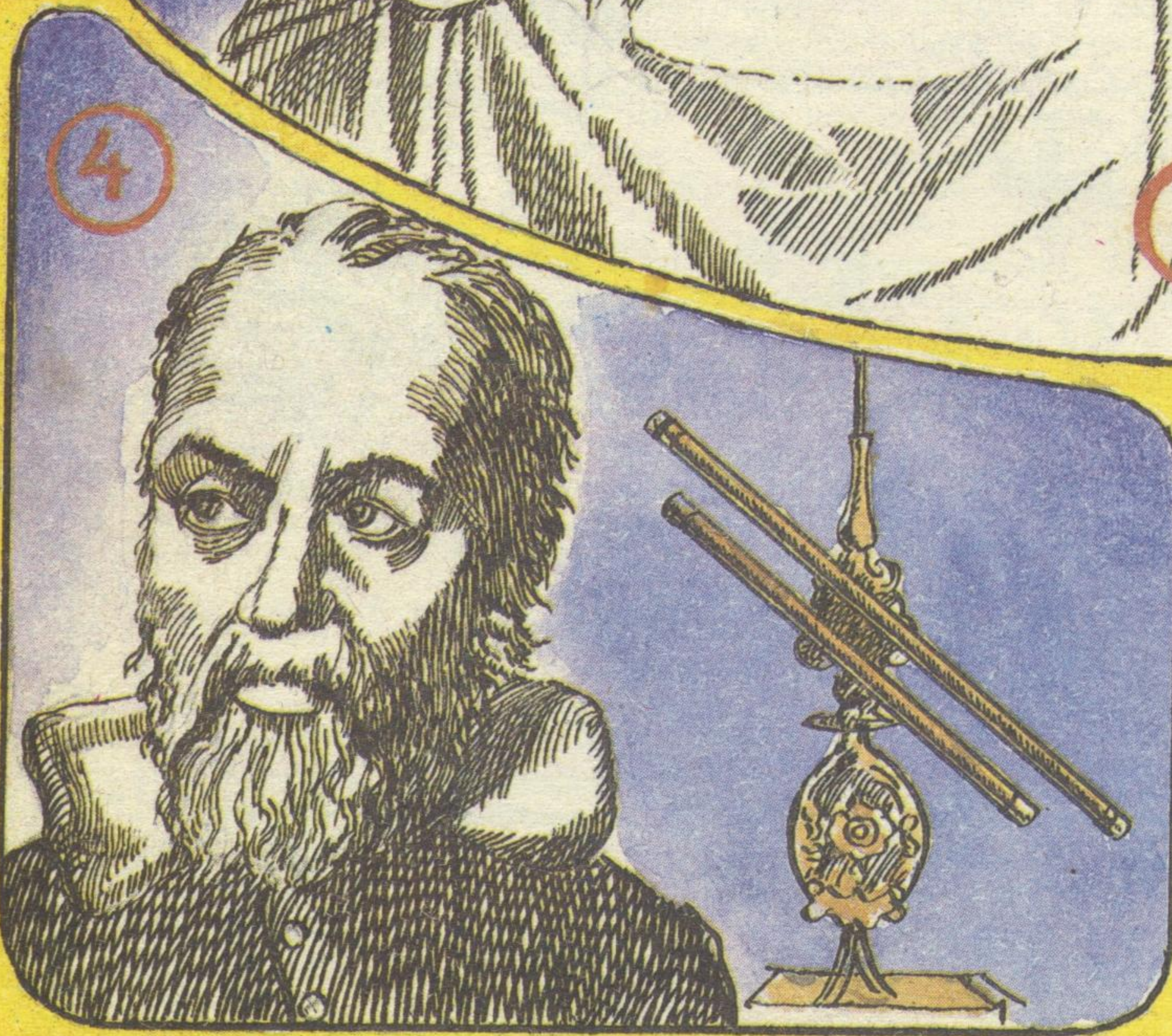
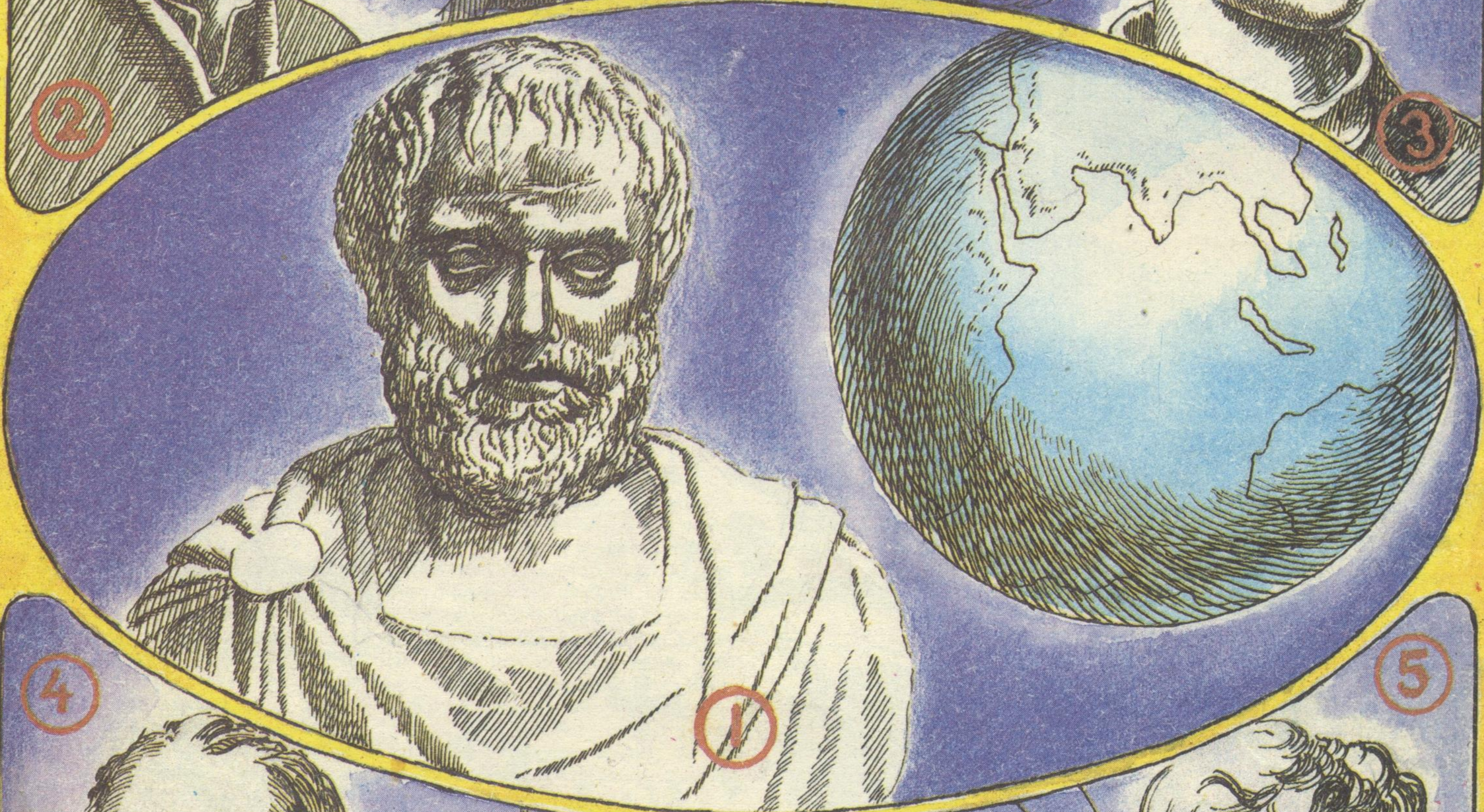
Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-37533. Сдано в набор 07.12.87. Подписано к печати 10.02.88. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 8,1. Печать офсетная. Тираж 1 285 000 экз. Заказ 3607. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 дважды ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского производственного объединения «Типография им. Ивана Федорова» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, г. Ленинград, ул. Мира, 3.

ВИКТОРИНА С РИСУНКАМИ

1. Аристотель (. . . . .) древнегреческий ученый, автор многих . . . . .
 объединявших все известные тогда знания. Писал о шарообразности Земли.
 2. Улугбек (1394—1449) жил в Средней Азии, внук завоевателя Тимура, правитель
 . . . . . Построил обсерваторию с гигантским 40-метровым каменным угломерным
 прибором для определения . . . . .
 3. . . . . (1548—1600) жил в Италии и Франции, развивал идеи Коперника
 о . . . . . По приговору . . . . . сожжен в Риме.
 4. . . . . Галилео (1564—1642) итальянец, построил первый телескоп и от-
 крыл: горы на . . . . . фазы . . . . . четыре спутника . . . . .
 пятна на . . . . . Суд инквизиции заставил его отречься от идеи . . . . .
 5. Ньютон Исаак (. . . . .) английский ученый, жил в Лондоне, открыл за-
 кон . . . . . дал теорию движения небесных тел (законы не-
 бесной . . . . .).

Перепишите подписи,
 заполнив в них пропуски.
 Пришлите ответы по адресу: 193024, Ленинград,
 Мытнинская, 1/20. «Костер» — «Викторина».